ISSN: 2687-0193

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

IR SCIENTISTS' HERALD

№1, 2025 (31)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по экспертно-аналитической работе, руководитель Института актуальных международных проблем, заведующий кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Сидорова Галина Михайловна, доктор политических наук, профессор, профессор Дипломатической академии МИД России, профессор Московского государственного лингвистического университета (ИНЯЗ им. Мориса Тореза), ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, эксперт Российской академии наук по политическим и международным проблемам

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета

Комлева Валентина Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Россия: общество, политика, история», зам. главного редактора журнала «Россия и мир: научный диалог», директор центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Дипломатической академии МИД России

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Синиша Атлагич, доктор политологии, профессор, директор Центра русских исследований Белградского университета (Республика Сербия)

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центр междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Хасанова Асия Шамильевна, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, профессор кафедры политической экономии и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
"IR SCIENTISTS' HERALD"
CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Vice-Rector for Expert and Analytical Work of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Head of the Institute of Current International Issues, Honored Worker of Science of the Russian Federation

DEPUTY CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Galina Sidorova, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Moscow State Linguistic University (Maurice Thorez Institute of Foreign Languages), Leading Researcher of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, expert of the Russian Academy of Sciences on political and international problems.

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglobov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciencesof the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Asiya Khasanova, Doctor of Economics, Honored Worker of Science of the Republic of Tatarstan (Moscow)

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science) Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences

Lidiya Grishaeva, Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Deputy Head of International and National Security Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sinisa Atlagich, Doctor of Political Science, Belgrade University, Professor

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Valentina Komleva, Doctor of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Russia: Society, Politics, History», Deputy Editor-in-Chief of the journal «Russia and the World: Scientific Dialogue»

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник ученых-международников» издается с 2017 г. Советом молодых ученых Дипломатической академии МИД России при поддержке Совета молодых дипломатов Министерства иностранных дел Российской Федерации. Публикуется ежеквартально.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):
5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),
5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер **ISSN: 2687-0193**
Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель
О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.
Редакционная коллегия журнала
Р.Н. Шангараев – главный редактор, д. полит.н., к.эк.н.
О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.
И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь
В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.
Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.
А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.
Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.
А.Ж. Мартиросян – редактор, к.юр.н.
Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.
Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н, редактор журнала *Скопус* (Бразилия)
Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.
С.А. Агуреев – редактор, к.ист.н.
И.В. Красневич – редактор, к.филол.н.
А.Н. Захаров – младший редактор
С.В. Гончаров – младший редактор

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер **ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019** (предыдущее название: «Вестник молодых ученых-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Doctor of Political Science

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.J. Martirosyan – Editor, Ph.D. (Law)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

S.A. Agureev – Editor, Ph.D (Historical Science)

I.V. Krasnevich – Editor, Ph.D. (Philological Science)

A.N. Zakharov – Junior Editor

S.V. Goncharov – Junior Editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL№FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

e-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Шангараев Р.Н., Агуреев С.А., Болтаевский А.А. Исторические аспекты развития русофобии в Финляндии 11
Литвинов В.О. Разделение оппозиции на примере Гонконга 22

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Козюлин В.Б. Применение международного опыта в реализации гуманитарной политики России за рубежом: уроки из США и Китая 33
Шангараев Р.Н., Сельницын А.С. Стратегическая коммуникация Китая в Латинской Америке 55

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Уксусников П.Б. Конкуренция за глобальное лидерство: стратегии США и Китая в эпоху трансформации миропорядка 71
Гоман З.В. Стратегическое партнерство КНР и Туниса 84
Ногмова А.Ш. Развитие международных мультимодальных транспортных коридоров в Центральной Азии: проблемы и перспективы 93
Гандилян М.М. Проблематика глобальной политизации спорта в российском научном дискурсе 106
Тимакова О.А. Связка «безопасность – развитие» в политике Евросоюза в Африке 116
Надеждин А.Е. Русскоязычная диаспора в ФРГ: актуальная ситуация и перспективы 131
Живора Л.И. Пограничные споры в Ферганской долине 142
Вавилов А.Н. «Газовый фактор» во внешнеполитической стратегии России на украинском направлении 159
Жбанов А.М. Когнитивная война – новая реальность гибридного противостояния. Аспекты теоретических концепций и подходов к практическому применению мер когнитивной войны в экспертном сообществе стран НАТО 178
Кашина А.А. Позиция стран Магриба в отношении иностранных военных баз на своей территории: вчера и сегодня 195
Аду Я.Н., Ванграуа В. Ванесса Эстель Стратегическое сотрудничество Мали, Буркина-Фасо и Нигера 212
Ротанёв А.В. Интеграционные процессы в зоне Сахеля 222

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Вершинина Е.В., Вылегжанина В.А. Особенности норвежского законодательства о страховании 243
Велиев Б.Я. Международно-правовой механизм признания нейтралитета Туркменистана и инициативы по расширению института нейтралитета 258

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Амирова Н.Р., Саргина Л.В., Мальцева Е.В. Проблемы и перспективы развития винодельческой отрасли Краснодарского края и Республики Крым 269
Шавина Е.В., Губарев А.Е. Проблемы и совершенствование гуманитарной политики России на пространстве ЕАЭС 282
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 292

CONTENTS

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Shangaraev R.N., Agureev S.A., Boltaevsky A.A. Historical aspects of the development of Russophobia in Finland 11
Litvinov V.O. Hong Kong type of opposition separation 22

PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

Kozyulin V.B. Applying international experience in implementing the Russian Federation's humanitarian policy abroad: lessons from the USA and China 33
Shangaraev R.N., Selnitsyn A. S. China's Strategic Communication in Latin America 55

INTERNATIONAL RELATIONS

Uksusnikov P.B. Competition for global leadership: U.S. and Chinese strategies in the era of world order transformation 71
Goman Z.V. Strategic partnership between China and Tunisia 84
Nogmova A.Sh. Development of international multimodal transport corridors in Central Asia: problems and prospects 93
Gandilyan M.M. Issue of global politicization of sports within Russian scholarly discourse 106
Timakova O.A. “Security-development” nexus in EU policy in Africa 116
Nadezhdin A.E. Russian speaking diaspora in Germany: current situation and prospects 131
Zhivora L.I. Border disputes in the Ferghana Valley 142
Vavilov A.N. “Gas factor” in Russia's foreign policy strategy in the Ukrainian direction 159
Zhbanov A.M. Cognitive warfare as a new reality of hybrid confrontation. Review of the theoretical concepts and approaches to the practical application of cognitive warfare measures in the expert community of NATO countries 178
Kashina A.A. Position of the Maghreb countries regarding foreign military bases on their territory: yesterday and today 195
Adu Y.N., Wangraoua W. Vanessa Estelle Strategic cooperation of Mali, Burkina Faso, and Niger 212
Rotanev A.V. Integration processes in the Sahel 222

INTERNATIONAL LAW

Vershinina E.V., Vylegzhanina V.A. Specifics of the Norwegian insurance legislation 243
Veliyev B.Ya. International legal mechanism for recognizing Turkmenistan's neutrality and initiatives to expand the institution of neutrality 258

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS

Sargina L.V., Amirova N.R., Maltseva E.V. Problems and prospects of development of the wine industry of Krasnodar region and the Republic of Crimea 269
Shavina E.V., Gubarev A.E. Problems and improvement of Russia's humanitarian policy in the EAEU area 282

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 292

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Агуреев Станислав Александрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: stas.agureev@mail.ru
Stanislav A. Agureev,
PhD (History), Associate Professor of the Department of International Relations,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: stas.agureev@mail.ru

Болтаевский Андрей Андреевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
Российский университет кооперации,
e-mail: boltaev83@mail.ru
Andrey A. Boltaevsky,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Humanities,
Russian University of Cooperation,
e-mail: boltaev83@mail.ru

Шангараев Руслан Насимович,
доктор политических наук, профессор
кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: shang143@mail.ru
Ruslan N. Shangaraev,
Doctor of Political Sciences, Professor
Department of Strategic Communications and Public Administration
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: shang143@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РУСОФОБИИ В ФИНЛЯНДИИ

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSOPHOBIA IN FINLAND

Аннотация: статья посвящена историческим аспектам возникновения русофобии в Финляндии. Анализируются причины данного явления и делается

вывод, что негативные оценки политической роли России получили распространение в Финляндии под воздействием влияния западных стран: Великобритании и Швеции с начала XIX века, Германии и Австро-Венгрии в период Первой мировой войны. Отмечается, что освещение данной темы в российской историографии не носило комплексного характера. В современных условиях тема приобретает особую актуальность ввиду отказа Финляндии от нейтрального статуса и вступления в Североатлантический альянс.

Ключевые слова: русофобия в Финляндии, Российская империя, идеология, проблема ревизии истории.

Abstract: the article is devoted to the historical aspects of the emergence of Russophobia in Finland. The authors analyze the causes of this phenomenon and conclude that negative assessments of Russia's political role have spread in Finland under the influence of Western countries – since the beginning of the 19th century, Great Britain and Sweden, and during the First World War - Germany and Austria-Hungary. It should be noted that the coverage of this topic in Russian historiography was not comprehensive. In modern conditions, the topic is becoming particularly relevant due to Finland's rejection of neutral status and accession to the North Atlantic Alliance.

Keywords: Russophobia in Finland, the Russian Empire, ideology, the problem of revision of history.

Введение

Волна русофобии, захлестнувшая недружественные страны Запада, заставляет обратиться к изучению исторических корней данного явления. Широко известно фальсифицированное «Завещание Петра Великого, которое массово распространялось как в 1812 г., так и в 1941 г.: во главу угла здесь ставилась идея якобы предупреждения русской агрессии. Знаменательно, что сразу после разгрома гитлеризма нацистские генералы стремились следующим образом оправдать свой "натиск на Восток": "В течение 20–30-х гг. Советы создали огромную армию, насчитывавшую в мирное время более миллиона человек, и постепенно увеличивали ее <…>» [**2**, с. 65]. Из этого делался далекоидущий вывод о якобы наличии у СССР экспансионистских планов. Впоследствии эти ненаучные сентенции использовались целым рядом западных

авторов для ревизии итогов Второй мировой войны. Сегодня на государственном уровне в Финляндии в сознание граждан внедряются стереотипы о «недружественной политике» Российской империи и Советского Союза по отношению к Финляндии, а нередко предпринимаются попытки обвинить нашу страну в событиях Зимней войны 1939 года, несмотря на то что политический курс Финляндии в этот период был направлен на сотрудничество с нацистской Германией и создавал открытую угрозу границам СССР.

Проблема политической русофобии в Финляндии сегодня актуальна как никогда в условиях, когда страна отказалась от нейтрального статуса и партнерских отношений с Россией в пользу вступления в НАТО, вводятся запреты для российских граждан на получение вида на жительство и возможность приобретать собственность на территории Финляндии. И это несмотря на то, что в 1809 году Россия освободила финнов от Швеции и предоставила им права на самоуправление, а образованное в период правления российского императора Александра I Великое княжество Финляндское отличалось весьма либеральной системой управления. В смысле политического управления ситуация в Финляндии была значительно лучше, чем в Польше и Прибалтике [**1**]. Предоставление же финнам государственности (впервые в истории. – Прим. авт.) правительством В.И. Ленина после распада Российской империи фактически означало начало отсчета собственно финской истории. Политическая русофобия, получившая заметное распространение в Финляндии с конца XIX века, была заимствованным явлением и во многом была связана с политической пропагандой Великобритании и Швеции, являвшихся геополитическими соперниками России в данном регионе.

Истоки русофобии в Финляндии

Исследователь К.В. Душенко отмечает, что термин «русофобия» начал распространяться во второй половине 1830-х годов в Англии, знаменуя собой страх перед российской угрозой интересам Туманного Альбиона, но очень скоро перешел на страницы немецкой и французской печати [**6**]. Однако, зародившись

в Англии, русофобия за последние два столетия закрепилась в целом ряде европейских стран. Чаще всего отечественные исследователи изучали русофобию на примере Великобритании, США, Германии, Франции, в то время как малые страны оказывались за пределами внимания. События недавнего прошлого (вступление Финляндии в НАТО) заставляют обратиться к корням русофобии в этой северной стране.

Географически Финляндия не просто находится на севере Европы: ¼ ее территории расположена за Северным полярным кругом. Российско-финская сухопутная граница превышает 1200 км, уверенно входя в пятерку самых протяженных границ нашей страны. Несмотря на это, общепринято относить Финляндию геополитически и культурно к Западу. Данная позиция неоднократно подчеркивается на сайте «Это Финляндия», созданном Советом по продвижению Финляндии за рубежом и представленном на восьми языках. Русскоязычная страница сайта под названием «История Финляндии» содержит следующие пассажи: «Несмотря на восточное расположение страны, в культурном отношении Финляндия развивалась как часть Западной Европы», «С XII века Финляндия входит в сферу западной культуры» и т.д. [**12**]. В то же время эти высказывания в той или иной мере имеют конъюнктурный характер.

Любопытной видится точка зрения финского автора Хейкки Луостаринена, который отмечает, что для европейцев, открывавших для себя Россию в конце XVI – начале XVII века, наша страна выступала не как продолжатель византийских традиций, а как чуждая и неразвитая страна. Позднее идея расовой «неполноценности» русских укоренилась в Германии на фоне распространения расовых теорий конца XIX века (А. де Гобино, Ж. Ваше де Лапуж, Дж. Чемберлен): «Частично через Швецию эти идеи распространились сначала среди финно-шведов, а после *гражданской войны* [выделено авторами] и среди финноязычного населения». Именно после Гражданской войны, в начале 1920-х годов, «рюссявиха» стала идеологией победителей, так как сами ее причины усматривали в русских большевиках и финских социалистах, а не во

внутренних социальных конфликтах (здесь легко можно провести параллели с первыми годами Веймарской республики).

По итогам Русско-шведской войны 1808–1809 годов и Фридрихгамского мира Финляндия вошла в состав Российской империи. У многих были опасения, что небольшая Финляндия будет поглощена Россией, но действительность оказалась другой. Хотя Хельсинки был перестроен по русскому имперскому образцу (особо отметим православный Успенский собор), а Куоккала стала настоящим курортным центром русской интеллигенции, насильственного насаждения русской культуры не произошло. Более того, несмотря на рост финского национализма, шведская система управления оказала столь устойчивое влияние на регион, что он скорее тяготеет к балто-германскому миру. Антти Куяла пишет: «Финская политическая система и структура финского общества сохраняли черты, унаследованные от Швеции (сейм, большое число гражданских свобод, отсутствие крепостного права), что приводило к заметным различиям между Россией и Финляндией» [**10**, с. 198].

А ведь сегодня русские занимают 3-е место по численности в Финляндии, уступая только собственно финнам и шведам (свыше 93 тыс. человек, или 1,7% населения [**20**]). Стоит отметить, что в последние годы (и это произошло раньше, чем начался массированный санкционный натиск 2022 года) в Финляндии наблюдается рост русофобии, вследствие которой русские финны (граждане Финляндии) меняют русские фамилии на финские, так как иначе испытывают проблемы с трудоустройством [**9**]. В конечном итоге в финском сознании выработался термин «рюссявиха», под которым следует понимать «враждебное отношение к русским» [**7**, с. 121; **4**].

История независимой Финляндии насчитывает немногим более столетия: при этом, получив ее мирным путем в декабре 1917 года, финны окунулись в горнило Гражданской войны, охватившей в то время многие регионы бывшей Российской империи. Матти Клинге отмечает, что «рюссявиха» была обусловлена скорее идеологическими, нежели историческими причинами [**19**].

Действительно, хотя 1899–1905 и 1908–1917 годы вошли в историю Финляндии как первый и второй периоды угнетения, тем не менее русификаторская политика Санкт-Петербурга меркла на фоне схожей политики других великих держав, тем более если сравнить с положением Финляндии до 1809 года.

Заметим, что вплоть до Первой мировой войны численность русских в Великом княжестве была незначительной: по данным на 1900 год, 6 тыс. человек, или менее 0,25% от всего населения Финляндии [**8**]. Сравнительно выше был поток финнов в Россию: в 1900 году в Петербурге проживало около 36 тыс. финнов, на протяжении XIX века 1/5 финских дворян служила в русской армии.

Русофобия в Финляндии в период Первой мировой войны

Начало Первой мировой войны вызвало противоречивые явления в финском обществе. С одной стороны, одной поистине забытой темой является участие в Первой мировой войне финских добровольцев в составе русской императорской армии. Начало этому было положено обращением финского политика Вильгельма Лавониуса, который предложил сформировать добровольческий корпус численностью до 100 тыс. человек. Лавониус полагал, что данный вклад не только поможет в деле восстановления финской автономии, но и снизит социальные проблемы путем привлечения безработных. Этот проект не был осуществлен, но небольшая часть финнов, пусть и рассредоточенная по разным подразделениям, всё же оказалась в составе русской армии.

Диссертация Т. Хоппу на эту тему, защищенная в Университете Тампере, носит именно такое название: «Забытые историей» [**16**]. Потери среди 700 финских добровольцев составили около 1/3, а большинство из них в конечном итоге оказались в 1918 году в рядах белого движения [**21**]. Самым известным из добровольцев стал Франс Хельминен, в годы Второй мировой войны занимавший должность командующего ПВО Финляндии, а после ставший командующим ВВС страны.

Однако массово финны, в том числе военные, отнеслись к возможности участия в войне на стороне России без энтузиазма. Это нашло отражение в

словах финского политика Теклы Хултин: «Победа (России и ее союзников) может оказаться окончательным поражением в нашей юридической битве. Поражение в войне могло бы принести нам облегчение» [**17**]. Любопытным представляется взгляд К.Г. Маннергейма, назначенного в 1914 году командующим гвардейскими частями Варшавы: «Отрицательное отношение поляков к русским было почти таким же, как и наше» [**11**, с. 46]. В целом в этот период, как указывает российский исследователь И.Н. Новикова, для Финляндии было характерно распространение националистических и открыто русофобских взглядов, присущих как интеллигенции, так и представителям простых слоев населения. Кроме того, финские националистические объединения активно сотрудничали с представителями германской и австро-венгерской разведки. Заметная роль отводилась финскими националистами антироссийской пропаганде среди местного населения [**13**].

Среди тех, кто проводил открыто русофобскую позицию, стоит назвать финских егерей, то есть тех финнов (1895 добровольцев, более чем в два раза больше, чем вступивших в русскую армию), которые прошли в 1915–1917 годах обучение в Германии и, вернувшись на родину, не просто стали опорой белофинского движения, но и всячески стремились спровоцировать военные действия между Финляндией и Советской Россией, чтобы устранить Маннергейма с поста главнокомандующего финской армией [**3**, с. 98].

«Россия всегда была и всегда будет врагом человечества и человеческого развития. Принесло ли существование русского народа какую-либо пользу человечеству? Нет! Его исчезновение с лица земли было бы великим благом для человечества» [**18**, с. 148]. Приведенный фрагмент наглядно показывает насаждавшуюся антирусскость в финском обществе, по духу вполне сравнимую с нацистским антисемитизмом. Очень скоро нападки перешли и на укрывшихся в Финляндии представителей русского белого движения. Примечательно, что после взятия белофиннами Выборга за один день без суда было расстреляно около 4 тыс. русских и поляков, причем последних, отличавшихся

благонадежностью, казнили только потому, что они были славянами [**14**, с. 289] (ряд ценных фактов о событиях Гражданской войны в Финляндии см. [**15**]). Впоследствии финские войска творили чудовищные злодеяния на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны, истребляя мирное население и пленных красноармейцев. В период войны финское командование использовало концентрационные лагеря для истребления мирного советского населения, в которых смертность превышала 80%. Исторически финское военно-политическое руководство несет и разделяет полную ответственность с нацистской Германией за блокаду Ленинграда, сопровождавшуюся сотнями тысяч смертей советских граждан.

Необходимо помнить, что зарождение финского национализма как разрушительной античеловеческой идеологии относится к периоду после завершения Первой мировой войны. Одним из главных идеологов финского национализма был Эльмо Кайла, не без участия которого возникло Карельское академическое общество, ставившее своей задачей объединение всей Карелии под властью Хельсинки. Кайла и его сторонники активно выживали «русскость» из финской армии, считая этот вопрос чуть ли не «новой войной за независимость» [**18**, с. 149]. В этой связи показательна судьба Бруно Яландера, который вынужден был в 1923 году покинуть пост министра обороны именно из-за своего офицерского прошлого в русской армии.

Народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов писал в 1935 году: «Ни в одной соседней стране не ведется такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территории, как в Финляндии» [**5**, с. 143]. И действительно русофобия (а затем и советофобия) стала той идеологической базой, на которой формировалось финское общество в 1920–1930-е годы.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Появление русофобии было вызвано идеологическими причинами в форме механизмов конструирования независимой Финляндии. Заметную роль в этом процессе играла политическая

пропаганда противников России – сначала в лице Великобритании и Швеции, а затем, в период Первой мировой войны, Германии и Австро-Венгрии. В этом смысле русофобия в Финляндии носила ярко выраженный политический характер, хотя и облекалась в лозунги борьбы за обретение независимости страны. Несмотря на то что и К.Г. Маннергейм, и финские егеря проводили политику суверенной Финляндии, егерское движение было по своей сути гораздо более антисоветским и антирусским, что связано прежде всего с открытой ориентацией на Германию. Расправы с русскими в 1918 году стали ярким проявлением восторжествовавшей в финском обществе русофобии. Только поражение во Второй мировой войне заставило финских политиков переосмыслить проводимую линию, осознав ее гибельность, и взять курс на сотрудничество с Советским Союзом.

Произошедший на наших глазах отказ от нейтралистской позиции Финляндии и соседней Швеции стратегически не выгоден североевропейским странам и обусловлен конъюнктурными соображениями, а также ревизией исторической памяти.

Список литературы

1. Агуреев С.А. Национальное развитие Финляндии в составе Российской империи в 1905-1907 гг.: от модернизации к краху 1917 года// Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки, 2019, №1 (33). -С.93-99.

2. Блюментрит Г. Московская битва // Роковые решения / Под редакцией доктора исторических наук полковника П. А. Жилина. М.: Воениздат, 1958. С. 64-113.

3. Вестерлунд Л. Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть… СПб.: Аврора-дизайн, 2013. 127 с.

4. Вихавайнен Т. Рюссявиха. История страха перед русскими // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2014. № 1. С. 118–121.

5. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. 1 января - 31 декабря 1935 г. М.: Политиздат, 1973. 718 с.

6. Душенко К.Н. Понятие «русофобия» у русских авторов XIX–XX вв. // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 222–255.

7. Килин Ю. М. Рец. на кн.: Vihavainen T. Ryssäviha. Venäjän-pelon historia. Minerva kustannus oy, 2014. 322 s.

8. Кривцов Н.В. Русская Финляндия. М.: Вече, 2009. 284 с.

9. Котов А. Ты чьих будешь: почему финны становятся русофобами [Электронный ресурс}. URL: https://iz-ru.turbopages.org/iz.ru/s/1253586/aleksei-kotov/ty-chikh-budesh-pochemu-finny-stanoviatsia-rusofobami (дата обращения: 22.03.2024).

10. Куяла А. Кризис в русско-финских отношениях (1899 – 1916) // Русский Сборник: исследования по истории России \ Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XVII: Финляндия и Россия. М.: Модест Колеров, 2015. С. 198-212. С. 198.

11. Маннергейм К.Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. 507 с.

12. Мейнандер Х. История Финляндии // Это Финляндия [Электронный ресурс]. URL: https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/istoriya-finlyandii/ (дата обращения: 21.03.2024).

13. Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. -СПб., СПБГУ, 2002. 300 с.

14. Холодковский В.М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 387 с.

15. Финляндская революция. Сборник статей. М.: Госиздат, 1920. 115 с.

16. Hoppu T. Historian unohtamat. Suomalaiset vapaaehtoiset Venäjän armeijassa 1. maailmansodassa 1914-1918 [Электронный ресурс]. URL: https://trepo.tuni.fi/handle/10024/67575 (дата обращения: 25.03.2024).

17. Huuska V. Suomi tarjosi Venäjälle sotilasapua 100 vuotta sitten . [Электронный ресурс]. URL: https://puheenvuoro.uusisuomi.fi/veikkohuuska/165758-suomi-tarjosi-venajalle-sotilasapua-100-vuotta-sitten/ (дата обращения: 25.03.2024).

18. Karemaa O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä syöpäläisiä Venäläisviha Suomessa 1917-1923. Helsinki: Suomen Historiallinen Seu, 1998. 221 s.

19. Klinge M. Vihan veljistä valtiososialismiin: yhteiskunnallisia ja kansallisia näkemyksiä 1910- ja 1920-luvuilta. Porvoo, 1972. 215 s.

20. Väestö kielen mukaan [Электронный ресурс]. URL: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html#vaesto-kielen-mukaan (дата обращения: 22.03.2024).

21. Vahtola J. Ne 700 vapaaehtoista // Historiallinen Aikakauskirja. № 104(3). S. 339–341. [Электронный ресурс]. URL: https://journal.fi/haik/article/view/139325 (дата обращения: 25.03.2024).

Литвинов Валерий Олегович,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: valeriy.litvinov2015@yandex.ru

Valery O. Litvinov,
Post graduate student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
e-mail: valeriy.litvinov2015@yandex.ru

РАЗДЕЛЕНИЕ ОППОЗИЦИИ НА ПРИМЕРЕ ГОНКОНГА

HONG KONG TYPE OF OPPOSITION SEPARATION

Аннотация: в статье рассматриваются процесс разделения оппозиции на территории специального административного района Гонконг в период с 2014 по 2019 год и результативность данного типа сепарации в ходе протестов 2019 года. Разделение продемократического лагеря на более умеренную и радикальную части позволило увеличить охват аудитории, создать нужное для массовых протестов «разделение труда» и в итоге привело к реформам, которые определят будущее Гонконга.

Ключевые слова: специальный административный район Гонконг, КНР, продемократический лагерь, оппозиция, протесты, Civil Human Rights Front, Закон о национальной безопасности Гонконга.

Abstract: the article examines the separation of opposition in Hong Kong Special administrative region it the period from 2014 to 2019 and the efficiency of this type of division in course of 2019 protests. Separation of prodemocracy camp to more and less radical parts gave them the opportunity to widen the audience reach and create the division of labour needed for the organisation of mass protests, which finally led to reforms that will determine the future of Hong Kong.

Keywords: Hong Kong Special Administrative Region, PRC, pro-democracy camp, opposition, protests, Civil Human Rights Front, Hong Kong National Security Law.

Введение

Перед началом процесса цветной революции на определенной территории там должно заранее присутствовать организованное ядро оппозиции. В ходе

массовых протестов к этому объединению прикрепляется всё больше различных образований, состоящих из менее радикально настроенных граждан, имеющих часто далекие от ядра политические взгляды, однако солидаризирующихся с ним по принципу недовольства общей обстановкой. После, подобно снежному кому, направляемые ядром массы стремятся захватить ключевые государственные объекты и осуществить смену политического режима.

Описанная выше схема является обобщенным шаблоном цветных революций. Однако часто ядро оппозиции, хотя и является высокоинтегрированной структурой со схожими взглядами, делится на более и менее радикальные подразделения. Это нужно, чтобы на наиболее важном начальном этапе захватить разные по взглядам и приемлемым средствам борьбы группы населения. Только так процесс может обрести достаточную стремительность, забрав у государственных структур инициативу и время для принятия решений. На примере протестных событий 2010-х годов в Гонконге видно, как происходит формирование более и менее радикально настроенных частей ядра.

Размежевание оппозиции по гонконгскому типу

Уже в ходе «революции зонтиков» имеющие связь организации продемократического лагеря действовали отдельно: студенты во главе с Джошуа Вонгом сразу перешли в наступление, попытавшись захватить правительственные здания [**34**]. Стоит отметить, что, поскольку у студентов на тот момент еще не было массовой поддержки населения, это была скорее провокация с целью привлечь к себе внимание. Также, если бы правительство Гонконга дало неправильную оценку ситуации и прибегло к стремительному и негуманному использованию силы, нейтрально настроенное население было бы моментально вовлечено в конфликт под грузом яркости данного события.

В то же время организация Occupy Central with Love and Peace под руководством Бенни Тая, преподавателя одного из гонконгских вузов, предприняла попытку использования техники мирного протеста и оккупировала

территории вокруг правительственных зданий [**39**]. Это показывает, что открыто высказывающие схожие цели представители оппозиции действуют различными методами и по сути представляют более и менее радикальное крыло оппозиции.

Ситуация поменялась после неудачной «революции зонтиков». Оппозиции не удалось привлечь на свою сторону достаточное количество сторонников. А потому не произошло ни полноценного захвата правительственных зданий, ни законодательной реакции на протесты со стороны правительства КНР, как это было в 2020–2021 годах. Однако самому противостоянию полиции и студентов была придана большая огласка, социальные активы оппозиции стали стремительно увеличиваться. Это даже позволило Вонгу создать собственную партию «Демосисто» [**20**]. «Революция зонтиков» стала фундаментом по-настоящему массовых протестов 2019 года. Она же дала импульс для последовавшего витка развития оппозиции – ее полноценного разделения.

Теоретической базой для данного процесса стала разница в том, каким должен быть итог борьбы. Сторонники Civil Human Rights Front (далее – CHRF), представлявшей собой наиболее обширное и притом менее радикальное крыло, являлись продолжателями идей гонконгских демократов из XX века. Они пропагандировали два основных взгляда на будущее специального автономного района: сохранение независимого статуса Гонконга в составе КНР и идею демократизации всего Китая (основная идея всех демократических организаций Гонконга до конца 80-х годов). В то же время более радикальная Федерация студентов Гонконга стремилась как можно сильнее изолировать свой демократический строй от влияния извне и отвергла идею демократизации КНР. Наглядным примером для понимания разницы взглядов организаций могут послужить проводимые ими мероприятия.

Хотя в Марше 1 июля, посвященном защите автономии Гонконга, и Факельном шествии в память о событиях 1989 года участвовало всё больше и больше людей (по данным полиции, к Маршу 1 июля присоединилось в 2013 году 33 500 чел. [**5**] и в 2014 году 98 600 чел. [**14**]; к Факельному шествию – в

2013 году 54 000 чел. [**29**] и в 2014 году 100 000 чел. [**41**]), рост численности обусловлен втягиванием в события ранее политически нейтральных граждан, а не присутствием там студентов, поскольку Федерация студентов Гонконга открыто заявила о нежелании впредь принимать участие в Факельном шествии [**25**]. Хотя стоит отметить, что они приступили к проведению собственных мероприятий[**6**].

С теоретической точки зрения размежевание оппозиции в определенном регионе, имеющем долгую историю попыток обретения/поддержания автономии, – неизбежный процесс. К примеру, состав радикальных организаций, выступавших за независимость Северной Ирландии в XX веке, менялся каждые 20–30 лет. Ветераны движения переходили к более умеренным взглядам, в то время как из молодых людей формировалось новое боевое крыло. Другим же вариантом размежевания оппозиции служит расхождение во взглядах. Определенные группы внутри государства могут быть солидарны в желании сместить правительство, однако иметь отличающиеся взгляды: умеренные центристы могут состоять во временном союзе с радикальными националистическими и даже неонацистскими организациями.

Размежевание оппозиции в Гонконге имеет ряд отличий от описанных выше вариантов. Среди представителей оппозиции в САР нет расхождения во мнении относительно финальной цели противостояния. Да, имеется схожесть с первым вариантом, согласно которому со временем происходит замена поколений в оппозиции. Однако, как правило, в таком случае старшее поколение, утратив радикализм, предпочитает использовать более законные рычаги для достижения изначальных целей. В то же время и CHRF, и Федерация студентов Гонконга стремятся использовать неконституционные способы решения проблемы, будь то мирный протест или захват зданий.

Совместная работа оппозиции после размежевания

Этот факт позволяет выдвинуть гипотезу, предполагающую причину разделения оппозиции с целью охвата как можно большего процента населения

при помощи разных пиар-стратегий. К тому же независимо друг от друга организации могли бы проводить подготовку кадров для предназначенных им видов борьбы: CHRF, постулируя мирный протест, могла бы втягивать в движение мирные группы населения, к которым полиции не удалось бы применить силу, не очерняя себя в глазах жителей САР, а Федерация студентов в ходе собственных мероприятий (дублирующих по сути мероприятия фронта) путем радикальной риторики могла бы ковать кадры из молодых людей, морально более подготовленных к открытой борьбе.

В ходе протестов 2019 года можно видеть, что обе организации действовали сообща, использовали одни и те же технические средства и фактически копировали стратегию 2014 года, суть которой была изложена в работах Бенни Тая еще в первой половине 2010-х годов. Большее число участников и годы подготовки сделали акции протестов намного более успешными. К примеру, в отличие от событий «революции зонтиков», студентам удалось захватить здание парламента Гонконга [**45**]. Также крайне эффективной показала себя тактика мобильных протестов, благодаря которой удавалось блокировать инфраструктуру города и перемещаться на новое место до приезда полиции.

Благодаря возросшему числу протестующих и эффективной работе по организации протестных действий в 2019 году оппозиции Гонконга удалось добиться отмены так называемого закона об экстрадиции. Однако это само по себе не смогло положить конец забастовкам. Протесты продолжались, Федерация студентов продолжала выдвигать требования, такие как отставка Кэрри Лем, что вылилось в оборону Политехнического университета Гонконга.

Спустя время правительству САР удалось успокоить протестующих и даже добиться ареста некоторых из них [**48**], что тем не менее не уменьшило решимости оппозиции, поскольку протесты позволили ей заручиться широкомасштабной поддержкой населения. Этот факт открывал иные пути достижения желаемого – предстоящие выборы. Сторонникам

продемократического лагеря удалось добиться хороших результатов на последовавших районных выборах. Избранные кандидаты составляют часть представителей Законодательного совета Гонконга. К тому же в 2020 году должны были состояться основные выборы в Законодательный совет, однако они сначала были перенесены по причине пандемии COVID-19. После вышло Решение ВСНП по вопросу Гонконга, которое дало старт большим реформам в САР, сделавшим невозможной победу сторонников продемократического лагеря на выборах и организацию новых протестных акций.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что разделение оппозиции по гонконгскому типу показало свою высокую эффективность для организации протестов и использования неконституционных методов достижения власти. О результативности может говорить то, что впервые со времен возвращения Гонконга в Китай сторонники КНР внутри специального административного района не смогли полностью справиться с протестами и были на грани утраты собственных лидирующих позиций в Законодательном совете. Всё это привело к необходимости прямого вмешательства в Гонконг с материка и проведения реформ на территории САР вручную.

Исходя из этого следует ожидать разделения оппозиции по гонконгскому типу, то есть деления на более и менее радикальные части с разными функциями при сохранении схожих целей и типа риторики, в предстоящих цветных революциях.

Список литературы

1. Данюк Н.С. «Цветные революции». От теории к практике. – М.: «ЮНИТИ-ДАНА», 2018. – 527 с.

2. Данюк Н.С. Никита Данюк о этапах и методах реализации «цветных революций» // Сайт Института стратегических исследований и прогнозов РУДН. – URL: http://isip.su/ru/articles/197 (дата обращения: 07.10.2024).

3. Карпович О. Цветная «революция зонтиков» в Гонконге: начало «Китайской весны» // Национальная безопасность. 2014 № 6 С. 990–996

4. About Hong Kong Alliance // Hong Kong Alliance in Support of Patriotic Democratic Movements of China official website (new website). – URL: https://hka8964.wordpress.com/hkaeng/#eng_who (accessed: 15.10.2024).

5. Branigan T. Thousands march in Hong Kong to demand democratic reforms // The Guardian. – URL: https://www.theguardian.com/world/2013/jul/01/thousands-march-hong-kong-democratic-reforms (accessed: 12.10.2024).

6. Chan H. Hong Kong student unions to host Tiananmen Massacre forum, amid lingering rift with vigil organisers // Hong Kong Free Press. – URL: https://hongkongfp.com/2019/05/29/hong-kong-student-unions-host-tiananmen-massacre-forum-amid-lingering-rift-vigil-organisers/ (accessed: 14.10.2024).

7. China Won't Recognize British Overseas Passports Issued to Hong Kong Residents // Time. – URL: https://time.com/5934375/british-national-overseas-passport-china-hong-kong/ (accessed: 12.10.2024).

8. Finbarr B., Stuart L. Hong Kong national security law: US gets little backing with hard line on China, as other countries steer clear of threats // South China Morning Post. – URL: https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3086558/hong-kong-national-security-law-us-set-go-it-alone-hard-line (accessed: 08.10.2024).

9. Graham-Harrison E., Yu V. Hong Kong voters deliver landslide victory for pro-democracy campaigners // The Guardian. – URL: https://www.theguardian.com/world/2019/nov/24/hong-kong-residents-turn-up-for-local-elections-in-record-numbers (accessed: 10.10.2024).

10. Hong Kong bars 12 opposition candidates from election // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-china-53593187 (accessed: 11.10.2024).

11. Hong Kong formally scraps extradition bill that sparked protests // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-china-50150853 (accessed: 13.10.2024).

12. Hong Kong lawmakers reject Beijing poll plan // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-33179247 (accessed: 16.10.2024).

13. Hong Kong leader Carrie Lam to withdraw extradition bill // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-china-49575381 (accessed: 11.10.2024).

14. Hong Kong: Democracy rally 'draws 510,000 protesters' // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-28102644 (accessed: 15.10.2024).

15. Hong Kong: Protesters and police in fiery stand-off at university // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-china-50452277 (accessed: 10.10.2024).

16. Hong Kong: Timeline of extradition protests // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-china-49340717 (accessed: 11.10.2024).

17. Hong Kong: UK makes citizenship offer to residents // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/uk-politics-53246899 (accessed: 14.10.2024).

18. Huge protest fills HK streets // CNN. – URL: https://edition.cnn.com/2003/WORLD/asiapcf/east/07/01/hk.protest/ (accessed: 10.10.2024).

19. Hung J. How Can Shenzhen Replace Hong Kong? // The Diplomat. – URL: https://thediplomat.com/2020/12/how-can-shenzhen-replace-hong-kong/ (accessed: 12.10.2024).

20. Joshua Wong's party named 'Demosisto' // rthk.hk. – URL: https://web.archive.org/web/20160419224208/http://news.rthk.hk/rthk/en/component/k2/1252849-20160406.htm (accessed: 14.10.2024).

21. Lam J., Cheng L., Zheng W., Cheung T. Beijing mulling drastic overhaul of Election Committee deciding Hong Kong's chief executive and Legislative Council to curb opposition's influence: sources // South China Morning Post. – URL: https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3114983/beijing-mulling-drastic-overhaul-election-committee (accessed: 13.10.2024).

22. Law of the People's Republic of China on Safeguarding National Security in the Hong Kong Special Administrative Region // Official website of Government of People's Republic of China. – URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202007/3ae94fae8aec4468868b32f8cf8e02ad.shtml (accessed: 09.10.2024).

23. Law V. Hong Kong arrests activists before major protest // Aljazeera. – URL: https://www.aljazeera.com/news/2019/8/30/hong-kong-arrests-activists-before-major-protest (accessed: 14.10.2024).

24. LegCo General Election postponed for a year // Hong Kong government official website. – URL: https://www.info.gov.hk/gia/general/202007/31/P2020073100898p.htm (accessed: 17.10.2024).

25. Liu J. Why Hong Kong students are boycotting Tiananmen vigil // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/av/world-asia-china-32993911 (accessed: 11.10.2024).

26. National Security (Legislative Provisions) Bill to be introduced into LegCo // Hong Kong government official website. – URL: https://www.info.gov.hk/gia/general/200302/24/0224159.htm (accessed: 10.10.2024).

27. National security bill details published // Hong Kong government official website. – URL: https://www.news.gov.hk/isd/ebulletin/en/category/issues/021220/html/021220e07001.htm (accessed: 13.10.2024).

28. Police clear final Hong Kong protest site at Causeway Bay // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-30474687 (accessed: 17.10.2024).

29. Pomfret J., Jones T.Y. Thousands remember Tiananmen as China tightens security // Reuters. – URL: https://www.reuters.com/article/us-china-tiananmen-idUSBRE9530ND20130604 (accessed: 13.10.2024).

30. Qing S. Looking back on Baodiao movement // Caduceus. – 1978. – V. 10, № 4. – p. 354-357.

31. Sandford A. Hong Kong: 'Hundreds' arrested amid protests and clashes on first day under new security law // Euronews. – URL: https://www.euronews.com/2020/07/01/hong-kong-police-make-first-arrest-under-new-security-law (accessed: 11.10.2024).

32. Scarr S., Sharma M., Hernandez M., Tong V. Measuring the masses // Reuters. – URL: https://graphics.reuters.com/HONGKONG-EXTRADITION-PROTESTS/0100B01001H/index.html (accessed: 11.10.2024).

33. Siu B. Goddesses freed // The Standart. – URL: https://web.archive.org/web/20110629172234/http://www.thestandard.com.hk/news_detail.asp?pp_cat=30&art_id=98929&sid=28445581&con_type=3&d_str=20100602&sear_year=2010 (accessed: 12.10.2024).

34. Solomon F. Facing Jail, Democracy Activist Joshua Wong Says 'Hong Kong Is Under Threat' // Time. – URL: https://time.com/4902751/hong-kong-joshua-wong-interview-sentencing-democracy (accessed: 13.10.2024).

35. Steger I., Mozur P. Thousands Rally in Hong Kong for Human Rights // The Wall Street Journal. – URL: https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303745304576365371935162988 (accessed: 14.10.2024).

36. Tai B. 30 Years After Tiananmen: Hong Kong Remembers // The Diplomat. – URL: https://thediplomat.com/2019/05/30-years-after-tiananmen-hong-kong-remembers/ (accessed: 11.10.2024).

37. The decision of the People's National Congress on Establishing and Improving the Legal System and Enforcement Mechanisms for the Hong Kong Special

Administrative Region to Safeguard National Security // Xinhua. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020-05/28/c_1126046490.htm (accessed: 13.10.2024).

38. The President's Executive Order on Hong Kong Normalization // US Federal register. – URL: https://www.federalregister.gov/documents/2020/07/17/2020-15646/the-presidents-executive-order-on-hong-kong-normalization (accessed: 14.10.2024).

39. Thousands at Hong Kong protest as Occupy Central is launched // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-china-29397738 (accessed: 11.10.2024).

40. Thousands Rally in Hong Kong to Mark Tiananmen Anniversary // The New York Times. – URL: https://www.nytimes.com/2016/06/05/world/asia/hong-kong-mark-tiananmen-square-anniversary.html (accessed: 10.10.2024).

41. Tiananmen anniversary marked at huge Hong Kong vigil // BBC. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-china-27702206 (accessed: 16.10.2024).

42. Timeline: The impact of the national security law on Hong Kong // Reuters. – URL: https://www.reuters.com/article/us-hongkong-security-timeline-idUSKBN27S0FL (accessed: 11.10.2024).

43. Wong N., Lee D., Lau C., Siu P. Hong Kong national security law: 53 former opposition lawmakers, activists arrested; authorities accuse them of plot to ‘overthrow’ government // South China Morning Post. – URL: https://www.scmp.com/news/hong-kong/law-and-crime/article/3116573/dozens-hong-kong-opposition-lawmakers-activists (accessed: 14.10.2024).

44. Work log 11/2009 – 11/2010 // Hong Kong Alliance in Support of Patriotic Democratic Movements of China official website (old website). – URL: https://web.archive.org/web/20120503215712/http://www.alliance.org.hk/about/report/report21.html#11 (accessed: 16.10.2024).

45. Yau C., Lo C. Hong Kong’s legislature stormed but police take little action in what analysts say is attempt to win back public support after outcry over crackdown on extradition bill protesters // South China Morning Post. – URL: https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3016841/hong-kongs-legislature-stormed-police-take-little-action (accessed: 16.10.2024).

46. Yeung J., Yeung E. Hong Kong pro-democracy activist Joshua Wong arrested under national security law // CNN. – URL: https://edition.cnn.com/2021/01/07/asia/hong-kong-joshua-wong-nsl-arrest-intl-hnk/index.html (accessed: 10.10.2024).

47. Yuen C. HKFP History: How the July 1 democracy rally provides an annual reading of the political temperature // Hong Kong Free Press. – URL: https://hongkongfp.com/2016/07/01/hong-kong-hkfp-history-how-the-july-1-democracy-rally-provides-an-annual-reading-of-the-political-temperature/ (accessed: 17.10.2024).

48. Zhang K., Lum A. Hong Kong protests: Apple Daily owner Jimmy Lai charged over August 31 march and alleged intimidation of reporter at 2017 vigil // South China Morning Post. – URL: https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3052789/hong-kong-protests-apple-daily-owner-jimmy-lai-arrested (accessed: 14.12.2024).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Козюлин Вадим Борисович,
кандидат политических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра военно-политических исследований,
Институт актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

Vadim B. Kozyulin,
PhD, Professor,
Chief Scientific Officer, Center for Military and Political Studies,
Institute of Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation,
e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА В РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ: УРОКИ ИЗ США И КИТАЯ

APPLYING INTERNATIONAL EXPERIENCE IN IMPLEMENTING THE RUSSIAN FEDERATION'S HUMANITARIAN POLICY ABROAD: LESSONS FROM THE USA AND CHINA

Аннотация: находящейся под санкционным давлением России сегодня приходится осуществлять «разворот на Восток», делить мир на дружественные и недружественные страны, определять новые ценности и приоритеты и вырабатывать новую гуманитарную политику в отношении членов мирового сообщества. Соединенные Штаты и Китай находятся в пятерке лидеров в «Глобальном индексе мягкой силы» [**11**]. Несмотря на то что США и КНР можно назвать антагонистами в сфере «мягкой силы», их богатый опыт гуманитарной деятельности может послужить источником полезных наблюдений и выводов для принятия решений по совершенствованию российской гуманитарной политики.

Ключевые слова: гуманитарная политика, «мягкая сила», нарратив, гуманитарная помощь, военная помощь, USAID, Институт Конфуция.

Abstract: under sanction pressure, Russia is compelled to pivot towards the East, divide the world into friendly and unfriendly countries, establish new values and priorities, and develop a new humanitarian policy towards members of the global community. The United States and China are among the top five leaders in the “Global Soft Power Index”. Despite being antagonists in the realm of soft power, their extensive experience in humanitarian activities can serve as a valuable source of observations and insights for refining Russian humanitarian policy.

Keywords: humanitarian policy, soft power, narrative, humanitarian aid, military aid, USAID, Confucius Institute.

Понятие и источники гуманитарной политики США, Китая и России

Термин «гуманитарная политика» многозначен. В российской академической среде исследователи относят к гуманитарной сфере международной политики вопросы образования, науки, культуры, здравоохранения, спорта, борьбы с бедностью [**4**].

Е.С. Громогласова причисляет к сфере гуманитарной дипломатии также «вооруженные конфликты и их последствия (вынужденное перемещение, разрушение социальной инфраструктуры), распространение инфекционных заболеваний, низкий уровень социально-экономического развития отдельных стран и регионов мира и бедность, другие нетрадиционных угрозы безопасности (терроризм, оргпреступность, торговля людьми и др.), стихийные бедствия, последствия климатических изменений в целом и др.» [**1**].

Понятие «гуманитарная политика» в западном толковании в значительной мере коррелируется с понятием «мягкая сила».

В понимании западных государств определение «гуманитарный» используется прежде всего в связи с оказанием помощи в чрезвычайных ситуациях (снабжение продовольствием, восстановление медицинских служб, разминирование почв и т.д.) либо с противодействием нарушению прав человека и насилию.

В основе гуманитарной политики США лежат ценности прав человека и либеральной экономики.

Китай в своей гуманитарной политике придерживается принципов взаимного уважения, равенства, выполнения обещаний, взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела стран-получателей.

США

В Соединенных Штатах сложилось понятие «публичная дипломатия», в основе которой лежит политологическая концепция «мягкой силы» Джозефа Ная, базирующаяся на трех опорах: ценностях, системе политического устройства общества и внешней политике страны, – на которых строится международный образ любой страны.

Термин «гуманитарная политика» в американском понимании связан с реагированием на чрезвычайные гуманитарные ситуации, предоставлением помощи, защитой и поддержкой пострадавшего населения либо уязвимых групп населения. Гуманитарная политика руководствуется принципами гуманности, нейтралитета, беспристрастности и облегчения страданий.

«Мягкая сила» включает в себя такие сферы, как культурная дипломатия, влияние средств массовой информации, экономическое взаимодействие и общественная дипломатия. Она относится к способности государства влиять на другие государства посредством привлекательности своей культуры, ценностей, политики и институтов и направлена на формирование позитивного восприятия, повышение репутации страны и ее влияния на мировой арене. Как правило, мотивация, стоящая за «мягкой силой», направлена на создание благоприятных условий для достижения политических, экономических целей или целей в области безопасности США, часто носит стратегический характер, обусловлена желанием государства продвигать свои национальные интересы, укреплять свой глобальный авторитет, влиять на международные процессы.

Правовой основой текущей стратегии правительства США по оказанию иностранной помощи служит “The 1961 Foreign Assistance Act”. Иностранная помощь США в общих чертах подразделяется на две категории:

1. Экономическая или невоенная помощь, которая включает гуманитарную помощь, программы государственных служб и ведомств.

2. Военная помощь (содействие в борьбе с терроризмом или наркотиками за рубежом и пр). Во многих случаях это различие может быть размытым [**9**].

Единого документа, формирующего стратегию США в области «мягкой силы», не существует. Ключевыми документами, определяющими подходы страны, можно назвать Стратегию национальной безопасности США, Четырехгодичный обзор дипломатии и развития (Quadrennial Diplomacy and Development Review), Рамочную программу оказания иностранной помощи (Foreign Assistance Framework), разнообразные программы культурного обмена и инициативы в области публичной дипломатии (например, по борьбе с дезинформацией и продвижению ценностей США либо привлечению молодых лидеров со всего мира в США для профессионального обмена и диалога).

Китай

26 сентября 2023 года Китай опубликовал «Белую книгу» о построении глобального сообщества единой судьбы, грандиозный проект формирования лучшего мира. В основу него легли идеи, выдвинутые Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году [**7**].

Пекин противопоставляет свое видение будущего западному порядку блоковой политики, в котором «сила делает правым». «Белая книга» стала подтверждением того, что КНР проводит все более проактивную гуманитарную политику, в которой важную роль играет контроль над международным дискурсом и нарративами.

В 1964 году премьер-министр Китая Чжоу Эньлай изложил базовые принципы экономической и технической помощи Китая другим странам: уважение государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела других государств, отсутствие каких-либо условий, ориентация на малозатратные (но высокодоходные) проекты развития, которые способствуют

укреплению суверенитета и независимого развития стран-реципиентов. К этому позднее добавилось использование во всех проектах поддержки развития материалов и оборудования китайского производства и китайской технической помощи, а также поддержка политики одного Китая в качестве непреложного условия для получения помощи от КНР.

В 2018 году в КНР было учреждено Китайское агентство по международному развитию и сотрудничеству (CIDCA), которое подчиняется Государственному совету Китая. До этого управление «мягкой силой» Китая находилось в ведении более 30 министерств и ведомств. Агентство контролирует планирование, проектирование, мониторинг и оценку, а за реализацию проектов отвечают другие ведомства. Руководящая структура агентства, административные процессы и бюджет тесно связаны с Министерством торговли (MOFCOM). В 2019 году номинальный бюджет CIDCA составлял 18 млн долларов, в то время как бюджет внешней помощи MOFCOM составлял 2,63 млрд долларов. CIDCA насчитывает около 100 сотрудников. Этот относительно небольшой штат недостаточен для отслеживания всей предоставляемой помощи, однако численность персонала не увеличивается [**8**].

Стратегия «мягкой силы» Китая не прописана в едином документе. Представление о подходах Китая к усилению своего глобального влияния можно почерпнуть в национальных планах развития Китая, таких как Пятилетние планы и инициатива «Один пояс, один путь», которые часто включают элементы «мягкой силы» – культурные обмены и продвижение китайского языка, культуры и ценностей. По отдельным подобным направлениям Китай периодически выпускает официальные документы.

В мире широко известна «Инициатива Института Конфуция» – культурная и образовательная программа, созданная правительством Китая для продвижения китайского языка и культуры во всем мире. Китай расширяет глобальное присутствие в средствах массовой информации с помощью таких инструментов, как Китайская глобальная телевизионная сеть (CGTN),

Международное радио Китая (CRI) и информационное агентство «Синьхуа». Эти СМИ стремятся представить перспективы, нарративы и культурные продукты Китая международной аудитории, внося свой вклад в демонстрацию его «мягкой силы». Китай активен в области публичной дипломатии (проведение культурных фестивалей, спонсирование программ обмена для иностранных студентов и поддержка китайских выставок по всему миру, академических обменов и стипендий).

Единственным документом, содержащим данные по иностранной помощи КНР, служит Белая книга «Помощь Китая зарубежным странам». Этот документ отражает лишь общие принципы оказания зарубежной помощи и статистические показатели по ключевым регионам исключительно в процентном соотношении без упоминания об основных странах-реципиентах [**14**]. Очевидно, Пекин намеренно не стремится к прозрачности своих зарубежных расходов. Так, финансовые данные о большей части двусторонней помощи Китая в борьбе с COVID-19 не поступили в Службу финансового отслеживания ООН, что затруднило оценку его затрат.

Принципы гуманитарной деятельности Пекина отличаются от философии основных глобальных доноров, которые обычно выделяют значительную часть расходов на помощь неправительственным организациям (НПО) и/или поддержку проектов ООН. «Белая книга» КПК по внешней помощи за 2014 год уделяла особое внимание проектам развития. Китай предпочитает предоставлять двустороннюю гуманитарную помощь непосредственно правительствам стран-получателей, а не НПО и многосторонним институтам. Китайская политика невмешательства и уважения государственного суверенитета выражается в большей поддержке сотрудничества по линии Юг – Юг, отказе от гуманитарной помощи в вооруженных конфликтах и опоре на двусторонние трансакции.

Проекты развития инициативы «Пояс и путь» также непрозрачны. С ближайшими соседями у КНР подписаны соглашения, договоры, заявления, документы, которые создают двусторонние механизмы стратегического

взаимодействия: новейшая финансовая стратегия Казахстана «Нурлы жол», «Новый план Узбекистана», «Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года» и «Возрождение древнего Шелкового пути» Туркменистана.

Можно отметить изменения в наборе инструментов оказания помощи Китаем. Традиционно она оказывалась в восьми формах: строительные проекты, товары и материалы, техническое сотрудничество, сотрудничество в развитии людских ресурсов, направление медицинских бригад, добровольцев, чрезвычайная гуманитарная помощь и облегчение долгового бремени. В 2015 году Си Цзиньпин предложил создать новый инструмент оказания помощи «Фонд содействия сотрудничеству Юг – Юг». В 2017 году к первоначальному взносу в размере 2 млрд долл. был добавлен еще 1 млрд долларов. На эти средства Китай реализует проекты уже совместно с многочисленными международными организациями. Более того, в новых документах Китая появляются новые темы и направления помощи, такие как гендерное равенство, устойчивый экономический рост, основанный на инновациях, и совершенствование управления в развивающихся странах. Потенциал Китая в области оказания помощи растет, и теперь он действует более искусным образом [**14**].

Россия

В современном российском понимании гуманитарную политику можно толковать как несиловые способы и методы достижения внешнеполитических целей, направленные на формирование позитивного имиджа России, повышение ее привлекательности и создание положительного международного восприятия.

Утвержденная Указом Президента № 611 «Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» от 5 сентября 2022 года называет главной задачей гуманитарной политики «формирование представления о России как о государстве, которое бережно сохраняет свою богатую историю и культурное наследие, традиционные духовно-нравственные ценности и в

котором динамично развивается социально-культурная жизнь в условиях свободы литературного, художественного и других видов творчества, плюрализма мнений, отсутствия цензурных ограничений». На втором месте в списке задач значится «защита, сохранение и продвижение традиций и идеалов, присущих Русскому миру». На третьем – «продвижение преимуществ федеративного устройства Российского государства, в котором признается равное достоинство культур всех народов, проживающих на его территории». Этот документ, как и последняя версия Концепции внешней политики РФ, уже не содержит отсылок к «мягкой силе», которые можно найти в Концепции внешней политики 2013 года.

Практические аспекты гуманитарной политики Китая

В 2023 году в «Глобальном индексе мягкой силы» Китай из-за последствий ковидных ограничений переместился в общем рейтинге с 4-го на 5-е место (после США, Великобритании, Германии и Японии) [**11**].

До 2011 года Пекин не публиковал официальную статистику расходов на иностранную помощь, чтобы не провоцировать недовольство со стороны живших в бедности китайских граждан. Поскольку Китай ассоциирует себя с Глобальным Югом, он избегает называть свою помощь другим развивающимся странам иностранной помощью. Кроме того, китайскую экономическую помощь нередко скрывают такие инструменты, как совместные предприятия, гранты, беспроцентные и льготные кредиты, что осложняет определение содержания и фактической суммы расходов Китая на гуманитарные проекты. По приблизительным оценкам, гуманитарные расходы КНР составляют около 30 млрд долл.

В 2012 году Си Цзиньпин представил «китайскую мечту». Он сказал, что «это мечта о мире, развитии, сотрудничестве и взаимной выгоде для всех. Это связано с прекрасными мечтами людей в других странах. Китайская мечта принесет пользу не только китайскому народу, но и народам всех стран мира». Си отметил, что в глобальной перспективе «китайская мечта» изменит

глобальный ландшафт, который формировался западными странами в течение последних двух столетий в ходе индустриализации. По его словам, новый глобальный ландшафт будет формироваться на основе международных правил и опыта как развитых, так и развивающихся стран [**6**].

Стремительный экономический рост Китая требует иностранных источников сырья, а также новых рынков для сбыта его продукции. Однако конфликты и политическая нестабильность по всему миру (Ливия, Мьянма, Судан) повлияли на китайские инвестиции, фактически угрожая его экономическому развитию и социальной стабильности. Для защиты прав и интересов китайских предприятий за рубежом Китай направляет свою иностранную помощь военным в принимающих странах и многосторонним инициативам по обеспечению мира и безопасности в горячих точках мира.

Китайская иностранная помощь ориентирована на государства-получатели, а не на гражданское общество и неправительственные организации. Китай подчеркивает, что готов сотрудничать с режимами любой политической ориентации.

Первой попыткой Китая применить западную концепцию «мягкой силы» стало развертывание глобальной сети Институтов Конфуция. Однако этот флагман китайской «мягкой силы» стал объектом критики на Западе и в некоторых странах Глобального Юга из-за стремления Пекина продвигать политическую повестку. По этой причине институты подверглись административному давлению со стороны властей, а в ряде стран даже были закрыты. Чтобы придать Институту Конфуция большую независимость и связать его с гражданским обществом, правительство КНР передало его от Министерства образования КНР специально созданному негосударственному фонду.

При Си Цзиньпине Китай скорректировал свою гуманитарную политику и на смену «мягкой силе» пришла концепция «дискурсивной силы». В качестве интеллектуального источника сами китайцы называют идеи французского

философа Мишеля Фуко. Эта связь выглядит довольно искусственно и, вероятно, используется для обоснования «западного» происхождения концепции, связанной с интеллектуальным доминированием. В реальности китайская версия дискурсивной силы имеет с ними мало общего. На XX съезде КПК в октябре 2022 года партия обозначила цель: дискурсивная сила Китая должна отвечать совокупной мощи и международному статусу Китая.

Новая концепция носит наступательный характер и подпитывается стремлением Пекина конкурировать за лидерство в мировых процессах с Вашингтоном – «дискурсивным гегемоном», подчиняющим союзные страны и малые государства собственной воле посредством идеологических установок и нарративов. Китайские установки дискурсивной силы, разумеется, не менее идеологизированы и нацелены на решение задач внутренней политики и сохранение политического режима.

Дискурсивная сила требует создания разветвленной сети распространения собственных китайских ценностей, смыслов и нарративов среди политической, деловой элиты и технической интеллигенции в мире. Для продвижения своих политических, моральных, институциональных и технологических установок китайцы используют личные контакты, трибуны и коридоры международных организаций, партнерство с аналитическими центрами, стипендиальные программы. Иностранные наблюдатели отмечают, что, хотя китайские тезисы сложны для понимания либо слишком прямолинейны, в пользу китайских усилий работает богатое наследие традиционной культуры и беспрецедентный экономический потенциал Китая. Развитие китайской дискурсивной силы прослеживается в последовательности концепций: «Новый шелковый путь», «Один пояс – один путь», «Пояс и путь», «Сообщество единой судьбы человечества», которые энергично транслирует китайская дипломатия.

Так же напористо дискурсивная сила Китая работает и в технологической сфере, где Китай продвигает свои товары, технологии и стандарты.

Китай развивает опыт неформальной, нередко скрытой поддержки иностранных политических деятелей. Отчасти благодаря материальной помощи от КНР в ходе борьбы с колониализмом в 1971 году африканские страны поддержали возвращение Пекину места в Совете Безопасности ООН. Пекин учредил государственные стипендии и программы профессиональной подготовки для высокопоставленных правительственных чиновников стран Глобального Юга, чтобы они могли изучать китайский путь развития в таких учреждениях, как Институт сотрудничества и развития Юг – Юг (Institute of South – South Cooperation and Development) при Пекинском университете.

В последние годы гуманитарная политика КНР трансформируется из идеологически ориентированной в прагматичную и экономически ориентированную с уклоном на рыночные подходы. За этим четко просматриваются китайские экономические и геополитические интересы, стремление получить доступ к рынкам и сырьевым товарам.

Помощь Китая связана с экспортом его модели развития в качестве образца для других развивающихся стран. Хотя изначально помощь оформляется в виде взаимовыгодных для КНР и государства-получателя программ в сельском хозяйстве, инфраструктурных проектов, технического сотрудничества, образования и подготовки кадров, она позволяет Китаю продвигать свою ориентированную на государство модель экономического развития в качестве альтернативы западной неолиберальной программе экономического развития [**9**].

В сентябре 2023 года Центр глобального взаимодействия Государственного департамента США опубликовал доклад, в котором утверждается, что Пекин работает над распространением ложной информации по всему миру, используя пять способов: пропаганду и цензуру; продвижение цифрового авторитаризма; использование международных организаций и двусторонних партнерств; сочетание кооптации и давления; осуществление контроля над китайскоязычными СМИ. Авторы утверждают, что этими мерами

Пекин подчиняет страны своим экономическим интересам. В докладе говорится, что по состоянию на 2019 год информационный контроль КНР распространялся на 102 страны [**12**].

С 2016 года Пекин применяет более гибкий подход, открывая в зарубежных странах профессиональные колледжи, так называемые Мастерские Лу Баня. По преданиям, живший в V веке до н.э. Лу Бань был изобретателем многих используемых по сей день примитивных орудий. Сегодня в мастерских его имени можно получить академическое образование по самым современным направлениям, таким как промышленные роботы, новые источники энергии и Интернет вещей. Мастерские обеспечивают профессиональную подготовку для местной экономики и являются важным элементом инициативы «Пояс и Путь». Таким образом, Китай готовит специалистов, знакомых с китайскими технологиями, способных работать с китайским оборудованием, а также распространяет свои промышленные стандарты по миру.

Соединенные Штаты жестко критикуют китайские способы продвижения национальных интересов. Однако многие воспринимают усилия Китая благосклонно. Пекин связал свои стратегии с Целями устойчивого развития, а также с принятой Африканским союзом «Повесткой дня до 2063 года». Даже Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш высоко оценил приверженность Китая обеспечению общественных благ: «Пять столпов "Пояса и пути" – координация политики, подключение объектов, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и обмены между людьми – неразрывно связаны с 17 Целями устойчивого развития… В этих и других областях Организация Объединенных Наций готова поддержать согласование инициативы "Пояс и путь" с Целями устойчивого развития, делиться знаниями и максимально использовать возможности этой крупномасштабной инициативы для получения максимальных дивидендов в области устойчивого развития» [**13**].

В рамках ШОС Китай реализует проекты в таких сферах, как инфраструктурное строительство, транспорт, энергетика, высокие технологии, сельское хозяйство, гуманитарное, культурное и военное сотрудничество.

Обратной стороной экономической помощи Китая является «дипломатия долговой ловушки». Китайские банки финансируют добычу золота, строительство дорог, мостов, ГЭС, метро в странах Центральной Азии. При этом одним из главных условий льготных кредитов КНР является участие китайских компаний в финансируемых проектах.

По состоянию на 2021 год Бишкек должен Пекину 1,77 млрд долларов. В случае невозврата долгов или просрочки со стороны Киргизии китайцы готовы получить в собственность объекты, которые они профинансировали [**2**]. Узбекистан задолжал Китаю $4,2 млрд, что составляет 16,7% в общей структуре долга. Таджикистан должен Пекину около $1,1 млрд. Это составляет 35% внешнего долга республики. Самым крупным должником в Центральной Азии стал Казахстан. По данным Национального банка Казахстана, на 1 января 2022 года страна была должна Китаю $9 млрд. Такое сильное влияние Китая нередко ведет его партнеров в «китайскую долговую ловушку». Пекин пошел навстречу просьбам правительства Киргизии и отсрочил выплаты на 4 года, однако ввел дополнительную двухпроцентную ставку. Отсрочки по платежам Таджикистана привели к потере 80% золоторудных месторождений страны, которые будут принадлежать Китаю до тех пор, пока Таджикистан не выплатит долги.

Посол Китая в Ташкенте Цзян Янь назвала необоснованными сообщения о китайских кредитах, из-за которых страны попадают в «долговые ловушки», подчеркнув «отсутствие политических условий в договорах». Глава китайской дипломатической миссии также отметила, что договоренности необходимо соблюдать «в соответствии с рыночными условиями и определенными правилами».

По данным американской исследовательской лаборатории AidData, объемы долгов развивающихся стран перед Китаем за последние 20 лет достигли

385 млрд долларов, но китайские контракты не позволяют заемщикам раскрывать условия сделок [**5**].

Практические аспекты гуманитарной политики США

Иностранная помощь США формировалась в контексте холодной войны как инструмент поддержки антикоммунистических союзников и средство продвижения рыночной экономики и демократии. Позже практика оказания помощи бедным странам Глобального Юга распространилась среди либерально-демократических правительств стран Глобального Севера, включая США, как форма альтруизма. После терактов 11 сентября администрация Буша резко увеличила масштабы гуманитарного содействия странам, сотрудничающим с США в глобальной войне против негосударственных террористических группировок. Побочным эффектом так называемой «глобальной войны с терроризмом» стало увеличение нарушений прав человека во многих сотрудничающих странах, усиление внутренних репрессий против гражданских политических диссидентов и критиков правительства в Пакистане, на Филиппинах, в Мексике и Колумбии.

Иностранная помощь США заметно отличается от помощи Китая, официальная финансовая стратегия которого признает единственным законным бенефициаром исключительно государства. Получателями иностранной помощи США являются государственные агентства, частные корпорации, благотворительные учреждения и межправительственные организации (например, ООН). Объем ежегодной иностранной помощи США составляет около 50 млрд долл. Детальная информация по расходам публикуется в Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting. Самые большие бюджеты у Агентства США по международному развитию, Госдепартамента, министерства обороны и министерства армии (Department of the Army).

В отличие от официальных финансов Китая, программы иностранной помощи США четко определены, подробно и обстоятельно прописаны с точки

зрения их основных политических целей и круга получателей. Например, США предоставляют узкоспециальные программы студентам из общин тибетских беженцев в Индии и Непале; выдающимся студентам из недостаточно представленных секторов и регионов Туниса; малообеспеченным американским студентам для обучения за границей.

США открыто финансируют деятельность, которую во многих странах расценивают как подрывную. Например, уйгурская служба Radio Free Asia вещает на уйгурском языке на мусульманские общины в Синьцзяне, а татаро-башкирская служба «Радио Свобода» – «Радио Азатлыг» – транслирует программы на татарском и башкирском языках на российскую аудиторию.

Стремясь ослабить связи бывших советских республик с Россией, США в рамках программ помощи государственному управлению продвигают националистически идеологизированные смыслы в правовые стратегические документы и стратегии социально-экономического развития этих государств. В центральноазиатских республиках искусственно формируется новая гражданская идентичность, основанная на идеях национализма и исключительности. Среди населения республик Вашингтон формирует мифологические представления о том, что, в отличие от США, Россия и Китай занимаются «эксплуатацией» региона и пытаются проводить неоколониальную политику. Так, через элиту Казахстана продвигается новая «всеказахская идентичность», потребность перехода с кириллицы на латиницу. Под лозунгами развития суверенной демократии центральноазиатским странам предлагаются новые целевые ориентиры: декарбонизация экономики, «зеленый» переход, гендерная тематика, развитие деловой инициативы, открытие рынков, транспарентность, рост роли НКО в госуправлении [**3**].

Американская система «мягкой силы» отличается адаптивностью и особой внутренней гибкостью. Так, ежегодный доклад Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting позволяет всем участникам системы не только оценить прошлые достижения и текущие проекты всех

участников публичной дипломатии США, но и представить рекомендации для совершенствования деятельности. Доклад содержит рекомендации как для отраслевых институтов и служб, так и для Белого дома, госсекретаря и Конгресса США.

Оказывая гуманитарное влияние, США зачастую руководствуются геополитическими целями, внутриполитическими соображениями и даже личными интересами. Так, в настоящий момент можно наблюдать перенос внутреннего дискурса на гуманитарную политику: вслед за принятием в 2012 году президентского указа №13985 «Продвижение расового равенства и поддержки малообеспеченных сообществ через федеральное правительство» (Executive Order 13985 Advancing Racial Equity and Support for Underserved Communities Through the Federal Government) одним из приоритетов стало продвижение «разнообразия, равенства, инклюзивности и доступности» (diversity, equity, inclusion, and accessibility (DEIA) через программы публичной дипломатии, для чего были наняты 82 американских эксперта по DEIA [**10**].

Гуманитарную политику США нередко критикуют за пристрастность и преследование собственных геополитических соображений и национальных интересов. Американская гуманитарная помощь иногда используется в качестве рычага для достижения политических целей. Военные интервенции США в Ирак, Афганистан и Ливию обострили гуманитарные кризисы, спровоцировали жертвы среди гражданского населения и привели к стиранию грани между гуманитарной деятельностью и военными операциями. Американцы верят в исключительность США, видят себя лидерами в формировании глобальных норм и политики. Исходя из этого Вашингтон полагается на собственную гуманитарную политику, неохотно взаимодействует с многосторонними институтами и не желает в полной мере участвовать в международных механизмах координации гуманитарной деятельности. При этом смена администраций США и политических приоритетов нередко приводит к непоследовательности в гуманитарной политике и подрывает долгосрочное

планирование.

Сравнение гуманитарной политики США, Китая и России

Гуманитарная политика всех трех стран нацелена на реализацию собственных национальных интересов государств. Подходы в реализации политики опираются на уникальные исторические, культурные, политические и экономические контексты: США делают упор на демократические ценности и культурный экспорт; Китай фокусируется на культурном наследии и экономических инициативах; Россия делает акцент на своем богатом культурном, научном и историческом наследии, а также последовательной критике западной гегемонии.

Можно выделить следующие ключевые различия:

– **Культурная ориентация**

Соединенные Штаты: система «мягкой силы» США в значительной степени опирается на глобальный экспорт американской культуры, такой как голливудские фильмы, музыка и популярная культура. В ней часто подчеркиваются американские ценности демократии, индивидуализма и свободы.

Китай: гуманитарная политика Китая сосредоточена на продвижении богатого культурного наследия, языка и традиционных практик. В ней подчеркивается долгая история страны, конфуцианские ценности и вклад в искусство, литературу и философию.

Россия: российская гуманитарная политика делает акцент на культурном наследии страны, включая литературу, классическую музыку, балет и изобразительное искусство. Часто освещаются исторические и научные достижения России.

– **Политическая идеология**

Соединенные Штаты: система «мягкой силы» США тесно связана с продвижением либерально-демократических ценностей, прав человека и

индивидуальных свобод. Продвижение демократии и поддержка гражданского общества являются ключевыми элементами подхода к «мягкой силе».

Китай: ненавязчиво продвигает идеологию социализма с китайской спецификой. При этом подчеркивается стабильность, успешное экономическое развитие и подход к управлению, основанный на невмешательстве во внутренние дела партнерских стран.

Россия: подчеркивает традиционные ценности, национальную идентичность и суверенитет, продвигает многополярный мировой порядок и критикует западную гегемонию и неоколониализм.

– **Влияние средств массовой информации**

Соединенные Штаты: система «мягкой силы» США использует доминирующее положение американской медиаиндустрии, которая включает в себя влиятельные во всем мире новостные агентства и развлекательные платформы. Американские СМИ и медиаплатформы играют значительную роль в формировании глобальных нарративов и распространении информации.

Китай: система «мягкой силы» Китая включает в себя контролируемые государством средства массовой информации, такие как информационное агентство «Синьхуа» и CGTN, которые транслируют китайские перспективы и нарративы. Китай также расширил свое глобальное присутствие в средствах массовой информации с помощью таких медиаресурсов, как Международное китайское радио (CRI) и платформы социальных сетей. Взаимодействию с глобальной аудиторией и формированию общественного мнения в пользу Китая способствуют платформы социальных сетей, такие как WeChat, Weibo и TikTok.

Россия: российская «мягкая сила» полагается на государственные СМИ, такие как RT и Sputnik International, для распространения российских нарративов и противодействия антироссийской пропаганде. Россия стратегически последовательно расширяет свое международное вещательное присутствие, используя в первую очередь государственные медиаресурсы.

— **Экономическое влияние**

Соединенные Штаты: система «мягкой силы» США использует свою экономическую мощь и доминирование на рынке для продвижения американских ценностей и интересов. Влиянию «мягкой силы» США способствует глобальное преобладание американских IT-корпораций и их технологические достижения.

Китай: гуманитарная политика Китая использует экономические инициативы, такие как инициатива «Пояс и путь», для усиления своего глобального влияния. Экономическое партнерство, инвестиционные проекты и экономическая помощь являются ключевыми инструментами продвижения интересов Китая.

Россия: российская гуманитарная политика имеет более ограниченное экономическое измерение по сравнению с США и Китаем. Однако Россия использует энергетическую дипломатию, инвестиционные проекты и экономическое сотрудничество для расширения влияния и присутствия в дружественных и нейтральных странах.

Заключение

1. Как во времена холодной войны, гуманитарная сфера вновь становится площадкой геополитической конкуренции. Осознав быстро растущее влияние Китая, администрация Трампа в октябре 2018 года учредила US International Development Finance Corporation – новое агентство, способное ежегодно предоставлять кредиты и финансовые гарантии на сумму 60 млрд долларов американским компаниям, занимающимся коммерческой деятельностью на Глобальном Юге. Но, похоже, меры Белого дома по противодействию экономической экспансии Китая запоздали. Неудачная политика администрации Трампа того периода была малопригодна для обретения друзей в странах Глобального Юга. Китай успел зафиксировать свои экономические успехи, особенно на Африканском континенте [**9**].

2. Китай подчиняет программы иностранной помощи целям достижения своих стратегических внутри- и внешнеполитических задач –

реализации «китайской мечты» Си Цзиньпиня. На фоне проявлений «мягкой силы» США воплощение гуманитарной политики Китая выглядит менее конфронтационно, хотя и отражает основные внутренние и внешнеполитические интересы Пекина. Его программы преследуют цель повысить социальную репутацию и легитимность Пекина в Латинской Америке, Азии, Тихоокеанском регионе и Африке. Китайская иностранная помощь рассматривается как идеологически нейтральная, не сопряженная с моральными соображениями и политическими условиями, кроме «принципа одного Китая». В отличие от требований экономических и политических реформ, связанных с иностранной помощью США, комбинированные программы помощи и инвестиций Китая становятся новой нормой гуманитарной политики, новой моделью помощи.

3. Пекин формирует свои программы иностранной помощи на более длительные временные горизонты, тогда как Вашингтон вынужден учитывать электоральные периоды, что связывает его гуманитарную деятельность со значительными политическими ограничениями. Каждый финансовый год Белый дом готовит бюджетный план программ иностранной помощи, который подлежит утверждению Конгрессом США. Это ставит его в зависимость от политических интересов исполнительной и законодательной ветвей правительства США.

4. Пекин считает государства своими ключевыми получателями, Вашингтон оказывает помощь широкому кругу государств и негосударственных субъектов. Во многих случаях лидеры правительств-получателей используют помощь для укрепления режима, улучшения своего политического и экономического благосостояния. Для США это нередко оборачивается имиджевым ущербом, для Китая – возникновением конфликтных ситуаций в финансовой сфере.

5. Гуманитарные проекты Вашингтона прозрачны и конкретны, представлены в подробной отчетности. Гуманитарная деятельность Пекина непрозрачна и довольно запутанна. Вероятно, Китаю предстоит

усовершенствовать свою систему отчетности по оказанию иностранной помощи с тем, чтобы синхронизировать ее с деятельностью международных организаций в этой области.

6. США и Китай не только вступили в экономическое и политическое соперничество на поле гуманитарной деятельности, но и включились в соревнование за лидерство в области распространения смыслов и нарративов, «дискурсивной силы» в китайской терминологии. На этом поле правительства борются за политическую поддержку как среди граждан в странах-получателях, так и среди своих внутренних избирателей.

Список литературы

1. Громогласова, Е. С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования, ИМЭМО РАН, 2018. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_11.pdf (дата обращения: 06.03.2025)

2. Китай заберёт стратегические объекты Киргизии, если страна не выплатит долг, Regnum, 29 июня 2022 г. URL: https://regnum.ru/news/3633147 (дата обращения: 06.03.2025)

3. Резюме аналитического обзора «Гуманитарный инструментарий политического влияния иностранных государств на постсоветстком пространстве», РСМД, 27 сентября 2023 г. URL: https://rs.gov.ru/doc/rezyume-analiticheskogo-obzora-gumanitarnyj-instrumentarij-politicheskogo-vliyaniya-inostrannyh-gosudarstv-na-postsovetskom-prostranstve/ (дата обращения: 06.03.2025)

4. Трансформация социально-гуманитарной сферы мировой политики: последствия для России, Лебедева, Л. Р. Рустамова, Вестник МГИМО-Университета, 2018, No 5 (62), С. 114–130. URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/808?locale=ru_RU (дата обращения: 06.03.2025)

5. «У нас нет политических условий». Посол Китая — о китайских кредитах, gazeta.uz, 19 мая 2022 г. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2022/05/19/china-credits/ (дата обращения: 06.03.2025)

6. Background: Connotations of Chinese Dream, China Daily, 5 March, 2014. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2014npcandcppcc/2014-03/05/content_17324203.htm (дата обращения: 06.03.2025)

7. China issues white paper on global community of shared future, a decade after vision proposed, Xinhua 27 September, 2023. URL: https://english.cctv.com/2023/09/27/ARTIpd1DPjW22D8TSaB19fa7230927.shtml (дата обращения: 06.03.2025)

8. China's Humanitarian Aid: Cooperation amidst Competition, Jacob Kurtzer and Grace Gonzales, CSIS, November 17, 2020. URL: https://www.csis.org/analysis/chinas-humanitarian-aid-cooperation-amidst-competition (дата обращения: 06.03.2025)

9. Comparing US and Chinese Foreign Aid in the Era of Rising Powers, Salvador Santino F. Regilme, Jr & Obert Hodzi, The International Spectator, Italian Journal of International Affairs, 56:2, 114-131, 18 January, 2021. URL: https://www.tandfonline.com/loi/rspe20 (дата обращения: 06.03.2025)

10. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting Focus on FY 2021 Budget Data, US State Department, December 9, 2022. URL: https://www.state.gov/2022-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting-2/ (дата обращения: 06.03.2025)

11. Global Soft Power Index 2023. Brand Finance. URL: https://brandirectory.com/softpower/ (дата обращения: 06.03.2025)

12. How the People's Republic of China Seeks to Reshape the Global Information Environment, Global Engagement Center, September 28, 2023. URL: https://www.state.gov/gec-special-report-how-the-peoples-republic-of-china-seeks-to-reshape-the-global-information-environment/ (дата обращения: 06.03.2025)

13. Secretary-General's remarks at the opening ceremony of the Belt and Road Forum for International Cooperation, 26 April, 2019. URL: https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2019-04-26/secretary-generals-remarks-the-opening-ceremony-of-the-belt-and-road-forum-for-international-cooperation (дата обращения: 06.03.2025)

14. What Does a New White Paper Tell Us About China's International Aid? Zhang Chao and Tang Yuxuan, The Diplomat, January 13, 2021. URL: https://thediplomat.com/2021/01/what-does-a-new-white-paper-tell-us-about-chinas-international-aid/ (дата обращения: 06.03.2025)

Шангараев Руслан Насимович,
доктор политических наук, профессор
кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: shang143@mail.ru
Ruslan N. Shangaraev,
Doctor of Political Sciences, Professor
Department of Strategic Communications and Public Administration
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: shang143@mail.ru

Сельницын Александр,
аспирант, Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: selnitsynas@mail.ru
Alexander S. Selnitsyn,
Postgraduate student, Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: selnitsynas@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КИТАЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

CHINA'S STRATEGIC COMMUNICATION IN LATIN AMERICA

Аннотация: Китай активно расширяет свое присутствие в разных регионах мира и становится всё более значимым игроком на мировой арене. Экономические выгоды являются основной движущей силой его деятельности в Латинской Америке.

Ключевые слова: стратегическая коммуникация, КНР, Китай, Латинская Америка, Глобальный Юг, «мягкая сила», Институт Конфуция.

Abstract: China is actively expanding its presence in different regions of the world and is becoming an increasingly important player on the world stage. Economic benefits are the main driving force behind its activities in Latin America.

Keywords: strategic communication, China, China, Latin America, the Global South, soft power, Confucius Institute.

Введение

До последнего десятилетия XX века КНР почти не участвовала в экономической и политической жизни стран Латинской Америки. Однако за

последние 25 лет ситуация изменилась: влияние Вашингтона на государства этого региона снижается, а дипломатические и торговые связи с Пекином стремительно укрепляются [**1**; **2**]. Рост Китая как торгового центра за последние почти четверть века оказал глубокое влияние на мировую торговлю. Латиноамериканские страны вошли в число выгодоприобретателей от сложившейся ситуации. По данным Главного таможенного управления КНР, в период с 2000 по 2023 год товарооборот между Китаем и Латинской Америкой вырос в более чем 40 раз – с 12 до 489 млрд долларов [**3**].

В то же время КНР в последнее время стала уделять всё большее внимание преследованию политических целей и решению задач в области обеспечения глобальной и национальной безопасности [**4**].

Поднебесная пытается заручиться дополнительной поддержкой для продвижения своих дипломатических инициатив, побуждает страны к разрыву отношений с Тайванем и расширяет военно-техническое сотрудничество с отстаивающими свой независимый путь развития государствами.

Интересы Китая в доведении своих взглядов до международной общественности глубоко укоренены в политическом курсе его правящей партии [**5**]. Китайскому руководству удалось продемонстрировать странам континента конкурентные преимущества над США, в том числе очертить перспективы экономического роста при реализации совместных инфраструктурных проектов и расширении финансового взаимодействия. Изменение внешнеполитического вектора стран Латинской Америки в сторону диверсификации международных отношений было бы невозможно без широкого применения Китаем стратегической коммуникации, которая направлена не на принуждение, а, наоборот, на побуждение к углублению и расширению взаимодействия.

Специфика стратегической коммуникации Китая в Латинской Америке

Политика, основанная на принципах дружбы и сотрудничества, служит фундаментом стратегической коммуникации Китая в Латинской Америке. Она

направлена не только на развитие и поддержание дружественных контактов с государствами региона, но и на то, чтобы сделать китайско-латиноамериканские отношения ярким примером успешного сотрудничества по линии «Юг – Юг». Одной из ключевых характеристик стратегической коммуникации Китая в Латинской Америке является ее долгосрочный и продуманный характер. Вместе с тем идеологические разногласия и территориальные споры не становятся препятствием для развития диалога. Отсутствие взаимных претензий играет ключевую роль в укреплении дипломатических и политических связей. Власти КНР активно работают над минимизацией потенциальных рисков, связанных с международным восприятием их политики, особенно в контексте быстрого экономического роста и увеличения военного потенциала страны [**6**].

Такой подход позволяет сторонам сосредоточиться на взаимовыгодном сотрудничестве, а также на поиске общих интересов и точек соприкосновения. Это является благоприятным аспектом для формирования более доверительных и долгосрочных отношений, что особенно важно в контексте современных геополитических реалий.

Так, президент Венесуэлы Н. Мадуро в рамках визита в Китай 13 сентября 2023 года подчеркнул, что Каракас и Пекин связывает глубокая дружба и плодотворное сотрудничество, и отметил, что благодаря такому взаимодействию венесуэльско-китайские связи служат эталонным образцом отношений между странами Глобального Юга [**7**].

Президент Бразилии Лула да Сильва в ходе обмена поздравлениями со своим китайским коллегой Си Цзиньпином по случаю 50-летия установления дипломатических отношений между двумя государствами 15 августа 2024 года подчеркнул, что на протяжении полувека бразильско-китайская дружба постоянно укреплялась, а сотрудничество становилось всё более разнообразным. В настоящее время стороны поддерживают взаимодействие во многих областях и на всех уровнях в целях совместного построения более процветающего и справедливого мира. Двусторонние отношения приобретают всё большее

значение для формирования многополярной структуры международных отношений, более эффективного глобального управления [**8**].

На мировой арене Пекин стремится позиционировать себя в качестве будущего лидера международного политического порядка, сильного и надежного партнера, способного предложить жизнеспособную альтернативу гегемонии Запада. В основе его политического дискурса лежит совокупность идеологических взглядов Коммунистической партии Китая (КПК). В ходе XX съезда КПК прозвучало, что политическое руководство страны намерено продолжать работать над превращением КНР в современное социалистическое государство – лидера в процессах глобального цивилизационного развития. Высшая партийная элита поставила перед собой цель к 2050 году вывести страну на ведущие позиции в мире по показателям национальной мощи и международного влияния [**9**].

Наряду с этим КПК продолжает отождествлять выстраивание внешнеполитических связей с субъектами международного права с «пятью принципами мирного сосуществования», которые были выдвинуты в 1954 году первым главой Госсовета КНР Чжоу Эньлаем. Для китайского народа они уже стали постулатами.

Их актуальность подтверждает выступление председателя КНР Си Цзиньпина 28 июня 2024 года на официальном мероприятии, посвященном 70-летию публикации «пяти принципов мирного сосуществования». В своей речи китайский лидер отметил, что эти принципы уже давно закреплены в Конституции КНР. Они стали краеугольным камнем независимой внешней политики Китая. Действующее политическое руководство всесторонне продвигает великое дело – создание сильной державы и омоложение нации посредством модернизации в китайском стиле. На новом пути Китай продолжит продвигать вперед «пять принципов мирного сосуществования», работать с другими странами над построением «сообщества единой судьбы человечества»,

а также намерен внести больший вклад в защиту мира во всем мире и оказать содействие общему развитию [**10**].

В Белой книге «Национальная оборона Китая в новую эпоху», опубликованной в 2019 году, отмечается, что КНР придерживается принципа неприсоединения и непринадлежности к каким-либо военным блокам, выступает против агрессии и экспансии, а также против применения силы или угрозы силой. Строительство и развитие национальной обороны направлено на удовлетворение законных потребностей в области безопасности. Руководство страны выступает за мир во всем мире. Одновременно с этим акцентируется особое внимание на том, что Китай никогда не пойдет по старому пути гегемонии, характерному для западных стран [**11**].

В обнародованном в 2016 году документе правительства КНР о политике в отношении Латинской Америки и стран Карибского бассейна отмечается выход взаимоотношений на новый этап всестороннего партнерства. В контексте формирования внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики акцентируется внимание на стремлении к установлению конструктивных и доверительных отношений с регионом. Эти отношения базируются на принципах открытости, честности и взаимного доверия в политической сфере, области культурного обмена и взаимообучения, взаимовыгодного сотрудничества в экономической области, тесного взаимодействия в международных вопросах, укрепления связей Китая с регионом в целом и двусторонних отношений с отдельными странами. Пекин ориентирован на создание стабильной и благоприятной окружающей среды для гармоничного развития сторон [**12**].

Такой подход к построению диалога значительно отличается от американской модели. Пропагандируемые Китаем нарративы находят отклик у «новых» латиноамериканских «левых» лидеров, стремящихся порвать идеологические связи с Соединенными Штатами.

Подъем левых политических сил в нескольких странах региона уничтожил американское восприятие Латинской Америки как исключительной зоны влияния. Во время государственного визита в Пекин 28 июня 2024 года президент Перу Дина Болуарте подчеркнула, что Лима поддерживает важные международные начинания Китая. Вместе с тем Болуарте выразила готовность укреплять двусторонние связи и сотрудничество в рамках международных объединений, таких как ООН и АТЭС, для совместной поддержки мультилатерализма и строительства глобальной экономики открытого типа [**13**].

Инструменты общественной дипломатии Китая в Латинской Америке

Общественная дипломатия, наряду с информационно-психологическими операциями и связью с общественностью, является составной частью стратегической коммуникации [**14**].

В декабре 2011 года в Каракасе состоялся учредительный саммит крупнейшей региональной политической организация в Западном полушарии – Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), – в состав которой уже сейчас входят 33 государства. Его основной задачей является улучшение качества жизни населения стран-участников на основе демократии, равновесия и социальной справедливости. Организация привержена обеспечению региональной безопасности. Она проводит консультации по основным политическим, экономическим и социальным вопросам в Латинской Америке, координирует позиции, углубляет процесс латиноамериканской интеграции и способствует региональному единству, независимости и развитию.

Китаю удалось наладить устойчивый диалог с этим региональным блоком. В июле 2014 году в Бразилии состоялась встреча лидеров Китая и Латинской Америки и Карибского бассейна. В ходе мероприятия председатель КНР Си Цзиньпин и руководители стран-участников единогласно решили установить всеобъемлющие китайско-латиноамериканские отношения и совместно создали Форум КНР – СЕЛАК. В период с 8 по 9 января 2015 года в китайской столице состоялось 1-е заседание Форума КНР – СЕЛАК. За последнее десятилетие

китайско-латиноамериканское сотрудничество в различных областях развивалось поэтапно, приводя к положительным результатам [**15**]. 3-е заседание Форума КНР – СЕЛАК стало наиболее знаковым событием. В рамках мероприятия был утвержден Совместный план действий Китая и стран – членов Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна по сотрудничеству в ключевых областях (2022–2024) [**16**]. Анализ данного документа позволяет выявить инструментарий публичной дипломатии КНР в регионе.

Китай взял на себя обязательства поддерживать латиноамериканские государства в проведении обучения китайскому языку, во включении китайского языка в их национальные учебные программы и открытии Институтов Конфуция (ИК). ИК служат главным средством для распространения китайского языка и культуры в Латинской Америке, а также позиционирования страны в качестве ведущей державы на международной арене. Первый ИК на континенте был открыт в Мехико в феврале 2006 года. Сейчас в Мексике действуют шесть ИК. Количество латиноамериканских стран, охваченных деятельностью сети некоммерческих институтов, стремительно растет. В 23 странах региона работают 47 ИК. Ежегодно более одного миллиона латиноамериканцев участвуют в культурных мероприятиях и семинарах, организованных этой сетью.

Официально объявленной целью ИК является обучение местных жителей китайскому языку, оказание содействия образовательному и культурному обмену, а также развитию сотрудничества КНР с другими членами международного сообщества. Фактически, повышая уровень знания китайского языка и степень культурного влияния в Латинской Америке, Китай стремится установить долгосрочные связи, благодаря которым жители региона, разделяющие общие ценности с КНР, станут надежными партнерами для реализации китайской политики на международной арене.

Высокопоставленные чиновники часто присутствуют на торжественных церемониях открытия этих учреждений, подчеркивая тем самым значимость ИК для политического руководства Китая. Власти страны выделяют крупные суммы на финансирование данных институтов и контролируют их работу, в том числе отбирают преподавателей, формируют наполнение образовательных программ. Преподаваемые материалы подвергаются строгой цензуре. ИК стараются не затрагивать вопросы использования Китаем «жесткой силы». В процессе учебы и культурных мероприятий создается идеализированный образ Китая, который представляет бывшего председателя КНР Мао Цзэдуна героем революции, трактует произошедшие в 1989 году события на площади Тяньаньмэнь как попытку осуществить контрреволюционный мятеж. Для того чтобы нарисовать идеальную картину мира, игнорируются разговоры об агрессивной риторике страны в отношении Тайваня, стремительном наращивании военного потенциала национальных вооруженных сил, территориальных спорах в Южно-Китайском море.

Культурное влияние Китая в регионе распространяется за пределами ИК. Первая Конференция латиноамериканских китаеведов прошла в Буэнос-Айресе с 15 по 17 июля 2024 года. На этом мероприятии собрались более 50 экспертов из разных стран Латинской Америки для обсуждения последних достижений и тенденций в изучении Китая. Участники подчеркнули, что возросший интерес к Китаю связан с его увеличивающимся влиянием и активными связями с латиноамериканскими странами.

В своем выступлении на церемонии открытия конференции посол КНР в Аргентине Ван Вэй отметил, что данное событие стало значимым шагом в развитии культурных обменов между Китаем и Латинской Америкой. Дипломат подтвердил настрой на продолжение с китаеведами и людьми из всех слоев общества, которые поддерживают китайско-латинские культурные обмены и заботятся о них, совместных усилий по оказанию содействия странам Латинской Америки в понимании Китая в новую эпоху.

В ходе мероприятия был официально учрежден Латиноамериканский совет китаеведов, первый региональный совет китаеведов в рамках Всемирного совета китаеведов. Планируется, что Латиноамериканский совет китаеведов преодолеет географические ограничения, интегрирует китаеведческие ресурсы в регионе, сформирует платформу для углубленных обменов между латиноамериканскими китаистами, а также будет способствовать расширению сотрудничества между Поднебесной и Латинской Америкой в области образования, культурной коммуникации, в академических исследованиях и других сферах, представляющих взаимный интерес [**17**].

Го Цунхай (郭存海), директор отдела социальных и культурных исследований Института латиноамериканских исследований Китайской академии общественных наук, отмечает, что в последние годы интерес к изучению Китая в Латинской Америке значительно вырос. Увеличилось число научных центров и исследователей, занимающихся синологией, появилось новое поколение ученых. Разнообразие тематики исследований и способов их выполнения расширяется [**18**].

Наряду с этим КНР оказывает поддержку высшим учебным заведениям, исследовательским институтам и аналитическим центрам в расширении и развитии различных форм академических обменов, поощряет сотрудничество между представителями академических кругов, в том числе между профессорами и студентами, по национальным и региональным вопросам. Согласно Совместному плану действий Китая и членов Сообщества латиноамериканских и карибских государств на 2022–2024 годы, Пекин обязуется предоставлять странам-участницам 5000 стипендий и 3000 мест в своих вузах в течение указанного периода. В будущем КНР и страны Латинской Америки способны еще больше расширить академический обмен между образовательными учреждениями и аналитическими центрами. Это может быть достигнуто за счет взаимного признания образования, квалификаций и ученых степеней.

Китай продолжает реализацию программы молодежных обменов «Мост в будущее», запущенной в 2015 году по инициативе председателя КНР Си Цзиньпина. В рамках этой программы китайская сторона приглашает лидеров латиноамериканской молодежной элиты и представителей СМИ посетить страну, чтобы показать величие своей национальной культуры, прорывные достижения, а также организовать встречи с высокопоставленными должностными лицами и яркими представителями бизнеса. Китай рассчитывает, что молодые участники таких мероприятий в будущем станут проводниками дружбы и теплых отношений между народами.

После участия в молодежном лагере в 2023 году, организованном в рамках программы «Мост в будущее», национальный секретарь Молодежной лиги Бразильской лейбористской партии Надя Беатрис Мартинс Гарсиа Перейра (Nadia Beatriz Martins Garcia Pereira) отметила, что в ходе визита в Китай она осознала величие социализма с китайской спецификой. КПК всесторонне движется к цели построения современной социалистической державы. Ее достижения достойны восхищения. Китай является образцом для развивающихся стран, и она надеется, что развитие КНР будет продолжать придавать устойчивый импульс прогрессу человеческой цивилизации. Одновременно с этим она выразила надежду на более тесное сотрудничество между Бразилиа и Пекином в будущем [**19**].

В контексте современных международных отношений СМИ становятся важным инструментом информационно-коммуникационного воздействия на реципиентов. Медиасреда является одним из наиболее эффективных средств информационного противоборства, а медиадипломатия – формой публичной дипломатии. Информационное пространство представляет собой сложную систему, включающую в себя разнообразные источники и каналы передачи информации. Оно является неотъемлемой составляющей современного общества. Развитие информационных технологий и увеличение доступности интернета способствуют расширению информационного пространства, делая его

более открытым и доступным для широкой аудитории. Сегодня медиасреда способна воздействовать на то, как мировое сообщество воспринимает образ конкретного политического лидера и субъекта международного права в целом, а также может оказать серьезное влияние на политическую обстановку как внутри целого региона, так и отдельной страны [**20**].

Деятельность китайских СМИ в Латинской Америке направлена на информирование местных жителей о КНР, создание положительного образа и имиджа дружественного государства, демонстрацию выгод сотрудничества в различных сферах, оказание влияния на общественное мнение с целью воплощения идеологических целей КПК в жизнь.

Заключение

На основе изложенной информации следует сделать выводы о стратегической коммуникации Китая в Латинской Америке и оценить перспективы ее реализации. При осуществлении информационно-коммуникационной стратегии в регионе Пекин уделяет особое внимание выстраиванию стратегической коммуникации. За последние двадцать пять лет китайским властям удалось добиться феноменальных успехов на данном направлении.

В рамках своего внешнеполитического курса на развитие сотрудничества с латиноамериканскими странами КНР смогла наглядно продемонстрировать партнерам конкурентные преимущества перед США. Восхождение на политический олимп левых сил в ряде стран региона полностью похоронило американские представления о Латинской Америке как о зоне своего безграничного влияния.

В настоящее время КНР использует целый арсенал инструментов общественной дипломатии, в том числе инвестирует большие ресурсы в национальные экономики латиноамериканских государств, привлекает их к участию в совместных крупномасштабных инфраструктурных проектах, организует программы образовательного обмена, распространяет свои

культурные нормы и ценности. Одновременно с этим с помощью СМИ, различных онлайн-платформ Китай создает положительный образ и имидж дружественного государства, демонстрирует конкурентные преимущества над оппонентами, оказывает влияние на общественное мнение жителей практически всех стран мира в целях воплощения идеологических основ КПК в жизненную реальность.

Политические амбиции Китая и его желание укрепить положение в мировой экономике станут мощным стимулом для активного внедрения новых и применения существующих инструментов стратегической коммуникации.

Культурные обмены и информационные кампании продолжат играть важную роль в формировании общественного мнения и создании положительного образа Китая в регионе. Интенсификация культурных обменов, включая открытие новых ИК и проведение научных конференций, будет способствовать укреплению дружественных отношений между Китаем и странами Латинской Америки.

Необходимо отметить, что в условиях растущей геополитической конфронтации Китай будет сталкиваться с новыми вызовами и усилением противодействия со стороны оппонентов. В связи с этим не исключено, что Китай может прибегнуть к более агрессивной информационной политике и использовать новые информационно-коммуникационные технологии для усиления своего влияния в мире.

После начала специальной военной операции России на Украине и роста напряженности в отношениях между Тайванем и Китаем наблюдается согласование коммуникационных стратегий Москвы и Пекина в отношении латиноамериканских стран по ряду взаимовыгодных вопросов. Этот тренд обусловлен тем, что КНР и РФ пытаются создать «многополярную ось» в противовес США и их западным союзникам. Их ревизионизм нацелен на изменение сложившегося после окончания Второй мировой войны так называемого либерального международного порядка, основанного на

американской гегемонии, западных правилах и политике двойных стандартов. Обе мировые державы продолжают усиливать присутствие в информационном пространстве региона для того, чтобы расширить круг сторонников многополярного мироустройства среди стран Глобального Юга.

В условиях современной международной обстановки, характеризующейся напряженностью и неопределенностью, Россия и Китай нуждаются друг в друге для укрепления своих позиций в отношении формирования нового мирового порядка. Одним из ключевых инструментов сотрудничества по связанным с Глобальным Югом вопросам выступает БРИКС. Это межгосударственное объединение в будущем может стать платформой для обмена информацией о планах сотрудничества, связанных с Латинской Америкой.

Не исключено, что в дальнейшем конкуренция между Москвой и Пекином на латиноамериканском направлении может усилиться в экономической области, особенно в тех сферах, где их интересы пересекаются, включая энергетику и добывающую отрасль. Однако следует учитывать, что экономическое пространство Латинской Америки представляет собой обширную и перспективную область для международного сотрудничества. Оно обладает достаточной вместительностью для их одновременного присутствия. Это обстоятельство открывает возможности для взаимовыгодного партнерства и позволяет избежать антагонистических противоречий между Россией и Китаем.

Список литературы

1. Троянский, М. Г. Политика США в Латинской Америке: доктрина Монро 3.0 / М. Г. Троянский, О. Г. Карпович // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 2(24). – С. 176-188.

2. Inflection Point: The Challenges Facing Latin America and U.S. Policy in the Region // The Center for Strategic and International Studies (CSIS) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.csis.org/analysis/inflection-point-challenges-facing-latin-america-and-us-policy-region (дата обращения: 29.09.2024).

3. 三位外长访华，中拉战略沟通进一步加强 = Визит трех министров иностранных дел в Китай, Дальнейшее укрепление стратегических связей между Китаем и Латинской Америкой // Жэньминь жибао Онлайн

[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://world.people.com.cn/n1/2024/0504/c1002-40228778.html (дата обращения: 29.09.2024).

4. Ван Синь ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ // Век глобализации. 2023. №2 (46). [Электроный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskaya-strategiya-knr-v-reshenii-globalnyh-problem (дата обращения: 29.09.2024).

5. A. Morante, H.D. Wu. 2023. "Assessing China's news coverage and soft power in Latin America in the wake of the Belt and Road Initiative (2013–2021)" The International Communication Gazette, Volume 85, Issue 1, pp.80-96. https://doi.org/10.1177/17480485221139466

6. Пашенцев, Е. Н. Стратегическая коммуникация Китая в Латинской Америке и ее интерпретация в США / Е. Н. Пашенцев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 36. – С. 80-98.

7. Си Цзиньпин и Николас Мадуро объявили о повышении уровня отношений между Китаем и Венесуэлой до всепогодного стратегического партнерства // СИНЬХУА Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian.news.cn/20230914/253090ee87be4a3d98408ff404fce5ac/c.html (дата обращения: 29.09.2024).

8. 习近平同巴西总统卢拉就中巴建交50周年互致贺电 = Си Цзиньпин и президент Бразилии Лула обменялись поздравительными посланиями по случаю 50-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Бразилией // Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202408/t20240815_11473937.shtml (дата обращения: 29.09.2024).

9. Полный текст доклада 20-ому Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая // Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 29.09.2024).

10. 弘扬和平共处五项原则 携手构建人类命运共同体 = Продвигайте вперед пять принципов мирного сосуществования и работайте вместе, чтобы построить сообщество с единой судьбы человечества // Официальный сайт Государственного совета Китайской Народной Республики [Электронный

ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11466/202407/content_6963178.html (дата обращения: 29.09.2024).

11. 白皮书《新时代的中国国防》= Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эпоху» // Официальный сайт Государственного совета Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (дата обращения: 29.09.2024).

12. 中國對拉美和加勒比政策文件 = Политический документ Китая по Латинской Америке и Карибскому бассейну // Официальный сайт Государственного совета Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://big5.www.gov.cn/gate/big5/ www.gov.cn/xinwen/201611/24/content_5136911.htm (дата обращения: 29.09.2024).

13. Си Цзиньпин провел переговоры с президентом Перу Диной Болуарте // Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202406/t20240630_11444662.html (дата обращения: 29.09.2024).

14. Карпович, О. Г. Когнитивные войны в контексте стратегических коммуникаций / О. Г. Карпович, Р. Н. Шангараев. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2024. – 268 с.

15. 携手构建中拉命运共同体 = Рука об руку строить сообщество судьбы между Китаем и Латинской Америкой // Официальный сайт Информационного бюро Государственного совета КНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scio.gov.cn/gxzl/ydyl_26587/zxtj_26590/zxtj_26591/202401/t20240126_830443.html (дата обращения: 29.09.2024).

16. 中国—拉共体成员国重点领域合作共同行动计划（2022—2024）= Совместный план действий Китая и стран—членов Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна по сотрудничеству в ключевых областях (2022-2024) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbxw_new/202201/t20220113_10492159.shtml (дата обращения: 29.09.2024).

17. 拉美興起“中國研究熱” = Рост “китайской исследовательской лихорадки” в Латинской Америке // Жэньминь жибао Онлайн [Электронный

ресурс]. Режим доступа: http://edu.people.com.cn/BIG5/n1/2024/0731/c1006-40289219.html (дата обращения: 29.09.2024).

18. 郭存海. 发展知识合作:全球文明倡议的拉美实践= Го Цухай. Развитие сотрудничества в области знаний: латиноамериканская практика Глобальной цивилизационной инициативы //拉丁美洲研究. —2024. —№46(2). — С.45-67.

19. 加强青年交流对话 共创中拉美好未来 = Укреплять молодежные обмены и диалоги, чтобы создать лучшее будущее для Китая и Латинской Америки // Жэньминь жибао Онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://edu.people.com.cn/n1/2023/0612/c1006-40011333.html (дата обращения: 29.09.2024).

20. Шангараев, Р. Н. Влияние современной медиасреды на формирование общественного мнения / Р. Н. Шангараев // Вестник ученых-международников. – 2024. – № 1(27). – С. 182-189.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Уксусников Петр Борисович,
старший преподаватель кафедры политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: petr.uksusnikov@dipacademy.ru

Petr B. Uksusnikov,
Senior Lecturer of the Department of Political Theory and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: petr.uksusnikov@dipacademy.ru

КОНКУРЕНЦИЯ ЗА ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО: СТРАТЕГИИ США И КИТАЯ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА

COMPETITION FOR GLOBAL LEADERSHIP: U.S. AND CHINESE STRATEGIES IN THE ERA OF WORLD ORDER TRANSFORMATION

Аннотация: в статье анализируется стратегическая конкуренция между США и Китаем за глобальное лидерство в условиях трансформации миропорядка. Рассматриваются ключевые инструменты политики обеих держав: военно-политическое давление, экономические санкции и технологическое соперничество со стороны США, а также инициативы экономической экспансии, дедолларизации и мягкой силы со стороны Китая. Особое внимание уделяется сравнительному анализу подходов Вашингтона и Пекина к формированию новой архитектуры международных отношений. Автор выделяет возможные сценарии развития конкуренции – от продолжения конфронтации до фрагментации мировой системы – и оценивает факторы, влияющие на расстановку сил. Статья основана на методах сравнительного анализа, системного подхода и изучения официальных документов.

Ключевые слова: геополитическое лидерство, американо-китайские отношения, мировой порядок, стратегия сдерживания, инициатива «Пояс и путь», технологическое соперничество, дедолларизация, мягкая сила, полицентричность, международные институты.

Abstract: the article analyzes the strategic competition between the United States and China for global leadership in the context of the transformation of the world order. The key policy instruments of both powers are considered: military-political pressure, economic sanctions and technological rivalry from the United States, as well as initiatives of economic expansion, de-dollarization and soft power from China.

Special attention is paid to the comparative analysis of the approaches of Washington and Beijing to the formation of a new architecture of international relations. The author identifies possible scenarios for the development of competition – from the continuation of confrontation to the fragmentation of the global system – and assesses the factors influencing the balance of power. The article is based on the methods of comparative analysis, a systematic approach and the study of official documents.

Keywords: geopolitical leadership, US-China relations, world order, deterrence strategy, Belt and Road initiative, technological rivalry, de-dollarization, soft power, polycentricity, international institutions.

Введение

Современная система международных отношений переживает глубокую трансформацию, связанную с относительным ослаблением США как единственной сверхдержавы и стремительным усилением Китая. Крах однополярного миропорядка, сформированного после холодной войны, ведет к жесткой конкуренции между Вашингтоном и Пекином за доминирование в глобальной политике, экономике и безопасности. Эта борьба приобретает новые формы: от торговых войн и технологического соперничества до борьбы за влияние в международных институтах и регионах.

Цель данной статьи – проанализировать стратегии США и Китая в контексте их борьбы за глобальное лидерство, выявить ключевые инструменты их политики и оценить возможные сценарии развития мировой системы. Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ, системный подход и изучение официальных документов, речей политических лидеров и экспертных оценок.

Теоретические основы геополитического лидерства в современной международной системе

Современные исследования глобального лидерства демонстрируют эволюцию теоретических подходов от классических концепций гегемонистской стабильности к более сложным моделям полицентричного мироустройства. В рамках традиционной парадигмы, восходящей к работам Чарльза Киндлбергера и Роберта Гилпина, глобальное лидерство понималось как способность

единственной сверхдержавы обеспечивать стабильность международной системы через монополию на ключевые ресурсы влияния [**8**]. Американская гегемония в послевоенный период действительно основывалась на уникальной комбинации факторов: контроле над 50% мирового ВВП в 1945 году, абсолютном военном превосходстве, создании системы международных институтов (ООН, МВФ, ГАТТ/ВТО) и мощном идеологическом влиянии [**1**].

Однако в начале XXI века эта модель столкнулась с фундаментальными вызовами, требующими переосмысления теоретических оснований. Как отмечает Джозеф Най, современное глобальное лидерство трансформировалось в многомерный феномен, где традиционные «жесткие» параметры силы дополняются «мягкими» и «умными» компонентами влияния [**10**]. В частности, мы наблюдаем:

1. *Экономическую диверсификацию центров силы*: если в 2000 году на США приходилось 31% мирового ВВП (по номиналу), то к 2023 году этот показатель снизился до 25%, тогда как доля Китая выросла с 4% до 18% [**11**]. Особенно показателен рост влияния по паритету покупательной способности, где Китай уже превзошел США.

2. *Технологическую бифуркацию*: формирование параллельных технологических экосистем (американской и китайской) в критически важных отраслях – от полупроводников до искусственного интеллекта. По данным MIT Technology Review, Китай лидирует в 37 из 44 критических технологий, тогда как США сохраняют преимущество лишь в 7 направлениях [**13**].

3. *Институциональную конкуренцию*: возникновение альтернативных структур глобального управления (ШОС, БРИКС, АБИИ), которые бросают вызов традиционным западным институтам. Примечательно, что ШОС сегодня объединяет страны, представляющие более 40% мирового населения и 25% глобального ВВП.

4. *Новые формы идеологического влияния*: концепция «социализма с китайской спецификой» становится привлекательной моделью для многих

развивающихся стран, о чем свидетельствует рост популярности «Пекинского консенсуса».

Особую методологическую сложность представляет анализ «мягкой силы» в условиях цифровизации. Традиционные индексы (Soft Power 30) фиксируют сохранение американского лидерства, но не учитывают эффект таких феноменов, как TikTok (1,5 млрд пользователей, преимущественно молодежь) или успехи китайского кинематографа с очень большими кассовыми сборами по всему миру.

Перспективным направлением исследований становится изучение «метаверсного» измерения геополитики, где конкуренция за лидерство переносится в виртуальные пространства, а цифровые валюты становятся новым инструментом влияния. Это требует разработки принципиально новых аналитических рамок, сочетающих традиционные методы политической науки с инструментами data science и цифровой экономики.

Таким образом, теоретическое осмысление современного геополитического лидерства должно учитывать как традиционные параметры национальной мощи, так и новые факторы цифровой эпохи, что предполагает междисциплинарный подход и постоянную корректировку аналитических моделей в условиях быстро меняющейся международной среды.

Стратегия США в эпоху китайского вызова: комплексный анализ политики сдерживания и ее дилемм

Стратегический поворот США в отношении Китая, окончательно оформившийся в конце 2010-х годов, представляет собой беспрецедентную в современной истории попытку адаптации гегемона к вызову восходящей державы. Глубина этого вызова становится очевидной при анализе динамики экономических показателей: если в 2000 году ВВП Китая составлял лишь 12% от американского, то к 2023 году этот показатель достиг 75% (по номиналу) и 115% (по ППС). Такая стремительная трансформация баланса сил заставила Вашингтон пересмотреть свои подходы, что нашло отражение в серии ключевых

стратегических документов, включая «Стратегию национальной безопасности» 2017 и 2022 годов [**9**].

Военно-политическое измерение военной безопасности приобрело особую значимость после опубликованного в 2018 году доклада Министерства обороны США, в котором Китай впервые был официально назван «главным стратегическим конкурентом» Америки [**5**]. В рамках данной стратегии США усилили военное присутствие в регионах, передислоцировав около 60% военно-морских сил, что включает увеличение морских пехотинцев на Гуаме с планами размещения 5 тысяч военнослужащих к 2025 году, сохранение присутствия на базах Филиппин в рамках подписанного в 2014 году оборонительного соглашения (EDCA), обеспечивающего доступ к девяти своим объектам, а также создание новой тихоокеанской дивизии морских пехоты. Параллельно Вашингтон активно применяет формы новых альянсовых структур, среди которых QUAD (объединяющий США, Японию, Индию и Австралию) с регулярными военно-морскими учениями «Малабар», а также трехсторонний союз AUKUS, в рамках которого австралийские компании получают необходимые компетенции в технологии по созданию атомных подводных лодок. Не менее важным фактором стало углубление партнерских связей с Вьетнамом, уровень отношений с которым в 2023 году был повышен до уровня «всеобъемлющего партнерства». Еще одним ключевым направлением этой стратегии стала так называемая «стратегическая двусмысленность» в Тайване, выраженная в рекордных поставках оружия на остров: общий рост на $4,5 млрд за период с 2020 по 2023 год.

Экономико-технологическое сдерживание Китая приобрело системный характер после публикации в 2018 году доклада представителя США по торговле (USTR), подготовленного в рамках расследования по статье 301, которая позволила Вашингтону обосновать введение широкомасштабных торговых ограничений. Основными элементами этой стратегии стали тарифы на импорт китайских товаров, которые были распространены на продукцию из КНР

стоимостью $370 млрд, что привело к росту средней ставки с 3 до 21% [**6**]. Также были введены ограничения на поставки товаров в рамках 1069 категорий «чувствительных технологий» в октябре 2022 года. Наравне с этим была развернута масштабная технологическая блокада, включавшая санкции против 1200 китайских компаний, среди которых такие гиганты, как Huawei, SMIC и DJI, ограничения на экспорт чипов и оборудования для их производства, в том числе через правило «10% иностранного содержания», а также давление на крупнейшего производителя полупроводников TSMC, сопровождавшееся инвестициями в размере $40 млрд в строительство новых заводов в США.

Важной частью стратегии стало перестраивание глобальных цепочек поставок: администрация Байдена запустила инициативу «Дружественный near-shoring» в рамках Индо-Тихоокеанского экономического каркаса, направленную на вывод ключевых производств из Китая, а также приняла Закон о чипах и науке 2022 года, предусматривающий выделение субсидий на $52 млрд для развития отечественного производства микроэлектроники.

Идеологическое противостояние также получило новые формы выражения. Концепция противостояния «демократии» и «авторитаризма» стала доктринальной основой США, особенно ярко выраженной в последней опубликованной Стратегии национальной безопасности 2022 года. Она также используется как инструмент навязывания западного нарратива в мировой политике другим странам [**4**]. В частности, американские власти активно поддерживают проамериканские НПО в Гонконге и Синьцзяне, одновременно ограничивая деятельность китайских медиа: например, запрет на вещание CGTN в США стал частью более широкой информационной кампании.

Однако реализация данной стратегии сталкивается с рядом серьезных вызовов. Во-первых, внутри самой администрации США существуют значительные разногласия между «ястребами», выступающими за жесткий курс, и «голубями», предпочитающими диалог. Кроме того, бюджетные возможности страны ограничены, учитывая госдолг в $31 трлн, а также слабое состояние

собственной технологической базы, поскольку только 12% мировых полупроводников производятся в США. Во-вторых, возникают проблемы и в отношениях с союзниками: ЕС не спешит полностью разрывать связи с Китаем, поскольку их двусторонняя торговля в 2022 году достигла €847 млрд, страны АСЕАН сохраняют осторожность, отказываясь выбирать сторону, а Индия, несмотря на участие в QUAD, продолжает развивать торговые отношения с Китаем, объем которых в 2023 году составил $136 млрд. В-третьих, на глобальной арене наблюдается рост числа государств, стремящихся к нейтралитету: около 60% стран ООН не желают принимать участия в противостоянии двух экономических гигантов, в то время как популярность китайских инициатив в мировой политике и экономике растет среди стран Глобального Юга, а санкции показали ограниченный эффект – несмотря на все ограничения китайская экономика в 2023 году продемонстрировала рост на уровне 5,2%.

Таким образом, экономико-технологическое сдерживание Китая стало важным компонентом новой стратегии США, но его эффективность ставится под вопрос из-за внутренних противоречий, недостаточной согласованности действий союзников и устойчивости китайской экономики к внешним шокам. Особую сложность представляет дилемма технологического сдерживания: жесткие ограничения ускоряют китайскую автономизацию (успехи SMIC в 7-нм чипах), тогда как мягкие меры неэффективны. Анализ патентных заявок показывает, что Китай лидирует в 37 из 44 критических технологий, что ставит под вопрос долгосрочную эффективность американской стратегии.

В целом политика сдерживания, проводимая США в отношении Китая, представляет собой сложный и многогранный комплекс мер, охватывающий военную, экономическую, технологическую и идеологическую сферы. Однако ее долгосрочная эффективность будет во многом зависеть от способности Вашингтона сохранять технологическое лидерство, обеспечивать единство и лояльность своих союзников, а также выстраивать тонкий баланс между жестким

давлением на Пекин и необходимостью взаимодействия в вопросах глобального значения, таких как климатические изменения или ядерное нераспространение. Эти вызовы требуют постоянного пересмотра и корректировки стратегического курса, что делает американо-китайское соперничество не просто региональным противостоянием, а определяющим фактором трансформации всей международной системы в ближайшие десятилетия.

Стратегия Китая: экономическая экспансия и альтернативные институты

Китай, осознанно избегая открытого противостояния и военной конфронтации с США и их союзниками, строит свою глобальную стратегию на принципах экономического влияния, технологической независимости и формирования альтернативных институтов, которые могут противостоять западной системе международных отношений. Его подход отличается долгосрочной перспективой, основанной не на силовых методах, а на экономическом проникновении, мягкой силе и создании новых механизмов международного сотрудничества. Цель Китая – постепенно вытеснить США из ключевых регионов мира и утвердить многополярный порядок, в котором роль Вашингтона будет ослаблена.

Одним из самых масштабных и символических элементов этой стратегии является инициатива «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative, BRI), запущенная в 2013 году. Эта глобальная программа направлена на модернизацию транспортной, энергетической и цифровой инфраструктуры в странах Азии, Африки, Латинской Америки и даже Европы [**2**]. Через предоставление займов под строительство портов, железных дорог, электростанций и других объектов критической инфраструктуры Пекин усиливает свое экономическое и политическое влияние. Примерами успешного внедрения проектов являются греческий порт Пирей, который благодаря инвестициям китайской компании COSCO стал одним из самых быстро растущих контейнерных терминалов в Европе, или строительство метрополитена в Карачи (Пакистан) и железной

дороги между Эфиопией и Джибути. Эти проекты не только укрепляют торговые связи, но и дают Китаю стратегические преимущества в логистике и доступе к морским путям [**7**].

Одновременно Китай активно продвигает процесс дедолларизации мировой экономики, стремясь ослабить финансовую зависимость от США. Он развивает собственную систему межбанковских расчетов CIPS как альтернативу SWIFT, увеличивает долю юаня в международных расчетах, заключает двусторонние валютные соглашения с партнерами и наращивает золотые резервы. Этот процесс приобретает особое значение в условиях роста геополитических рисков и расширения американских санкций, которые делают использование доллара опасным для стран, не входящих в западный блок. В рамках этого курса Китай также способствует развитию региональных валютных механизмов, особенно в рамках БРИКС и ШОС, где обсуждается возможность создания общей валюты для взаиморасчетов.

В области технологий Китай делает ставку на суверенитет и самообеспечение. Программа «Сделано в Китае 2025» стала символом усилий страны по достижению лидерства в области высоких технологий, включая производство полупроводников, робототехнику, биотехнологии и возобновляемую энергию [**12**]. Пекин активно развивает собственный цифровой сектор, внедряет технологии 5G, искусственного интеллекта и квантовых вычислений, создавая конкурентоспособные компании, такие как Huawei, ZTE и DJI. Несмотря на внешние ограничения и санкции, Китай продолжает инвестировать в научные исследования и разработки, что позволяет ему сохранять потенциал для технологического рывка. Особое внимание уделяется разработке собственных чипов и программного обеспечения, что становится ключевым фактором в борьбе за цифровое господство.

Не менее важным инструментом воздействия остается мягкая сила. Китай использует культурные, образовательные и медиа-ресурсы для формирования благоприятного имиджа за рубежом [**3**]. Сеть институтов Конфуция,

распространение китайского языка и культуры, а также активное участие в цифровом пространстве через платформы вроде TikTok (через компанию Bytedance) и международного вещания CGTN позволяют Китаю влиять на общественное мнение в разных регионах мира. При этом он поддерживает антиамериканские нарративы в глобальных медиа, особенно в развивающихся странах, где критика однополярного мира и гегемонии США имеет широкий резонанс. Такие инструменты помогают Китаю не просто укреплять связи, но и формировать альтернативное видение международного порядка.

Кроме того, Китай последовательно строит систему альтернативных международных институтов, где может реализовать свои интересы и продвигать модель многополярного мира. В рамках таких организаций, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Китай предлагает альтернативу западным финансовым и политическим структурам, таким как МВФ, Всемирный банк или НАТО. Эти организации становятся площадками для координации действий стран, не желающих подчиняться западному давлению, и формируют новые механизмы экономического взаимодействия и безопасности. Особенно заметным стало развитие БРИКС, где обсуждаются возможности создания новой валютной системы, а также расширение состава организации для включения стран Южного полушария.

Однако стратегия Китая не лишена уязвимостей. Уже сегодня наблюдается замедление темпов экономического роста, вызванное внутренними проблемами: снижением рождаемости, старением населения, ростом задолженности и кризисом недвижимости. Демографический кризис угрожает стабильному функционированию рынка трудовых ресурсов и нагрузке на пенсионную систему. Кроме того, экономика КНР остается зависимой от экспорта, что делает ее уязвимой к внешним шокам и попыткам «декуплинга» со стороны Запада. Наибольшим риском является возможная эскалация напряженности вокруг Тайваня, которая может спровоцировать более серьезную экономическую и

политическую изоляцию, в том числе через расширение санкций и ограничений на доступ к технологиям и рынкам Запада.

Таким образом, стратегия Китая основана на сочетании экономической экспансии, технологического развития, мягкой силы и создания альтернативных международных структур. Однако ее успех зависит не только от эффективности реализации программ, но и от способности адаптироваться к меняющимся условиям, включая внутренние вызовы и внешнее давление.

Заключение

Борьба за глобальное лидерство между США и Китаем уже сегодня стала центральной осью международной политики, определяющей динамику не только их двусторонних отношений, но и всей системы международных связей. Это соперничество вытекает из традиционных рамок понимания геополитической конкуренции – оно включает в себя экономическое противостояние, технологическую гонку, идеологическую политику и перераспределение власти во многих международных институтах. Державы реализуют принципиально разные стратегии: США продолжают придерживаться военно-политической мощи, блокового мышления и контроля над ключевыми узлами мировой финансовой системы, тогда как Китай занимается экономической экспансией, созданием альтернативных институтов управления и постепенным становлением многополярного мира.

Вашингтон стремится обеспечить себе лидирующее положение посредством системы сдержек и противовесов, режима союзов, ограничений в торговле и технологиях, а также продвижения идеологического нарратива «демократии против авторитаризма». В то же время Пекин постепенно развивает модель, основанную на долгосрочных инвестициях, модернизации торгового взаимодействия через цифровизацию, а также на внешнем влиянии и мягкой силе, направленной на легитимизацию своей роли ведущего игрока нового миропорядка. При этом обе стороны сталкиваются с трудностями в распределении вызовов: демографическим кризисом, замедлением роста

экономики, политической поляризацией (в США) и необходимостью прогрессивной экономики в соответствии с новыми реалиями.

В краткосрочной перспективе представляется наиболее вероятным мировой порядок, основанный на конкуренции двух центров, где ни одна из сторон не может добиться абсолютного превосходства. Такая система будет характеризоваться высокой степенью неопределенности, частыми кризисами и попытками других стран найти собственную манеру поведения в условиях соперничества двух экономических гигантов. Для разных стран мира это означает необходимость разработки гибкой внешней политики, сочетающей элементы сотрудничества, защиты своих интересов и нейтралитета.

Таким образом, американо-китайское противостояние становится не просто борьбой за гегемонию, но важнейшим фактором переконфигурации мирового порядка. Его исход зависит не только от действий отдельных участников, но и от того, как другие страны смогут использовать сложившуюся ситуацию для защиты своих интересов и самостоятельно сыграть свою роль в новом мире.

Список источников и литературы

1. ВВП США по годам и отраслям, динамика. [Электронный ресурс]. URL: https://bbqcash.com/economics/usa-gdp (дата обращения: 21.04.2025).

2. Ивочкина, А. С. Проект "пояса и пути" в осуществлении внешней политики Китая в центральной Азии / А. С. Ивочкина // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 5. – С. 127-130.

3. Карпович, О. Г. Стратегические коммуникации в международных отношениях. Информационно-психологический аспект / О. Г. Карпович, Р. Н. Шангараев. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Сам Полиграфист", 2023. – 132 с.

4. Ногмова, А. Ш. Политика коллективного Запада в ходе специальной военной операции и ее реализация / А. Ш. Ногмова, Е. Н. Белов // Вестник ученых-международников. – 2024. – № 3(29). – С. 107-121.

5. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China. 2018. / Office of the Secretary of Defence. URL: https://web.archive.org/web/20181206140917/https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001

955282/-1/-1/1/2018-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT.PDF (дата обращения: 24.04.2025).

6. Bachman D. United States Economic Forecast. March 15, 2023 // www.2.deloitte.com/us/en/insights/economy/us-economic-forecast/united-states-outlook-analyses.html (дата обращения: 22.04.2025).

7. Hou, L. (2016). Construction of Yangtze River Economic Belt and Optimization of IndustrialStructure. Journal of Nanjing University of Finance and Economics (in Chinese). – T (1). – 36-41 p.

8. Kindleberger C. P. The world in depression, 1929–1939. / C. P. Kindleberger. – London.: Allen Lane, 1973. – 336 p.

9. National Security Strategy of the USA. – 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения 28.11.2023).

10. Nye J. S. Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs, 2004.

11. Real GDP growth rate – volume. Online data code: 18.06.2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TEC00115/default/table?lang=en (дата обращения: 18.06.2024).

12. Strategic Plan of “Made in China 2025” and Its Implementation. URL: https://www.researchgate.net/publication/326392969_Strategic_Plan_of_Made_in_China_2025_and_Its_Implementation (дата обращения: 20.04.2025).

13. 10 Breakthrough Technologies 2025. MIT Technology Review. URL: https://www.technologyreview.com/2025/01/03/1109178/10-breakthrough-technologies-2025/ (дата обращения: 21.04.2025).

Гоман Злата Валерьевна,
помощник первого проректора,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: zlata-goman@mail.ru

Zlata V. Goman,
Assistant of the First Vice-Rector,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: zlata-goman@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КНР И ТУНИСА

STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN CHINA AND TUNISIA

Аннотация: актуальность данного исследования обусловлена не только политико-экономической трансформацией Туниса, но и глобальными сдвигами в расстановке сил, где традиционное влияние Запада сталкивается с растущей активностью Китая и других незападных игроков. Визит Каиса Саида подчеркивает исторический характер этого партнерства, формирующегося на фоне глубокого кризиса доверия между Тунисом и его традиционными западными партнерами. Новизна заключается в том, что партнерство знаменует потенциальный поворот Туниса от проевропейской и проамериканской ориентации к более тесному сотрудничеству с Китаем.

Ключевые слова: Тунис, Китай, политика, экономика, кризис, партнерство, международные отношения, Северная Африка, Один пояс – Один путь.

Abstract: the relevance is due not only to the political and economic transformation of Tunisia but also to global shifts in the balance of power where the traditional influence of the West is facing the growing activity of China and other non-Western players. Kais Said's visit highlights the historical nature of this partnership, which is taking shape against the backdrop of a deep crisis of trust between Tunisia and its traditional Western partners. The novelty lies in the fact that the partnership marks a potential turn of Tunisia from a pro-European and pro-American orientation to closer cooperation with China.

Keywords: Tunisia, China, politics, economy, crisis, partnership, international relations, North Africa, The Belt and Road Initiative.

Введение

31 мая 2024 года Китай и Тунис объявили о подписании соглашения о «стратегическом партнерстве» [**3**] во время первого за более чем 30 лет государственного визита президента Туниса Каиса Саида в КНР. Партнерство

Туниса и КНР происходит на фоне охлаждения отношений между западными партнерами и Тунисом, а также на фоне острых экономических и политических кризисов в Тунисе за последние три года.

Объявление о новом партнерстве прозвучало на фоне напряженных отношений между Тунисом и Западом, характеризующихся следующими основными проблемами:

— сдержанная позиция Запада в отношении политической траектории президента Каиса Саида с 25 июля 2021 года, когда он разработал новую конституцию [**2**], которая значительно централизует президентскую власть, ограничивая политические инициативы партий;

— прекращение переговоров между правительством Туниса и Международным валютным фондом о займах для покрытия дефицита бюджета в обмен на различные экономические реформы. Президент Каис Саид отверг эти реформы, посчитав, что они «ставят под угрозу национальную безопасность Туниса». В октябре 2022 года обе стороны достигли соглашения о поддержке экономической политики Туниса с помощью 48-месячного соглашения в рамках механизма расширенного кредитования на сумму около 1,9 млрд долларов.

Однако президент Каис Саид отверг «иностранный диктат, который приведет только к еще большей нищете». Он подчеркнул, что необходимо рассчитывать на себя, и сослался на «хлебную революцию» 1984 года во времена бывшего президента Хабиба Бургибы, которая привела к гибели десятков людей после того, как правительство отменило субсидии на товары первой необходимости.

Приостановка переговоров между Тунисом и МВФ имеет политическое значение, поскольку МВФ представляет собой фундаментальный финансовый инструмент западного лагеря. Таким образом, разрыв между двумя сторонами был не только экономически мотивирован. Скорее, он отражает сдержанные политические тенденции каждой из сторон по отношению к другой. Западные

партнеры связали финансовую поддержку с политическими условиями, которые были отвергнуты президентом Туниса.

В более широкой перспективе сближение Туниса и Китая происходит на фоне конкуренции великих держав в Северной Африке и Южном Средиземноморье. Россия и Китай вошли в этот ландшафт вместе с традиционными державами, которые существовали здесь десятилетиями, такими как Франция и США. Москва и Пекин пытаются расширить свое влияние в регионе с помощью новой динамики, основанной на наследовании западного влияния и усилении своих интересов в сфере безопасности и экономики.

Содержание партнерства Тунис – Китай

Зарождающееся стратегическое партнерство между Тунисом и Китаем включает в себя политическое и экономическое направления:

1. Соглашение о партнерстве представляет собой своего рода политическую сделку, в которой Тунис подтверждает свое уважение к резолюции ООН 2758, принятой 25 октября 1971 года [**6**], которая торжественно закрепляет принцип «унитарного» Китая и отвергает любую форму иностранного вмешательства во внутренние дела, касающиеся Гонконга, Синьцзян-Уйгурского автономного района и других вопросов.

Со своей стороны, Китай подтверждает свою постоянную поддержку реформ и суверенных мер, предписанных Тунисом с 25 июля 2021 года, усилий, предпринимаемых тунисцами для сохранения национального суверенитета и права на самоопределение, и категорически отвергает попытки вмешательства во внутренние дела Туниса. Китай также стремится использовать напряженность между Тунисом и Западом, предлагая политическую альтернативу, особенно в свете усилий президента Каиса Саида по расширению поддержки своей политической системы.

2. Экономическое направление занимает самую большую часть соглашения о партнерстве, охватывая все секторы экономики Туниса. Во-первых, Тунис будет участвовать в трех глобальных инициативах Пекина,

которые составляют основу доктрины председателя КНР Си Цзиньпина в международных отношениях: Глобальная инициатива развития, Глобальная инициатива безопасности и Глобальная инициатива цивилизации.

Соглашение о партнерстве также усилит роль Туниса в инициативе «Один пояс – один путь». В 2018 году правительства обеих стран подписали Меморандум о взаимопонимании относительно этой инициативы [**7**]. В обмен Китай будет реализовывать стратегические проекты в области здравоохранения, инфраструктуры, возобновляемых источников энергии, транспорта, научных исследований и сельского хозяйства. Обе стороны также договорились укреплять сотрудничество в рамках Форума сотрудничества Китай – Арабские государства и Форума по сотрудничеству Китай – Африка.

Цели двух сторон партнерства

В последние годы наблюдалось сближение между Китаем, Алжиром и Ливией, а также Марокко, длящееся десятилетиями. Однако Тунис оставался единственной страной Магриба, которая была менее близка к Пекину и ближе к ЕС и США на политическом, оборонном и экономическом уровнях. Однако радикальное изменение характера политического режима Туниса с 2021 года подтолкнуло президента Каиса Саида занять четкую позицию в отношении к Западу, что усугубилось экономическим кризисом.

С одной стороны, президент Туниса Каис Саид рассматривает суверенную политику своего режима как принципиально противоположную патерналистским тенденциям Запада и более соответствующую основному принципу Китая в международных отношениях: «невмешательство во внутренние дела государств». С другой стороны, Китай рассматривает это расхождение между Тунисом и Западом как политическую возможность для углубления экономических связей с Тунисом. Конкретные цели каждой стороны следующие:

1. **Цели Туниса**. Во-первых, президент Каис Саид стремится укрепить свой режим на международном уровне в координации с державами, которые

могут уравновесить западный лагерь. В отличие от западных стран, Китай пользуется значительной поддержкой в тунисском обществе, и Каис Саид использует эту поддержку, особенно на фоне войны в секторе Газа и западной позиции по этому вопросу. Соглашение о партнерстве с Китаем, в частности, включает пункт, осуждающий «вопиющие нарушения против палестинского народа» и поддерживающий его «стойкость в создании независимого, полностью суверенного государства» [**8**].

Во-вторых, президент Каис Саид стремится облегчить тяжелый экономический кризис Туниса, усугубленный нежеланием Запада финансировать дефицит бюджета. Он стремится найти надежного экономического партнера в лице Китая, который не навязывает политических условий, касающихся политической структуры Туниса или вопросов демократических свобод и прав человека.

В-третьих, посредством соглашения о партнерстве, которое было подписано во время государственного визита, отмеченного значительными китайскими торжествами, президент Саид стремится использовать отношения Туниса с Китаем для оказания давления на европейских соседей. Этот стратегический шаг направлен на улучшение условий экономического партнерства между Тунисом и Европой. Присутствие такого значимого партнера, как Китай, может встревожить европейцев по поводу потенциального снижения их влияния в стратегически расположенном Тунисе. Таким образом, основной целью этого партнерства для Туниса является не обязательно разрыв связей с традиционными западными партнерами, а диверсификация его международных альянсов. Эта стратегия направлена на то, чтобы порвать с эксклюзивным партнерством с Западом, сохраняя при этом прочные и широкие связи как в политическом, так и экономическом плане с такими странами, как Италия и в меньшей степени Франция.

2. **Цели Китая**. Для Китая это партнерство соответствует его стратегической цели создания прочного присутствия в Магрибе, что является

неотъемлемой частью его более широкого проекта расширения влияния на всем африканском континенте. Используя механизмы мягкой силы, Китай стремится укрепить свои позиции в регионе, который все больше характеризуется региональной и международной конкуренцией, особенно по мере ослабления западного влияния.

С экономической точки зрения Тунис играет ключевую роль в китайской инициативе «Один пояс – один путь». Страна предлагает сеть стратегически расположенных портов, таких как порт Бизерта, который служит критическим узлом между восточным и западным Средиземноморьем, и порт Зарзис на юге (также известен как «Джарджис»), который функционирует как логистическое звено с Ливией. Тунис также предоставляет Китаю идеальный «вход» в западную Ливию. Ожидаемое восстановление Ливии представляет собой прибыльный рынок для китайских компаний, особенно в секторах инфраструктуры и технологий. Это партнерство призвано повысить коммерческое присутствие Китая в Тунисе. В настоящее время Китай является третьим по величине поставщиком потребительских товаров в Тунис, годовой импорт которого оценивается примерно в 2,2 млрд долларов. Эта цифра, вероятно, увеличится, возможно, удвоится, поскольку европейский импорт сократится.

Другим ключевым аспектом целей Китая является расширение своей инвестиционной роли в Тунисе посредством инфраструктурных и технологических проектов, многие из которых будут поддерживать инициативу «Один пояс – один путь». Это стремление было подчеркнуто во время визита президента Каиса Саида в штаб-квартиры ведущих китайских технологических и энергетических компаний, таких как Huawei и BYD. Основатель и президент Huawei Жэнь Чжэнфэй лично встретился с Каисом Саидом, подчеркнув важность этого партнерства [**5**].

Президент Туниса стремится укрепить свой режим, объединившись с влиятельными международными державами, которые могут стать противовесом западному лагерю.

Ожидаемые будущие пути

Хотя политика Китая в отношении Туниса очевидно является частью более широкой стратегии по расширению экономического влияния в арабском регионе и на африканском континенте без вмешательства в местные политические дела, подход Туниса к этим отношениям остается менее определенным. Ключевой вопрос заключается в том, означает ли партнерство Туниса с Китаем успешный стратегический сдвиг в его геополитической ориентации и международных альянсах с Запада на Восток или это просто тактика давления на его традиционных западных партнеров.

При решении этой дилеммы можно выделить три возможных пути будущего партнерства Туниса и Китая:

1. *Стратегический путь трансформации*. Этот путь предполагает радикальный сдвиг в международных отношениях Туниса, отход от давних экономических и оборонных партнерств с Соединенными Штатами, Францией, Италией и международными финансовыми институтами в сторону установления глубокого стратегического партнерства с Китаем. В этом сценарии западные страны, такие как Соединенные Штаты и Франция, потеряют значительное влияние в Тунисе, особенно в его военной сфере и коммерческих секторах. Учитывая стратегическое расположение Туниса на Средиземноморье и его положение между основными странами Магриба – Ливией и Алжиром, этот сдвиг может иметь глубокие последствия. Пекин не только унаследует это влияние, но и продолжит укреплять свои позиции в Алжире и Ливии.

2. *Путь тактического давления*. В рамках этого сценария взаимодействие президента Туниса с Китаем является в первую очередь стратегическим маневром, направленным на оказание давления на западных партнеров с целью смягчить их позицию в отношении политики его администрации с 2021 года и заставить западные страны предоставить более благоприятную экономическую поддержку и уступки Тунису. Вместо того чтобы представлять собой глубокую стратегическую перестройку, данный подход использует растущие опасения

Запада относительно расширения китайского и российского влияния в Магрибе и странах Африки к югу от Сахары. Этот путь предполагает, что западные державы мотивированы предлагать более существенные экономические стимулы и снижать свое политическое давление на Тунис, чтобы удержать его от слишком тесного сближения с Китаем. Сигнализируя о потенциальном повороте в сторону Китая, Тунис надеется извлечь значительную выгоду из своих традиционных западных партнеров, которые могут быть готовы оказать большую поддержку для предотвращения углубления восточного влияния в этом стратегически важном регионе.

3. *Путь диверсификации партнеров*. В этом сценарии подход Туниса к Китаю не означает разрыв с Западом, а скорее направлен на то, чтобы сбалансировать свои отношения с западными державами. Президент Туниса стремится расширить круг международного партнерства, избегая опоры на эксклюзивные партнерства на фоне продолжающихся сдвигов в мировом геополитическом ландшафте в сторону многополярной системы. Тунис демонстрирует тенденцию к формированию партнерств с различными странами, такими как Венгрия, Италия и Саудовская Аравия, одновременно укрепляя альянсы с соседним Алжиром. Однако экономические выгоды от партнерства с Китаем могут занять время, учитывая нестабильную экономическую реальность Туниса. Непосредственные выгоды могут зависеть от быстрого доступа к китайским кредитам или финансовым возможностям для покрытия бюджетного дефицита в ближайшие месяцы.

Список литературы

1. Виноградов И. С. Сотрудничество Китая со странами Северной Африки: состояние и перспективы //Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – Т. 28. – №. 28. – С. 185-198.

2. В Тунисе принят проект новой Конституции // Anadolu Ajansı URL: https://www.aa.com.tr/ru/ (дата обращения: 02.06.2025).
3. Главы Китая и Туниса объявили об установлении стратегического партнёрства // Большая Азия URL: https://bigasia.ru/glavy-kitaya-i-tunisa-obyavili-ob-ustanovlenii-strategicheskogo-partnyorstva/ (дата обращения: 02.06.2025).
4. Китай и Тунис установили отношения стратегического партнерства // СИНЬХУА Новости URL: https://russian.news.cn/20240531/7d09498dc0294588ad197b8a12437008/c.html (дата обращения: 02.06.2025).
5. President Saïed visits Huawei headquarters, Library and BYD Company // African Manager URL: https://en.africanmanager.com/president-saied-visits-huawei-headquarters-library-and-byd-company/ (дата обращения: 02.06.2025).
6. Restoration of the lawful rights of the People's Republic of China in the United Nations. // ООН Цифровая библиотека URL: https://digitallibrary.un.org/record/192054?ln=ru&v=pdf (дата обращения: 02.06.2025).
7. Tunisia's former FM lauds China-proposed BRI // Belt and Road Portal URL: https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/07NHEM9P.html (дата обращения: 02.06.2025).
8. UNCTAD «AGREEMENT BETWEEN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE REPUBLIC OF TUNISIA CONCERNING THE RECIPROCAL ENCOURAGEMENT AND PROTECTION OF INVESTMENTS» от 31.05.2024

Ногмова Аделина Шафиковна,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: adelinamid@mail.ru

Adelina Sh. Nogmova,
Ph.D. (Political Science), Associate Professor
of the Department of Political Theory and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: adelinamid@mail.ru

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL MULTIMODAL TRANSPORT CORRIDORS IN CENTRAL ASIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Аннотация: современные тенденции и перспективы развития международных мультимодальных транспортных коридоров в Центральной Азии приобретают стратегическое значение в контексте формирования новых глобальных логистических цепей и перераспределения товарных потоков. В статье особое внимание уделяется исследованию ключевых факторов, определяющих конкурентоспособность центральноазиатского транспортного хаба, включая уровень развития инфраструктурных объектов, степень интеграции в международные транспортные системы и эффективность межгосударственной координации. Автор детально исследует современное состояние транспортно-логистической инфраструктуры региона, выделяя такие системные проблемы, как диспропорции в развитии отдельных участков транспортной сети, технологическое отставание перевалочных терминалов, недостаточная скоординированность работы пограничных и таможенных служб, а также сохраняющаяся зависимость от устаревших стандартов грузоперевозок. В контексте геополитического анализа рассматривается конкуренция между крупнейшими инфраструктурными проектами, включая китайскую инициативу «Один пояс – один путь», европейскую программу ТРАСЕКА и российский коридор «Север–Юг», с акцентом на их влияние на формирование транспортной карты региона. Значительная часть исследования посвящена оценке цифрового потенциала центральноазиатских транспортных систем, в частности

возможностям внедрения блокчейн-технологий в документооборот, использованию big data для оптимизации логистических цепочек и перспективам создания интеллектуальных транспортных коридоров.

Ключевые слова: мультимодальные перевозки, транспортные коридоры, Центральная Азия, логистика, инфраструктура, цифровизация, международное сотрудничество, транзитный потенциал, Один пояс – один путь, ТРАСЕКА.

Abstract: current trends and prospects for the development of international multimodal transport corridors in Central Asia are gaining strategic importance in the context of the formation of new global logistics chains and the redistribution of commodity flows. The article focuses on the study of key factors determining the competitiveness of the Central Asian transport hub, including the level of development of infrastructure facilities, the degree of integration into international transport systems and the effectiveness of interstate coordination. The author examines in detail the current state of the region's transport and logistics infrastructure, highlighting such systemic problems as imbalances in the development of individual sections of the transport network, the technological backlog of transshipment terminals, insufficient coordination of border and customs services, as well as continued dependence on outdated standards of cargo transportation. In the context of the geopolitical analysis, the competition between the largest infrastructure projects, including the Chinese Belt and Road Initiative, the European TRACECA program and the Russian North-South corridor, is considered, with an emphasis on their impact on the formation of the transport map of the region. A significant part of the study is devoted to assessing the digital potential of Central Asian transport systems, in particular, the possibilities of implementing blockchain technologies in document management, the use of big data to optimize logistics chains, and the prospects for creating intelligent transport corridors.

Keywords: multimodal transportation, transport corridors, Central Asia, logistics, infrastructure, digitalization, international cooperation, transit potential, One Belt and One Road, TRACECA.

Введение

Центральная Азия, занимающая стратегическое положение на стыке Европы и Азии, исторически служила важным звеном в системе трансъевразийских торговых связей, о чем свидетельствует многовековая история Великого шелкового пути. В современных условиях глобализации и формирования новых экономических полюсов регион вновь приобретает ключевое значение как потенциальный хаб международных мультимодальных перевозок, способный обеспечить эффективную связность между динамично

развивающимися рынками Восточной Азии, перспективными экономиками Южной Азии и традиционными центрами потребления в Европе. Особую актуальность развитие транспортных коридоров в Центральной Азии приобретает на фоне наблюдаемой в последнее десятилетие кардинальной трансформации глобальных логистических цепочек, вызванной как объективными факторами (ростом уровня значимости ближневосточных и центральноазиатских рынков, изменением структуры мировой торговли), так и геополитическими обстоятельствами, включая переориентацию товарных потоков в условиях санкционного давления. Однако реализация транзитного потенциала региона сталкивается с комплексом взаимосвязанных вызовов, охватывающих технологическую отсталость инфраструктуры, институциональные ограничения, дефицит инвестиционных ресурсов и необходимость координации интересов множества акторов международной транспортной политики. Эти вызовы требуют разработки сбалансированного подхода, сочетающего модернизацию физической инфраструктуры с гармонизацией нормативно-правовых режимов и внедрением цифровых решений, что в совокупности может обеспечить Центральной Азии устойчивую позицию в системе глобальных грузопотоков и превратить регион из объекта транспортной политики соседних держав в самостоятельного субъекта международных логистических отношений.

Современное состояние транспортной инфраструктуры

Транспортная инфраструктура Центральной Азии представляет собой сложный конгломерат унаследованных от советского периода и современных элементов, развитие которых происходит крайне неравномерно как в территориальном, так и в модальном разрезе.

Железнодорожный транспорт, традиционно составляющий основу грузоперевозок в регионе (на его долю приходится около 65% всего грузооборота), страдает от хронической проблемы разноколейности: при

сохранении доминирования широкой колеи 1520 мм (87% общей протяженности путей) критически недостаточно развиты пункты перегрузки на границах с Китаем (стандартная колея 1435 мм) и Ираном (колея 1435 мм), что приводит к существенным временным и финансовым издержкам [**13**]. Особенно остро эта проблема проявляется на ключевых трансграничных направлениях, таких как казахстанско-китайский переход Достык-Алашанькоу, где пропускная способность не превышает 12 пар поездов в сутки при растущем спросе.

Автомобильная инфраструктура, несмотря на заметные улучшения последних лет (в частности, завершение строительства международного коридора Западная Европа – Западный Китай), продолжает отставать от современных требований: только 23% основных магистралей соответствуют категории I технического класса, ограничения по осевой нагрузке (10–11 тонн против стандартных 13 тонн в ЕС) существенно снижают эффективность международных перевозок, а плотность дорожной сети в 2,5 раза ниже среднеевропейского показателя. Наиболее критичным узким местом остается отставание в развитии терминально-логистической инфраструктуры – регион испытывает острый дефицит современных мультимодальных перегрузочных комплексов (только 8 из 32 крупных станций оборудованы контейнерными терминалами), имеет недостаточный уровень механизации погрузочно-разгрузочных работ (доля ручного труда достигает 40% в Узбекистане и Туркменистане) и ощущает хроническую нехватку специализированного подвижного состава (дефицит контейнеровозов оценивается в 1200 единиц) [**7**].

Ситуация усугубляется технологической разобщенностью национальных транспортных систем: различиями в системах управления, стандартах документооборота и уровне цифровизации процессов, что существенно снижает эффективность сквозных мультимодальных перевозок через территорию региона.

При этом следует отметить положительную динамику последних лет: реализацию таких проектов, как строительство железной дороги Казахстан –

Туркменистан – Иран, модернизация узбекских транспортных узлов в рамках программы «Узбекистан–2030» и развитие портовой инфраструктуры на Каспии, которые постепенно меняют ландшафт региональной транспортной системы, хотя и не решают системных проблем в полной мере.

Ключевые международные транспортные инициативы

Центральноазиатский регион в последнее десятилетие превратился в стратегическую арену конкуренции крупнейших мировых транспортных инициатив, каждая из которых предлагает собственную модель интеграции в глобальные логистические сети.

Китайская мега-инициатива «Один пояс – один путь» (BRI) представляет собой наиболее масштабный и финансово обеспеченный проект, в рамках которого только в период 2013–2023 годов в транспортную инфраструктуру Центральной Азии было вложено свыше $45 млрд. Основной акцент сделан на создание альтернативных морским маршрутов сухопутных коридоров, связывающих китайские промышленные центры с европейскими рынками через Казахстан (промышленный пояс «Хоргос»), Узбекистан (строящийся транспортный узел в Джизаке) и Туркменистан (порт Туркменбаши) [**14**]. Особенностью китайской стратегии является комплексный подход, сочетающий строительство железных дорог (проект «Чжунъюань–Европа» с пропускной способностью до 50 млн тонн грузов в год), создание промышленных парков и внедрение собственных технологических стандартов.

Европейская программа ТРАСЕКА, формально существующая с 1993 года, получила новый импульс развития в контексте поиска альтернативных маршрутов в обход России. ЕС активизировал работу по созданию «Среднего коридора» через Каспийское море, выделив в 2022–2023 годах €340 млн на модернизацию портовой инфраструктуры в Актау и Баку, а также цифровизацию таможенных процедур [**10**]. В отличие от китайского подхода европейская модель делает акцент на гармонизацию транспортных стандартов с нормами ЕС

(включая внедрение системы CIM/SMGS для железнодорожных перевозок) и развитие институциональных связей.

Международный транспортный коридор «Север–Юг» (INSTC), получивший новый импульс развития после 2022 года, предлагает альтернативную конфигурацию транспортных потоков с акцентом на соединение российских портов на Балтике с индийскими морскими терминалами через Казахстан и Туркменистан. Особенностью этого проекта является ставка на комбинированные морско-сухопутные перевозки с использованием потенциала Каспийского моря (объем грузопотоков по этому направлению вырос с 4 до 15 млн тонн в 2021–2023 годах).

Конкуренция этих мегапроектов создает для центральноазиатских государств как уникальные возможности (доступ к альтернативным источникам финансирования, технологический трансфер, повышение геоэкономической значимости), так и серьезные риски, связанные с возможной фрагментацией транспортного пространства региона, чрезмерной зависимостью от внешних игроков и дисбалансом в развитии отдельных направлений. Например, наблюдаемый перекос в развитии восточно-западных коридоров в ущерб северо-южным связям может привести к формированию «транспортных анклавов», слабо интегрированных в единую региональную систему. Кроме того, различия в технических стандартах (например, конкуренция между китайской системой цифрового документооборота CARS и европейской eTIR) создают дополнительные барьеры для формирования действительно интегрированного транспортного пространства Центральной Азии.

Основные проблемы развития мультимодальных перевозок

Глубокая диагностика современного состояния мультимодальных перевозок в Центральной Азии выявляет комплекс взаимосвязанных проблем системного характера, существенно ограничивающих транзитный потенциал региона.

Наиболее острой остается проблема технологического отставания терминальной инфраструктуры: по данным Евразийской экономической комиссии, только 12–15% грузовых станций оснащены современным перегрузочным оборудованием, при этом средний износ основных фондов на контейнерных терминалах превышает 60%. Особенно критична ситуация с холодильными мощностями (дефицит оценивается в 35–40% от потребностей) и специализированными площадками для обработки опасных грузов (имеются лишь на 5% терминалов) [**1**].

Нормативно-правовая среда продолжает оставаться серьезным барьером: несмотря на формальное участие всех стран региона в основных международных транспортных конвенциях, сохраняются существенные различия в таможенных процедурах (среднее время таможенного оформления варьируется от 3 часов в Казахстане до 28 часов в Таджикистане), технических стандартах (5 различных систем сертификации подвижного состава) и требованиях к перевозкам (разные нормы весовых и габаритных ограничений) [**3**].

Логистическая неэффективность достигает критических показателей на трансграничных переходах: анализ операционных данных показывает, что среднее время простоя вагонов на границах составляет 42–48 часов (при норме 8–12 часов), а на отдельных направлениях, таких как узбекско-туркменская граница, может достигать 72 часов, что в 3–4 раза превышает аналогичные показатели в Восточной Европе [**4**].

Кадровый дефицит приобретает хронический характер. По оценкам Всемирного банка, региону требуется дополнительно около 15 тыс. специалистов по мультимодальной логистике, при этом существующие образовательные программы в 80% случаев не соответствуют современным требованиям цифровой трансформации отрасли [**6**].

Инвестиционный голод усугубляется ограниченным доступом к долгосрочным ресурсам: только 20–25% необходимых инвестиций могут быть обеспечены за счет внутренних источников, при этом приток прямых

иностранных инвестиций в транспортный сектор за последние 5 лет не превышал $2–2,5 млрд ежегодно, что в 4–5 раз меньше минимальных потребностей [**11**].

Ситуацию осложняет слабая координация между национальными транспортными стратегиями – отсутствие согласованного видения развития ключевых коридоров приводит к дублированию инфраструктурных проектов (например, параллельное строительство железных дорог Китай–Кыргызстан–Узбекистан и Китай–Казахстан–Туркменистан–Иран) и распылению ограниченных ресурсов. Особую озабоченность вызывает нарастающий технологический разрыв между отдельными элементами транспортной системы: в то время как основные магистрали постепенно модернизируются, подъездные пути и терминальная инфраструктура остаются на уровне 1980-х годов, создавая эффект «бутылочного горлышка». Эти системные проблемы требуют комплексного решения на основе скоординированной политики всех стран региона, гармонизации нормативной базы и привлечения стратегических инвесторов для реализации крупных инфраструктурных проектов.

Перспективы цифровой трансформации

Цифровая трансформация транспортно-логистического комплекса Центральной Азии представляет собой не просто технологическую модернизацию, а фундаментальную перестройку всей парадигмы управления грузопотоками в регионе. Наиболее революционный потенциал имеет создание единой цифровой платформы на основе распределенных реестров (blockchain), которая могла бы интегрировать данные всех участников транспортного процесса – от отправителей грузов до таможенных органов. Пилотные проекты подобного рода, реализуемые в Казахстане (платформа «Цифровой Шелковый путь») и Узбекистане («E-TIR»), уже демонстрируют возможность сокращения времени обработки транспортных документов на 60–70% [**15**]. Однако настоящий прорыв возможен лишь при создании общерегиональной системы, охватывающей все страны ЦА и поддерживающей сквозную цифровую цепочку от оформления CMR до финальной доставки.

Внедрение IoT-решений (Интернет вещей) для мониторинга транспорта переживает в регионе этап бурного роста: по данным McKinsey, количество подключенных датчиков на грузовом транспорте увеличилось с 15 тыс. в 2018 году до 120 тыс. в 2023 году [**2**]. Особенно перспективным представляется развитие интегрированных систем, сочетающих спутниковый мониторинг (ГЛОНАСС/GPS), датчики состояния груза (температура, влажность, вибрация) и предиктивные алгоритмы технического обслуживания. Это позволит не только отслеживать местоположение грузов в реальном времени, но и прогнозировать возможные сбои в логистической цепи.

Развитие предиктивной аналитики на базе искусственного интеллекта открывает совершенно новые горизонты для оптимизации маршрутов. Современные алгоритмы, обрабатывающие исторические данные о сезонных колебаниях грузопотоков, метеоусловиях и таможенном трафике, способны снизить холостой пробег подвижного состава на 25–30% и сократить среднее время доставки на 15–20% [**5**].

Особое значение приобретает автоматизация таможенных процедур через системы «единого окна». Опыт внедрения ASYCUDA World в Кыргызстане показал возможность сокращения времени таможенного оформления с 8–10 часов до 40–50 минут. Однако настоящий эффект возможен лишь при создании интегрированного цифрового пространства всех таможенных служб региона с едиными протоколами обмена данными и взаимным признанием электронных документов [**8**].

Ключевым вызовом остается кибербезопасность. По данным INTERPOL, количество кибератак на транспортную инфраструктуру региона выросло в 2022 году на 180%, что требует создания специализированных центров защиты критической цифровой инфраструктуры. Параллельно необходимо решать проблему цифрового неравенства: если в Казахстане уровень цифровизации транспортной отрасли оценивается в 65–70%, то в Таджикистане этот показатель не превышает 20–25%. Реализация полномасштабной цифровой трансформации

потребует инвестиций порядка $3–3,5 млрд до 2030 года, но способна принести региону дополнительный доход в $12–15 млрд за счет повышения пропускной способности коридоров и снижения логистических издержек [**13**].

Заключение

Развитие международных мультимодальных транспортных коридоров в Центральной Азии представляет собой не просто инфраструктурную задачу, а стратегическую возможность для кардинальной трансформации экономической модели всего региона. Как показывает анализ текущего состояния и перспектив, транспортно-логистический сектор способен стать ключевым драйвером постковидного восстановления и устойчивого роста, обеспечивая до 25–30% прироста ВВП стран региона к 2030 году при условии комплексной модернизации [**9**]. Однако реализация этого потенциала требует преодоления глубоких структурных ограничений, накопленных за десятилетия фрагментации транспортного пространства и недостаточных инвестиций.

Критически важным представляется переход от конкуренции национальных транспортных стратегий к формированию единой скоординированной политики в рамках таких интеграционных объединений, как ЕАЭС, ОЦАС и ШОС, что позволит создать действительно интегрированное транспортное пространство от Каспия до Китая. Особое значение приобретают разработка и реализация совместных инфраструктурных проектов, таких как создание сети региональных логистических хабов класса А, модернизация трансграничных железнодорожных переходов и развитие каспийского транспортного узла.

Опыт последних лет убедительно демонстрирует, что только сочетание масштабных государственных инвестиций в базовую инфраструктуру (не менее $8–10 млрд до 2030 года) с созданием благоприятных условий для частных инвестиций в логистические услуги (через механизмы ГЧП и специальные экономические зоны) может обеспечить качественный скачок в развитии транспортных коридоров [**12**]. При этом цифровая трансформация должна

рассматриваться не как дополнение, а как фундаментальная основа модернизации, позволяющая компенсировать часть физических ограничений инфраструктуры за счет интеллектуальных систем управления.

Успешная реализация этой комплексной повестки позволит Центральной Азии не только занять место ключевого связующего звена между Европой и Азией с потенциалом транзита до 50–60 млн тонн грузов ежегодно, но и создать новые производственные кластеры, ориентированные на экспорт, сформировать современный рынок логистических услуг и в итоге превратиться из периферийного региона в полноценный центр экономической активности Евразии. В этом контексте развитие транспортных коридоров следует рассматривать как важнейший элемент стратегии устойчивого развития Центральной Азии, способствующий диверсификации экономик, созданию качественных рабочих мест и укреплению региональной интеграции. Реализация этого видения потребует беспрецедентного уровня политической воли и международного сотрудничества, но потенциальные выгоды для всех стран региона и их экономических партнеров делают эти усилия не просто оправданными, а исторически необходимыми.

Список литературы

1. Абдуллаев, К. Н. Международный транспортный коридор - ТРАСЕКА: созданная реальность и перспективы / К. Н. Абдуллаев // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2011. – № 4. – С. 11-14. – EDN NXPKKD.

2. Азимов П.Х. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры в Республике Таджикистан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент» – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2017, №2, Т. 11. - С. 159 – 166.

3. Азимов П.Х. Роль международных транспортных коридоров в процессе глобализации экономик стран Центральной Азии // Век глобализации.

Исследования современных глобальных процессов. (научно-теоретический журнал). Выпуск №3(27), 2018. – М.: Издательство «Учитель», 2018. – С. 39-46.

4. Азимов П.Х., Камолидинов Б.Т. Роль международных транспортных коридоров в развитии экономики Республики Таджикистан // Экономика Таджикистана. №2, 2018. – Душанбе: Институт экономики и демографии АН РТ, 2018. – 156 с. – С. 56-62.

5. Agreement on the Development of Multimodal Transport TRACECA, 2009. URL: http://www.traceca-org.org/fileadmin/fm-dam/pdfs/til_igcmeets/7th/en/Agreement_ eng.pdf.

6. Basic Multilateral Agreement on International Transport for Development of the Europe – the Caucasus – Asia corridor (Baku, 8 September 1998). URL: http://www.traceca-org.org/fileadmin/fm-dam/pdfs/til_mlaMLA_/ English_with_/ ammendments.pd

7. FAO Country Profiles | Форум развивающихся стран, не имеющих выхода к морю по вопросам продовольственной безопасности и достижения Целей Устойчивого Развития | Food and Agriculture Organization of the United Nations

8. Peyrouse S., Raballand G. Central Asia: The new Silk Road initiative's questionable economic rationality. Eurasian Geography and Economics. 2015. № 56. P. 405–406.,

9. Pradhan R. The Rise of China in Central Asia: The New Silk Road Diplomacy. Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11 (1). P. 9–29.

10. The Silk Road of the 21st century. TRACECA. URL: http://www.traceca-org.org/en/home/the-silk-road-of-the-21st-century.

11. Жильцов С.С., Ногмова А.Ш. Россия не поддерживает "сланцевую революцию" // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 4 (6). С. 16-28.

12. Ногмов А.М., Шангараев Р.Н. Роль региональных интеграционных объединений в обеспечении стабильности и безопасности в странах Центральной Азии // Дипломатическая служба. 2018. № 3. С. 48-54.

13. Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. Центральная Азия в геополитическом пространстве Евразии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 11 (104). С. 4661-4669.

14. Ивочкина А.С. Турецко-китайское взаимодействие в рамках инициативы "нового шёлкового пути" // Дипломатическая служба. 2023. № 3. С. 197-206.

15. Ивочкина А.С. Состояние и перспективы приграничного сотрудничества России и Казахстана на современном этапе // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 179-184

Гандилян Мгер Миранович,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: mgergandilyan.duma@mail.ru

Mger M. Gandilyan,
Postgraduate Degree Student,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: mgergandilyan.duma@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЗАЦИИ СПОРТА В РОССИЙСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

ISSUE OF GLOBAL POLITICIZATION OF SPORTS WITHIN RUSSIAN SCHOLARLY DISCOURSE

Аннотация: в данной статье представлены результаты анализа 105 научных публикаций, посвященных различным аспектам политизации спорта в современном мире. Выявлены их содержательные и формально-количественные характеристики. Обоснована инициатива по оформлению нового направления политической науки – политологии спорта.

Ключевые слова: политизация, политика, спорт, научный дискурс, Олимпийские игры, миссия спорта, политология спорта, Россия.

Abstract: this article presents the results of analysis of 105 scholarly publications devoted to various aspects of politicization of sports in the modern world. Their substantive and formal-quantitative characteristics are identified. The initiative to formalize a new direction of political science, i.e. political science of sports, is substantiated.

Keywords: politicization, politics, sport, scientific discourse, Olympic Games, mission of sport, political science of sport, Russia.

Введение

Специфичность политических событий и процессов, сопровождающих развитие спортивной сферы в последнее время, настоятельно требует научного осмысления. Пожалуй, никогда прежде в истории спорта не было периодов,

когда политика так глубоко проникала бы в спорт и оказывала на него столь сильное воздействие. Отечественное академическое сообщество достаточно оперативно отреагировало на произошедшие в данной сфере глобальные трансформации и весьма активно начало анализировать наблюдаемые сейчас на стыке политики и спорта явления. Представители самых разных наук предлагают собственные трактовки и интерпретации происходящего, формулируют различные объяснения отдельных событий и по-своему оценивают перспективы дальнейшего развития ситуации.

В этой связи целью проведенного исследования, результаты которого представлены в данной статье, было четкое определение актуального состояния научного дискурса по обозначенной тематике. Для ее достижения были поставлены задачи по выявлению основных направлений научных поисков отечественных авторов в рамках проблематики политизации спорта, а также определению наиболее и наименее востребованных ими сюжетов.

Материалы и методы

Для выявления основных характеристик представленности заявленной проблематики в современной российской научной литературе нами было проведено комплексное исследование корпуса текстов, посвященных различным аспектам политизации спорта. Первый этап данного исследования включал в себя создание на портале крупнейшей в нашей стране научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU» поискового запроса и последующий анализ найденных по результатам поиска публикаций. Поиск осуществлялся по словам «спорт», «политика» и «политизация» в названиях публикаций, аннотациях и ключевых словах. В качестве типов публикаций, в которых осуществлялся поиск, были определены статьи в журналах, книги, материалы конференций и диссертации. Временной диапазон поисковой базы был ограничен периодом с 2000 по 2025 год (опыт показывает, что более ранние труды в электронных библиографических базах зачастую не представлены).

Всего подобным образом было найдено 56 публикаций. После тщательного анализа каждой из них из сносок и списка литературы было отобрано еще 63 работы, имеющие отношение к тематике политизации спорта. Второй этап исследования предполагал поиск и анализ данных публикаций. В результате удалось найти лишь 49 из них (доступ к остальным 14 отсутствовал либо же был ограничен). Итоговую выборку составили, таким образом, 105 научных текстов. Полагаем, что подобный двухэтапный механизм поиска и анализа содержания публикаций можно считать вполне релевантным обозначенным выше задачам, результаты решения которых представлены в данной статье.

В зависимости от того, чему прежде всего была посвящена конкретная работа, все публикации условно были разделены на семь тематических блоков: «миссия спорта», «спорт и политика», «политизация спорта», «история политизации спорта», «дипломатия, имидж, национальная идентичность», «спорт как арена противоборства стран» и «отражение политизации спорта в медиа» (рис.1).

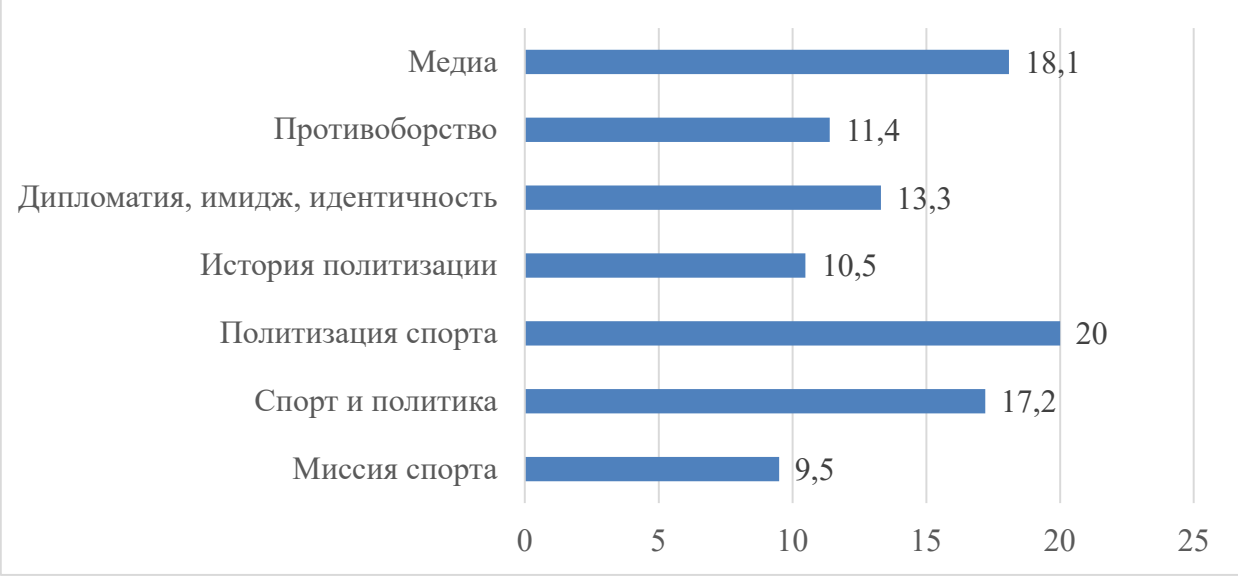

Рис.1. **Тематические блоки публикаций** (% от общего количества)

Очевидно, что ученых особенно часто интересуют сюжеты, непосредственно связанные с различными аспектами политизации спорта и его

взаимодействия с политикой. Достаточно часто анализируются также вопросы представленности данной проблематики в медиапространстве. Немного реже в центре внимания российских исследователей оказываются внешнеполитические и имиджевые потенциалы спорта, исторические примеры его политизации, а также связанные с политикой элементы общего предназначения спорта.

Хронологически проанализированные работы были распределены следующим образом (рис. 2).

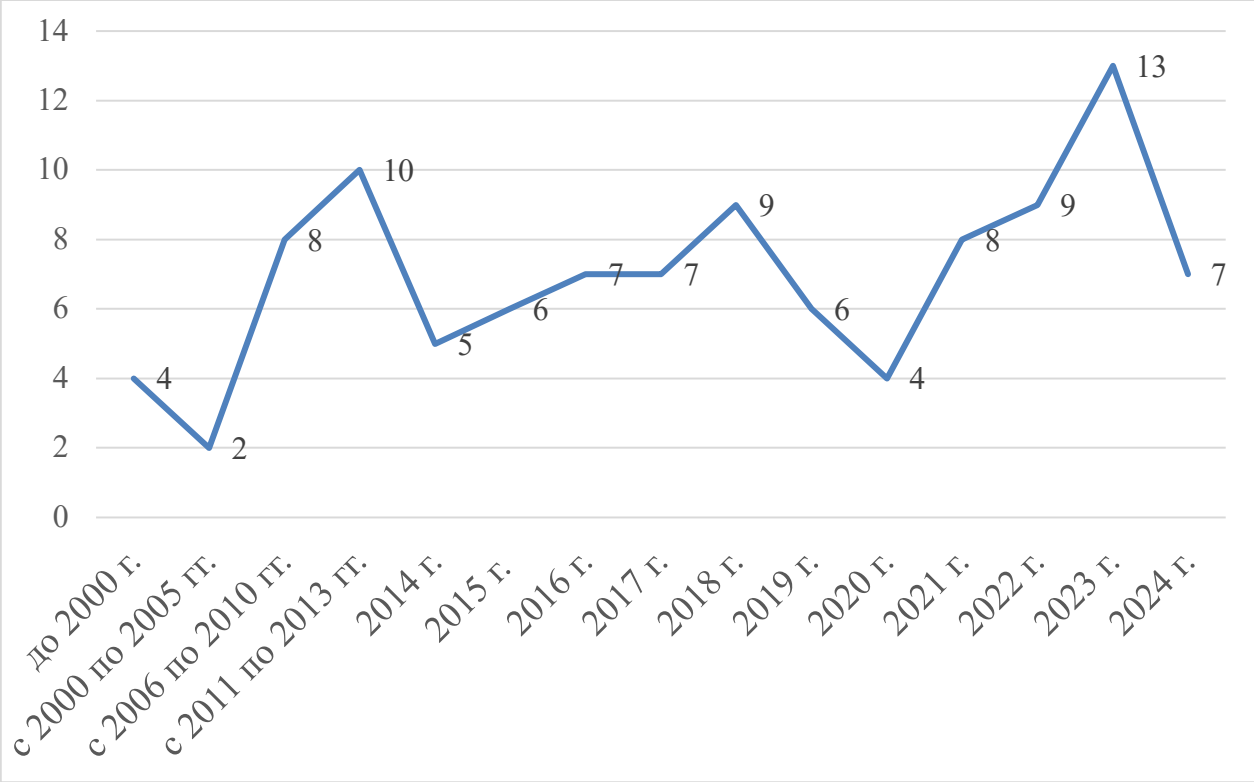

Рис. 2. **Общее распределение публикаций во времени (ед.)**

Налицо рост количества публикаций, наблюдаемый с 2014 года, когда произошло сразу несколько знаковых событий, спровоцировавших резкое увеличение исследовательского внимания к проблематике политизации спорта. В первую очередь это зимняя Олимпиада в Сочи и сопровождавшие ее допинговые скандалы, естественным образом актуализировавшие разговоры о взаимовлиянии политики и спорта. Кроме этого, свою роль сыграло также воссоединение Крыма с Россией и последовавшее за этим начало боевых действий на Донбассе, давшие дополнительный импульс для санкционного

давления на нашу страну, в том числе и в спортивной сфере. Девять публикаций, приходящиеся на 2018 год, вполне вероятно, были связаны с проходившим в России чемпионатом мира по футболу, а пик 2022 и 2023 годов (9 и 13 текстов соответственно), очевидно, был вызван началом СВО и ужесточением санкционных мер в отношении наших спортсменов.

Результаты

Перейдем к анализу содержательного наполнения каждого из семи условно выделенных нами тематических блоков. Начнем с блока, который составляют публикации, посвященные миссии спорта как социального феномена. По числу материалов это самая немногочисленная группа: ее составляют 10 работ. Среди их авторов нет ни одного обладателя ученой степени кандидата или доктора политических наук. Но, несмотря на это, отдельные связанные с политизацией спорта сюжеты в них периодически затрагиваются.

Содержание входящих в эту группу научных трудов позволяет говорить о преобладании среди российских ученых мнения о том, что современные спорт и олимпизм в настоящий момент претерпевают значительные изменения, связанные с постепенным отходом от изначально заложенных в них принципов и идеалов.

Второй тематический блок публикаций посвящен общим вопросам взаимодействия политики и спорта. Большая часть работ этого блока касается универсальных принципов взаимовлияния спорта, политики и идеологии [**9**; **11**], определения основных факторов использования спорта в политической деятельности на международном и внутригосударственном уровнях [**3**]. Не остаются без внимания ученых теоретико-методологические и социально-философские аспекты проблемы присутствия политики в спортивной сфере [**10**], а также варианты воздействия международных спортивных соревнований на политические процессы в государстве и обществе [**7**].

По числу входящих в него публикаций третий тематический блок является самым большим. Соответственно, круг затрагиваемых сюжетов здесь также

довольно обширный. Ученые пытаются разобраться в причинах интенсификации политизации спорта, выявляют наиболее распространенные формы ее проявления, дают правовые оценки процессам политизации спорта высших достижений в современном мире [**2**], анализируют законодательство в сфере регулирования спорта, исследуют статус организаторов международных официальных спортивных соревнований (при этом особенно часто в центре их внимания оказывается МОК) [**6**].

Следующий тематический блок содержательно очень тесно связан с предыдущим и отличается лишь тем, что в него попали публикации, речь в которых шла лишь об одном – историческом – аспекте политизации спорта.

Отдельная группа исследований посвящена внешнеполитическому измерению спорта, его влиянию на формирование имиджа государства и национальной идентичности проживающих в нем людей. Спектр затрагиваемых в данном случае вопросов достаточно широк, и потому не случайно, что авторами попавших в эту группу исследований стали представители самых различных научных направлений: два кандидата и три доктора политических наук, три кандидата и один доктор исторических, два кандидата педагогических и по одному доктору экономических, философских и психологических наук.

Логическим продолжением предыдущего тематического блока можно считать группу статей, посвященных противостоянию государств с использованием спортивной составляющей. Иными словами, политизация спорта здесь также рассматривается преимущественно в своем внешнем измерении, однако акцент при этом делается именно на геополитическом и отчасти экономическом противоборстве наций, международных организаций и союзов.

Разумеется, говоря о межгосударственном противоборстве, в подавляющем большинстве случаев ученые имеют в виду те ограничения, которые были наложены на российских спортсменов после 2014 года. Неудивительно поэтому, что нередко в посвященных этому материалах

используется метафора «холодная война» или же ее разновидность «новая холодная война» [**1**], а сама политизация спорта на международной арене трактуется как угроза национальной безопасности России [**8**].

Тематический блок «медиа» вобрал в себя тексты, посвященные анализу представленности различных аспектов политизации спорта именно в медийном пространстве. Часть материалов данной группы акцентирует внимание преимущественно на теоретических аспектах политизации. Ряд публикаций посвящен более широким вопросам отражения феномена политизации спорта в современных СМИ, взаимовлиянию спорта и электронных медиа [**5**], особенностям его освещения в российском и зарубежном медиапространстве [**4**].

Выводы

В современном российском научном дискурсе в контексте политизации спорта затрагиваются (а в отдельных случаях достаточно тщательно анализируются) самые различные аспекты этой темы – от весьма общей социальной миссии спорта до вполне конкретных сюжетов медийного освещения процессов политизации связанных с ним событий, процессов и отношений.

Вместе с тем, несмотря на столь широкий спектр освещаемых вопросов, до сих пор остаются моменты, которые еще не получили должного осмысления отечественными учеными. Одним из них являются используемые сегодня технологии политизации спорта. Иными словами, в российском академическом сообществе до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о том, какие именно способы, методы и процедуры воздействия на общество используются в процессе политизации спорта с целью придания политическому поведению людей характера, благоприятного для достижения определенных политических или управленческих целей. По крайней мере, по итогам проведенного анализа 105 научных работ не были обнаружены тексты, в которых подробно освещался бы этот сюжет.

Представленные в данной статье результаты анализа формально-количественных (академического статуса авторов текстов и количества цитирований их работ) и содержательных характеристик российского научного дискурса по проблематике политизации спорта дали основание для еще одного вывода. Его суть заключается в том, что, на наш взгляд, назрела необходимость выделения в рамках семейства политических наук такого относительно нового направления, как политология спорта. Можно выделить две причины.

Первая – это практическая злободневность вопросов, которые могли бы составить предметное поле нового направления политической науки. Происходящие в последнее десятилетие процессы политизации спорта, скорее всего, сохранят свою высокую актуальность и в обозримом будущем. По крайней мере, на сегодняшний день предпосылок к тому, чтобы эти процессы сошли на нет или даже затормозились, по нашему мнению, не наблюдается. К тому же, как показывает исторический опыт, в той или иной степени спорт высших достижений и олимпийское движение политизировались практически всегда. Соответственно, запрос на научную интерпретацию происходящих процессов почти наверняка будет достаточно стабильным.

Вторая причина – это накопленный в этой сфере исследовательский потенциал. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что как минимум с начала XXI века данная проблематика изучается достаточно активно, причем после 2014 года количество публикаций по различным аспектам политизации спорта стало увеличиваться еще стремительнее. Да, анализом подобных проблем сегодня занимаются не только политологи, но и представители других наук (историки, педагоги, философы, филологи, социологи, экономисты, культурологи, психологи). Однако, несмотря на это, представляется, что и интереса представителей одной только политической науки будет достаточно для оформления и дальнейшего развития политологии спорта.

Институционально становление нового направления можно было бы начать с проведения тематических секций и/или круглых столов в рамках ежегодных научных конференций Российской ассоциации политической науки (РАПН) с перспективой последующего создания профильного исследовательского комитета. Убеждены, что интерес к подобным форматам со стороны российских политологов будет достаточно высоким.

Список литературы

1. Волков А. Спортивная холодная война России и Запада: вечный идейный конфликт или перспективы нормализации? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/blogs/a-volkov/sportivnaya-kholodnaya-voyna-rossii-i-zapada-vechnyy-ideynyy-konflikt-/ (дата обращения: 15.01.2025).
2. Годованик Е. В. Политизация спорта в современном мире: правовой взгляд на проблему // Спорт: экономика, право, управление. 2024. № 2. С. 5–8.
3. Грачев С. И., Аксянов А. С. Спорт как фактор политической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 76–80.
4. Десюк Д. В. Специфика отражения темы спорта на современном российском телевидении: телеканал «Спорт» 2003–2009 гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 190 с.
5. Ильченко С. Н. Спорт и электронные медиа: аспекты коммуникативного воздействия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 4. С. 232–236.
6. Мальцева С. Г., Ермилова В. В., Турянская В. А. Проблема политизации современного международного спорта // Успехи гуманитарных наук. 2024. № 4. С. 226–230. DOI 10.58224/2618-7175-2024-4-226-230.
7. Нужденов К. Э. Международные спортивные соревнования как инструмент воздействия на современный политический процесс // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 2. С. 70–77.
8. Пестова Т. П. Политизация спорта на международной арене как угроза национальной безопасности России // Актуальные проблемы интеграции науки и образования в регионе : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием, Бузулук, 14–15 июня 2024 года. Бузулук: Оренбургский государственный университет, 2024. С. 246–249.

9. Пуховская Н. Е., Макиева А. А. Олимпийские игры 1980 и 2014 гг.: взаимосвязь спорта и политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–2(69). С. 149–152.

10. Столяров В. И. Взаимоотношение спорта и политики (социально-философский и методологический анализ) // Взаимоотношения спорта и политики с позиции гуманизма. Вып. 3. 2005. 199 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://rucont.ru/efd/543013 (дата обращения: 12.01.2025).

11. Столяров В. И. Спорт вне политики и в мире политики. М.: Русайнс, 2017. 288 с.

Тимакова Ольга Александровна,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

Olga A. Timakova,
Ph.D. (Political Science),
Associate Professor of the Department
of Political Theory and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

СВЯЗКА «БЕЗОПАСНОСТЬ – РАЗВИТИЕ» В ПОЛИТИКЕ ЕВРОСОЮЗА В АФРИКЕ

"SECURITY – DEVELOPMENT" NEXUS IN EU POLICY IN AFRICA

Аннотация: политика безопасности ЕС в Сахеле осуществлялась на фоне секьюритизации нарратива об угрозах не только для населения Африки, но и для европейских граждан. Причины неудачи Стратегии ЕС для Сахеля разнообразны, имеют внутренний и внешний характер, но самое главное, что истоки и практика отношений Евросоюза и стран Африки всё еще глубоко укоренены в колониальном прошлом и постколониальных интересах государств – членов ЕС. Хотя Евросоюз и заявляет о непредвзятом, сбалансированном и комплексном подходе своей внешней политики в Африке, на практике можно констатировать, что используются репрессивные меры и механизмы стимулирования, призванные побудить страны региона реализовывать политику реадмиссии и миграционного контроля.

Ключевые слова: Европейский союз, Африка, Сахель, безопасность, помощь развитию, миграция.

Abstract: the EU security policy in the Sahel has been implemented against the backdrop of a securitization of the narrative of threats not only to the African population but also to European citizens. The reasons for the failure of the EU Strategy for the Sahel are varied, internal and external, but most importantly, the origins and practice of EU – African relations are still deeply rooted in the colonial past and

postcolonial interests of EU member states. Although the EU declares an unbiased, balanced and comprehensive approach to its foreign policy in Africa, in practice it can be stated that repressive measures and incentive mechanisms are used to encourage countries in the region to implement readmission and migration control policies.

Keywords: European Union, Africa, Sahel, security, development assistance, migration.

Введение

Сохранение влияния Евросоюза в Африке на современном этапе было важным фактором закрепления за Евросоюзом статуса глобального актора международной безопасности и помощи развитию. Однако отношения между ЕС и странами региона невозможно назвать равноправными. Именно Европейский союз всегда определял условия и рамки сотрудничества в сфере безопасности. Постепенно повестка дня ЕС в Африке трансформировалась от стратегии помощи развитию к секьюритизированному дискурсу, определяемому экстернализацией внутриполитических проблем Евросоюза [**2**].

Особенности реализации стратегии безопасности ЕС в Африке рассмотрим на примере действий блока в регионе Западной Африки. В условиях современных геополитических трансформаций Западная Африка оказалась одним из самых уязвимых и нестабильных регионов мира. Все политические процессы в Африке рассматриваются Евросоюзом через призму вопросов безопасности. Среди вызовов и угроз, влияющих на стабильность ЕС, можно назвать транснациональную преступность и исламский терроризм, пиратство в Гвинейском заливе, представляющее опасность для международных транспортных и торговых маршрутов, а также бедность и безработицу, стимулирующие миграционные потоки в Европу.

Именно на взаимодействие с группой стран Сахеля была направлена стратегия Евросоюза, целью которой было подчеркнуть связь между политикой безопасности и развития [**5**]. Ключевой предпосылкой сотрудничества являлось условие, что развитие возможно только после достижения безопасности. Однако

миссии ЕС в регионе не добились успеха в стабилизации пространства и достижении внешнеполитических целей Евросоюза. Всё чаще Сахель в Европе позиционируется как французский Афганистан, или Сахелистан, что подчеркивает бесперспективность вмешательства для обеспечения внутренней безопасности Европы [**10**].

Более того, в период с 2020 года страны Сахеля планомерно приостанавливают участие в инициативах Евросоюза. Практически все программы, действовавшие в рамках Европейской стратегии для Сахеля, были заморожены. Также объединение «Группа пяти Сахеля», которое поддерживали страны Европы, перестало существовать. Ему на смену пришла новая независимая структура «Альянс государств Сахеля», созданная на основе пакта о взаимной обороне в 2023 году.

ЕС столкнулся с необходимостью пересмотреть свою стратегию в Африке и в Сахеле в частности. И хотя решение о подготовке новой стратегии принято, между странами-членами не достигнут консенсус о целеполагании внешнеполитической линии ЕС в регионе.

Важным представляется анализ основных проблем и недостатков, присущих инструментам реализации общей внешней политики и политики безопасности ЕС в Африке, на примере ситуации в регионе Сахеля, а также уточнение перспектив реализации новой стратегии.

Эволюция отношений ЕС и стран Африки

Концептуализацию взаимодействия Евросоюза и стран Африки в сфере безопасности стоит отсчитывать с середины первого десятилетия XXI века. Тогда впервые было заявлено, что стороны готовы сотрудничать и объединять усилия для решения проблем поддержания безопасности и стабильности на континенте [**12**; **19**].

Действительно значимые изменения в общей стратегии Евросоюза произошли лишь после Лиссабонского саммита 2007 года и с принятием нового договора Европейского союза в 2009 году. Реформа общей внешней политики и

политики безопасности создала платформу и новый набор механизмов для реализации общей африканской стратегии.

Внешняя политика ЕС на континенте стала определяться Европейской службой внешних связей (ЕСВС), координирующей большую часть всех сфер деятельности, в том числе кризисное регулирование. В частности, оно находилось под управлением Департамента кризисного реагирования и оперативной координации ЕСВС при поддержке Ситуационного центра и Кризисной платформы ЕСВС, которые выступали в качестве организующих органов. Географические отделы, в первую очередь Африканский отдел, отвечали за сотрудничество с африканскими партнерами. Наконец, Военный штаб ЕС согласовывал усилия, связанные с военными действиями.

Большую роль также играл и другой институт Европейского союза – Европейская комиссия. Значимое количество проектов, инициатив и специальных фондов управлялось через два директората: Главный директорат европейской гражданской защиты и операций по оказанию гуманитарной помощи, ранее известный как Управление гуманитарной помощи Европейского сообщества, и Генеральный директорат по международному сотрудничеству и развитию. Также Европейская комиссия координировала сотрудничество между ЕС и африканскими государствами, региональными и международными объединениями через Африканский фонд мира, который в 2021 году в рамках программы реформирования институтов ЕС вошел в новый объединенный Европейский фонд мира.

Совместная стратегия ЕС – Африка 2007 года заложила основу долгосрочного взаимодействия сторон. Взаимоотношения с Евросоюзом предельно важны для стран Африки: ЕС и отдельные государства-члены являются крупнейшими донорами в регионе. Евросоюз оказал значительную поддержку африканским инициативам в области безопасности: в период с 2004 по 2017 год было выделено почти 3 млрд евро через Африканский фонд мира [**3**], и более 60% текущих военных и гражданских миссий ЕС осуществляются

именно на Африканском континенте. Только для стран «Группы пяти Сахеля» было предоставлено 8 млрд евро помощи в целях развития в течение 2014–2020 годов. До 2011 года большая часть финансирования Евросоюза в области региональной безопасности в Западной Африке была направлена на наращивание потенциала Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС; Economic Community of West African States, ECOWAS) и развитие его программ и инициатив: в разные периоды оно доходило до 2/3 от всего финансирования организации.

Первые изменения в позиции Евросоюза начали происходить после принятия ЕС Стратегии для Сахеля в 2011 году. В частности, Евросоюз постепенно стал уменьшать финансирование проектов ЭКОВАС, связанных с обеспечением безопасности в Западной Африке. Менее институционализированные и более гибкие объединения, такие как «Группа пяти Сахеля» и Многонациональная совместная оперативная группа бассейна озера Чад, чаще становились партнерами Евросоюза. Инициирование трех миссий общей политики безопасности и обороны в Сахеле также перераспределило финансовые потоки и человеческие ресурсы ЕС. Впоследствии в регионе всего были развернуты четыре миссии общей политики безопасности и обороны [**20**]:

– военная, небоевая, учебная и консультативная миссия для совместных сил вмешательства «Группа пяти Сахеля» и вооруженных сил Буркина-Фасо, Мали и Нигера (EUTM Mali);

– две миссии по наращиванию гражданского потенциала: обучение, консультации и предоставление несмертоносного оборудования для сил полиции и жандармерии Мали (EUCAP Sahel Mali) и сил внутренней безопасности Нигера и других членов «Группы пяти Сахеля» (EUCAP Sahel Niger);

– миссия военного партнерства в Нигере (EUMPM Niger), созданная в декабре 2022 года; ее совместные расходы финансируются Европейским фондом мира (EPF).

Изменения в структуре финансирования, как правило, имеют важные последствия. Именно такие действия со стороны ЕС стали фактором, определившим уменьшение значимости ЭКОВАС как проводника безопасности в регионе. Также большее финансирование проектов через Африканский фонд мира ЕС и конкретные операции по поддержанию мира, вместо развития централизованной системы по стабилизации – «Африканской архитектуры мира и стабильности», координируемой Африканским союзом, – значительно замедлили борьбу с общими угрозами безопасности на континенте.

Миграционный кризис 2015 года в ЕС стал причиной трансформации общей внешней политики. В стратегии Европы стал превалировать императив защиты европейского пространства от влияния извне. Комментируя план действий 2015 года, Европейский совет выпустил общее коммюнике, где поясняется, что «проблемы Сахеля не только затрагивают местное население, но и во всё большей степени влияют непосредственно на интересы и безопасность европейских граждан... Таким образом, обеспечение безопасности и развития в Сахеле ведет к укреплению собственной внутренней безопасности ЕС» [7].

Этот измененный подход внешнеполитической линии Евросоюза был зафиксирован в Глобальной стратегии 2016 года. В ней подчеркивалась центральная роль региональных порядков, которые «создаются не только организациями». Таким образом, было дано обоснование более гибкой парадигме при взаимодействии с региональными, субрегиональными и двусторонними структурами на континенте. Всё это совпадало с общим прагматичным разворотом ЕС, где внутриполитические императивы безопасности Европы определяли задачи внешней политики, в противовес концепции нормативной силы, превалировавшей ранее.

До миграционного кризиса взаимодействие Евросоюза со странами Сахеля заключалось в основном в предоставлении помощи в целях развития. Согласно свидетельству европейских официальных лиц, работающих в регионе Сахеля, в период миграционного кризиса произошел поворот от долгосрочных целей внешней политики ЕС – стимулирования реформ и развития гражданского общества – к краткосрочным программам сдерживания миграционных потоков и проведения контртеррористических операций [**1**].

Также в ответ на кризис на миграционном саммите в Валлетте в 2015 году был учрежден Чрезвычайный целевой фонд Европейского союза по стабильности и устранению коренных причин нерегулярной миграции и перемещения в Африке (EUTF), управляемый непосредственно Европейской комиссией. Целью его программ являлось, как заявлено в самом названии, устранение коренных причин миграции в Африке. В рамках Целевого фонда было выделено 100 млн евро на поддержку создания Объединенных сил «Группы пяти Сахеля» [**21**]. Согласно аудиторской проверке 2018 года, через этот фонд было выделено почти 5 млрд евро [**23**]. Также, например, одним из таких региональных проектов Целевого фонда стала «Группа быстрого реагирования – наблюдение и интервенции в Сахеле» (Groupes d’Action Rapides – Surveillance et Interventions au Sahel, GAR-SI Sahel) в Буркина-Фасо, Чаде, Мали, Мавритании, Нигере и Сенегале, созданная в 2017 году, с бюджетом в 41 млн евро. Проект GAR-SI Sahel является одним из 16 проектов регионального Целевого фонда в дополнение к 12 национальным проектам в Мали с бюджетом 214 млн евро [**8**]. GAR-SI Sahel призван помочь местным властям осуществлять эффективный территориальный контроль посредством развертывания элитных сил жандармерии, специализирующихся на борьбе с терроризмом и нелегальной миграцией. Размытие границ между гражданскими и военными мерами частично отражает институциональную структуру Мали, где жандармерия подчиняется Министерству внутренних дел и, следовательно, по определению является гражданской силой. Это позволяет контртеррористическим механизмам

«маскироваться» под гражданскую поддержку [**6**], а Евросоюзу обходить ограничения уставных договоров о финансировании военных или оборонных действий из бюджета организации.

Миграция стала восприниматься ЕС как угроза жизненно важным интересам безопасности интеграционного объединения и превратилась в определяющий фактор отношений Европы со странами региона [**11**]. Секьюритизация помощи развитию хотя и позволяет перенаправлять средства на цели, необходимые Европейскому союзу, не достигает поставленной задачи. ЕС развернул тактическую группу «Такуба», которая участвовала в операции «Бархан» до 2022 года под руководством Франции. Однако, как показывают данные, эта операция не привела к уменьшению конфликтности и нестабильности в Сахеле.

ЕС также использует и экономические механизмы для повышения эффективности собственной стратегии безопасности. Последние соглашения о торговых преференциях и помощи развитию со странами Сахеля устанавливают требование репатриации «нежелательных» мигрантов из Европы [**17**]. Такая политика не согласуется с базовыми ценностями Европы и сказывается на общем имидже Европейского союза [**16**; **9**]. Страны Африки интерпретируют действия ЕС как экстернализацию внутренних проблем Европы и вмешательство во внутрирегиональные миграционные режимы с помощью экономических инструментов давления [**25**].

Европейские антимиграционные инициативы последних лет, в первую очередь соглашения о реадмиссии, очень негативно воспринимаются общественностью в самой Африке, что приводит к дестабилизации политического процесса в государствах Сахеля. Более того, данные ООН показывают, что в большинстве случаев именно мигранты из Северной Африки перемещаются за границу через средиземноморские маршруты, при этом для вынужденных переселенцев из Африки южнее Сахары наиболее распространенным местом назначения являются соседние страны региона.

Следовательно, место миграционного вопроса в повестке дня в отношениях между ЕС и странами Западной Африки не соответствует реальной ситуации.

Проблемы стратегии ЕС в Африке

Систематизируя проблемы, делающие политику безопасности ЕС в Африке неэффективной, в первую очередь необходимо обратить внимание на общий имидж Евросоюза и постколониальные нарративы.

Существует парадокс восприятия политики ЕС в Африке. С одной стороны, Евросоюз действует исходя из предположения, что он является постколониальной организацией, нормативная власть которого дает ему право взять на себя лидирующую роль в процессе панафриканской интеграции. С другой стороны, любое участие Евросоюза в африканской интеграции можно рассматривать как продолжение практики колониальных времен. Такая ситуация создает необходимость как для ЕС, так и для стран Африки избегать форм взаимодействия, которые кажутся неоколониальными, а также для Евросоюза потенциально переводить взаимодействие вне отношений ЕС – Африканский союз в более широкое пространство.

Однако наблюдаются неоколониальные тенденции политики Евросоюза, которые могут быть проиллюстрированы на примере трех факторов.

Первым являются условия выделения помощи. Предоставление помощи для развития и других видов финансирования со стороны ЕС всегда сопровождалось множеством экономических условий: либерализацией торговли, приватизацией и в целом запуском программ структурной перестройки экономики. Региональные акторы региона Западной Африки, в значительной степени ЕС, являются неравноправными партнерами с Европой. И при сокращении или закрытии программ Евросоюза африканские организации могут потерять свое влияние, как это случилось с ЭКОВАС.

ЕС также неоднократно напрямую использовал собственные институциональные механизмы, заложенные в торговых соглашениях, для принуждения торговых партнеров в случае, например, фиксации нарушений

прав человека [**13**]. Еще одним примером недобросовестных практик взаимодействия Евросоюза стало согласование Совместной стратегии ЕС – Африка 2007 года и преференциальных торговых соглашений со странами региона. Евросоюз предупреждал африканские государства о лишении преференций, которыми они пользовались со времен конвенции Ломе, если переговоры не завершатся на условиях ЕС [**15**]. Таким образом, можно подчеркнуть, что «Африка, через свои государства или институты, может играть только одну роль – как объект международных отношений, а не как активный участник» [**22**].

Вторым фактором можно назвать экспорт европейских ценностей. Европейский союз также определяет жесткие социально-политические предпосылки для развития программ сотрудничества – принятие западноцентричных ценностей в обществе. Такие действия в общественном мнении рассматриваются как современная неоколониальная попытка проведения «цивилизаторской» миссии европейских государств. Для африканских акторов сфера безопасности является ключевой основой государственного суверенитета, поэтому контроль со стороны внешних сил, например ЕС, воспринимается как агрессивное вмешательство во внутренние дела и патернализм.

И, наконец, третий фактор – дискурс об Африке как о «гуманитарном бремени» Европы. Один из наиболее отличительных аспектов европейской политики и общего взаимодействия с Африкой – позиционирование ее как экономического бремени, учитывая колониальное прошлое стран Африки, которое оставило большинство из них в тяжелой социально-экономической ситуации. И хотя политика ЕС позиционируется как «помощь в целях развития» и «добрые дела», она не может не восприниматься как патерналистская стратегия. Такая ситуация устанавливает неравенство в отношениях между странами Африки и Европейским союзом в противовес с другими партнерами – Россией, Китаем, Индией, где подчеркивается равноправие и взаимоуважение.

Второй большой проблемой, влияющей на эффективность общей политики безопасности ЕС в Африке, является вовлеченность значительного количества международных акторов: от международных правительственных и неправительственных организаций до национальных государств и групп государств; Европейский союз не является самым активным и влиятельным среди них.

В целом стоит подчеркнуть, что посредничество внерегиональных акторов и международные инициативы по безопасности хотя и оказывают значимое влияние на регулирование региональных конфликтов на континенте в краткосрочной перспективе, однако никак не устраняют причины кризисов и не укрепляют общую среду безопасности, предлагая лишь «косметические решения» [**18**].

Рассматривая сложную архитектуру безопасности Западной Африки, важно отметить, что это не просто избыток внешних акторов, которые слабо координируют свои действия друг с другом, но и проблема конкурирующих полномочий и мандатов, целеполаганий и приоритетов, а также потенциально конфликтных стратегий реализации инициатив и проектов. Повестки дня разных акторов кардинально разнятся: начиная от борьбы с терроризмом и ограничения миграции, заканчивая предотвращением изменения климата. Всё это усугубляется противоречащими заявлениями: одни акторы настаивают на расширении своего присутствия, а другие рассматривают возможность сокращения его масштабов. Возникает разрыв между нарративами и реальными действиями, амбициями и возможностями.

Ситуацию осложняет формирующаяся иерархия внешних акторов в Сахеле – с Соединенными Штатами во главе, – подчеркивающая неравенство в потенциале и возможностях между ними. Более того, европейские страны, участвовавшие в операциях в Ираке и Афганистане, сохраняют политику привлечения лишь ограниченного военного контингента. Приоритет безопасности личного состава создает расхождение между реальной

неспособностью обеспечить безопасность в регионе и грандиозными проектами, запускаемыми Евросоюзом.

Третья проблема общей стратегии ЕС в Африке имеет внутренний характер. Не только Европейский союз как объединение, но и отдельные страны Европы проводят активную политику в Африке, что необходимо учитывать при любом анализе деятельности ЕС в регионе. Многие государства-члены обладают значительно более комплексными стратегиями в отношении Африки. В рейтинге основных мировых доноров находятся Германия, Франция и бывший член ЕС Великобритания [**24**]. Франция как одно из основных государств, оказывающих помощь развитию в Африке, по разным подсчетам, покрывает до 18% от всех инвестиций на континенте. Другие страны – члены ЕС также включаются в политику в Африке, стремясь реализовать там собственные национальные интересы. Хотя их политика в первую очередь позиционируется как национальная, они зачастую используют общие или совместные инструменты Европейского союза [**4**]. При этом неоднократно наблюдались случаи, когда отдельные страны-члены отказывались передавать национальные инициативы в Сахеле под наднациональное управление ЕСВС [**14**].

Всё это препятствует восприятию Европейского союза как унитарного внешнеполитического актора в Африке. Страны-члены, неспособные найти консенсус, используют комплексные бюрократические процедуры ЕС для замедления процесса. Например, Евросоюз не может согласовать единый перечень стран-партнеров в Африке. Кроме того, цели политики Европейской комиссии и Европейского совета также часто не совпадают. Единство политической линии не наблюдается потому, что принятие решений распределяется между наднациональными и межправительственными институтами ЕС и странами-членами. Всё это ведет к дублированию полномочий, отсутствию координации, структурным проблемам из-за ограничений мандатов и используемых механизмов. В результате закрепляется имидж Евросоюза как ненадежного актора в регионе.

Заключение

Несомненно, что у ЕС есть существенные геополитические и стратегические интересы в Африке, но его влияние в регионе ослабевает. Усиление роли других держав, имеющих конкурирующие стратегические интересы на континенте, привело к большей многовекторности политики большинства африканских стран. В том числе в последние годы страны Африки даже прямо отказываются от сотрудничества с ЕС.

Регион Сахеля представляет собой сложное геополитическое пространство, где реализуют свою политику множество разных акторов. В большинстве случаев они не координируют и не синхронизируют свои действия: иногда они действуют параллельно, но часто их политика и цели противоречат друг другу. Такая ситуация усиливает фрагментацию среды безопасности региона и не позволяет достичь устойчивой стабильности.

Список литературы

1. *Тимакова О.А.* Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня» // Азия и Африка сегодня. 2022. №2. С. 29-37.

2. *Тимакова О.А.* Дорожная карта укрепления безопасности и обороны Европы: перспективы реализации «Стратегического компаса» ЕС // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 2. С. 151-167.

3. African peace facility: Annual report 2020 / European Commission. 2021. URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/04544aa1-6d10-11ec-9136-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-search

4. *Carbone M.* The European Union in Africa: Incoherent Policies, Asymmetrical Partnership, Declining Relevance? Manchester: Manchester University Press, 2013.

5. *Cold-Ravnikilde S. M., Lindskov Jacobsen K.* Disentangling the security traffic jam in the Sahel: constitutive effects of contemporary interventionism // International Affairs. 2020. № 96 (4). P. 855–874.

6. *Cold-Ravnkilde S. M., Nissen Ch.* Schizophrenic agendas in the EU's external actions in Mali // International Affairs. 2020. № 96 (4). P. 935–953.

7. Council Conclusions on the Sahel Regional Action Plan 2015–2020 // Council of the European Union. 20 April 2015. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/21522/st07823-en15.pdf

8. Emergency Trust Fund for Africa // European Union. URL: https://trust-fund-for-africa.europa.eu/where-we-work/our-programmes_en

9. Fekete L. Colonial continuities within managed migration // Global Affairs. 2019. № 5 (2). P. 163–170.

10. *Francis D.* The regional impact of the armed conflict and French intervention in Mali. Oslo: Norwegian Peacebuilding Resource Centre, 2013.

11. *Gazit O.* Van gennep meets ontological (In)Security: A processual approach to ontological security in migration // International Studies Review. 2019. № 21 (4). P. 572–597.

12. *Haastrup T.* EU as mentor? Promoting regionalism as external relations practice in EU – Africa relations // Journal of European Integration. 2013. № 35 (7). P. 785–800.

13. *Kaya A.* The EU's China problem: a battle over norms. International Politics. 2014. № 51 (2). P. 214–233.

14. *Lopez-Lucia E.* Performing EU Agency by Experimenting the 'Comprehensive Approach': The European Union Sahel Strategy // Journal of Contemporary African Studies. 2017. № 35 (4). P. 451–468.

15. *MacDonald S., Lande S., Matanda D.* Why Economic Partnership Agreements undermine Africa's Regional Integration. Wilson Center & Manchester Trade Collaboration, 2013.

16. *Nanjala N.* Europe is shocked – shocked – by Libya's slave markets // Foreign Policy. 27.12.2017. URL: https://foreignpolicy.com/2017/12/27/europe-is-shocked-shocked-by-libyas-slave-markets/

17. Overview of economic partnership agreements // European Commission. 2021. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/development-and-sustainability/economic-partnerships_en

18. *Plank F.* Principal-agent relations, politics of discretion, and the Africa-EU Partnership on Peace and Security // Journal of European Integration. 2023. № 45 (5). P. 767–783.

19. The EU, strategy and security policy: regional and strategic challenges / L. Chappell, J. Mawdsley, P. Petrov (Eds.). Abingdon, New York: Routledge, 2016.

20. The European Union's Integrated Strategy in the Sahel // European Parliament. 20.05.2024. URL: https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-a-stronger-europe-in-the-world/file-eu-strategy-in-the-sahel

21. The European Union's Partnership With the G5 Sahel Countries // EEAS. 9 July 2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/4099_en

22. The Routledge handbook of EU-Africa relations / T. Haastrup, L. Mah L, N. Duggan (Eds.). Abingdon: Routledge. 2020.

23. *Vermeulen M., Zandonini G., Azmat A*. How the EU created a crisis in Africa–and started a migration cartel // The Correspondent. 11.12.2019. URL: https://thecorrespondent.com/166/how-the-eu-created-a-crisis-in-africa-and-started-a-migration-cartel/21953207342-46c48098

24. World Investment Report 2020: International Production Beyond the Pandemic / UNCTAD. 2020. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf

25. *Zanker F., Kwaku A. S., Jegen L*. Free movement in West Africa: Juxtapositions and divergent interests. Policy Brief 2020/1 / Mercator Dialogue on Asylum and Migration. 2020. URL: https://ecdpm.org/application/files/6316/5546/8622/MEDAM_PolicyBrief_ECOWAS.pdf

Надеждин Александр Евгеньевич,
кандидат политических наук,
советник, МИД России,
e-mail: 3039210@mail.ru

Alexander E. Nadezhdin,
Candidate of political sciences,
Advisor, MFA of Russia,
e-mail: 3039210@mail.ru

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ДИАСПОРА В ФРГ: АКТУАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

RUSSIAN SPEAKING DIASPORA IN GERMANY: CURRENT SITUATION AND PROSPECTS

Аннотация: в статье исследуется актуальное положение русскоязычной диаспоры в немецком обществе. Сделана попытка изучить ее структуру и качественно-количественную специфику, определить основные трудности. Интерес представляет раздел, в котором собраны примеры наиболее успешной интеграции представителей данной категории в принимающий социум.

Ключевые слова: «русские немцы», контингентные беженцы, современные миграционные процессы, образование, диаспора, внутренняя политика, интеграция.

Abstract: the article deals with the current situation of the Russian-speaking diaspora in the German society. An attempt is made to study its structure and qualitative and quantitative specifics, to identify the main difficulties and development trends. Of interest is the section that contains examples of the most successful integration of representatives of this category into the host society.

Keywords: “Russia Germans”, contingent refugees, modern migration processes, education, diaspora, domestic policy, integration.

Диаспора на территории Германии, которая использует русский язык для коммуникации, является одной из самых крупных за рубежом, включая в себя представителей различных религиозных, этнических и культурных

идентичностей, а также миграционных мотивов. По разным оценкам, количество варьируется в диапазоне от 4 до 4,5 млн человек, которые либо сами прибыли из стран бывшего СССР на постоянное место жительства, либо являются их потомками (39% – из Российской Федерации, 35% – из Казахстана, 10% – с Украины) [**9**]. В частности, на консульском учете в российских загранучреждениях зарегистрировано более 500 тыс. граждан [**1**]. В целом к постсоветским мигрантам принято относить потомков этнических немцев – переселенцев и «поздних» переселенцев (ок. 2,7 млн), которые ранее проживали на территории советских республик, а с 1987 года начали перебираться на ПМЖ в Германию с получением гражданства. Преимущественно выезжало трудоспособное население, включая квалифицированных рабочих, представителей отрасли сельского хозяйства или специалистов с высшим образованием. Другая группа состоит из русскоязычных контингентных беженцев еврейского происхождения (ок. 220 тыс.), которые переезжали в страну из разных республик бывшего СССР главным образом в период с 1990 по 2022 год и получили от немецкого государства соответствующий правовой статус и финансовую поддержку. Как декларируется на официальном уровне, их прием носит гуманитарный характер и является своего рода компенсацией за ущерб, нанесенный в период 1933–1945 годов. Цель – сохранение еврейской культуры и поддержка развития общин на территории Германии (в стране функционируют 124 подобных объединения общей численностью порядка 95 тыс. чел., 90% прихожан которых – выходцы из бывшего СССР) [**2**].

Среди представителей русскоязычного миграционного сообщества можно также выделить и третью категорию – людей, которые не являются членами определенной этнорелигиозной группы, а приехали учиться в вузах или работать в качестве иностранных специалистов на местных предприятиях, либо заключили брак с гражданином/ой Германии. В стране проживают так называемые «политические» беженцы из России, которые, в частности, приехали из северокавказских республик или состоят в рядах несистемного

оппозиционного движения (например, М. Ходорковский, Ю. Навальная, И. Яшин, Ж. Немцова и др.), а также так называемые релоканты после начала СВО на Украине в 2022 году. В целом они стремятся жить достаточно обособленно и по возможности дистанцироваться от других выходцев из постсоветских республик. На данном этапе количество русскоязычных в общей структуре населения современной Германии составляет около 5% (с учетом беженцев, прибывших с территории Украины и владеющих русским языком). Как подтверждают различные исследования, продолжает наблюдаться тенденция к снижению желающих иммигрировать из России в Германию (после 1990-х – начала 2000-х годов, когда ежегодная численность уезжавших на ПМЖ могла доходить до 200 тыс. чел., новые локальные пиковые показатели были установлены в 2002 году – 36 749 чел. и в 2022 году – 32 646 чел.).

В плане географического распределения представителей русскоязычной диаспоры можно встретить во всех федеральных землях. В различных населенных пунктах сформирована соответствующая инфраструктура (магазины, сфера услуг, развлечений и питания, досуговые учреждения, периодические печатные издания, предприятия, турбюро и др.). Максимальная концентрация, преимущественно в сельской местности, наблюдается в самом густонаселенном регионе Германии – Северном Рейне-Вестфалии (СРВ), агломерации Берлина и Бранденбурга, Баден-Вюртемберге, Баварии, Нижней Саксонии, Гессене. Более 17,5% от общей численности населения (180 тыс.) в округах Клоппенбург в Нижней Саксонии, Липпе (350 тыс.) – 11,5%, Минден-Люббеке (320 тыс.) и Падерборне (316 тыс.) – 11,3% в СРВ – выходцы из данной категории. Минимальное количество наблюдается в Мекленбург-Передней Померании, центральной части Саксонии-Ангальт и Тюрингии.

Проблемы русскоязычной диаспоры в современной Германии

Представители диаспоры на территории страны сталкиваются с различными вызовами, включая сложности с интеграцией в принимающее общество, социально-экономические различия, противоречия в плане

ценностно-правовых и политических установок, а также дискриминационные практики со стороны коренного населения. В условиях усиления фактора этнической принадлежности и самоидентификации в качестве представителя определенной национальности (белорус, украинец или казах) снижается роль русского языка как объединяющего элемента и, соответственно, усиливается фрагментация данного сообщества [**3**].

У прибывших в Германию на ПМЖ, в особенности представителей старшего поколения, сохраняются проблемы с интеграцией в принимающий социум ввиду недостаточного уровня владения немецким языком и ограниченности коммуникации с коренным населением, а также сохранившихся ментальности и глубоких связей со страной исхода, т.е. люди зачастую находятся в новой стране только «физически» и предпочитают пользоваться сугубо материальными благами. В данном контексте можно провести аналогии с представителями другой крупной диаспоры – турецкой, представители которой также сталкиваются с аналогичными трудностями в комплексе с патриархальным укладом, значительной религиозностью и закрытостью общины [**4**].

Несмотря на то что официальная статистика показывает прирост численности трудящихся среди выходцев с постсоветского пространства в структуре занятости (в настоящий момент – около 83,2%), на практике не всем удается успешно адаптироваться к специфике немецкого рынка труда. С одной стороны, люди пытаются заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью (турбизнес, магазины российских товаров, сфера общепита и услуг, ухода за больными/пожилыми), с другой – аналогично мигрантам из других государств вынуждены работать в сфере низкоквалифицированного труда, несмотря на наличие высшего образования и соответствующих навыков. В полном объеме в стране не урегулирован вопрос признания дипломов, полученных в странах – не членах Евросоюза, что вынуждает либо длительное время подтверждать свою квалификацию, проходить дополнительное обучение

со сдачей последующих экзаменов, либо перепрофилироваться и искать иную сферу деятельности. Немцы негласно стимулируют высококлассных специалистов выходить из гражданства страны исхода под предлогом увеличения шансов получить престижную и высокооплачиваемую работу. С материальными затруднениями сталкиваются представители старшего поколения из русскоязычной среды, трудовой стаж которых до переезда в Германию при начислении пенсии не учитывается. В этом отношении несколько лучше обстоят дела у поздних «переселенцев», которым частично засчитываются прежние трудовые заслуги.

В немецком обществе сохраняются дискриминационные практики в отношении русскоязычных жителей. Изначально со стороны коренного населения звучали стереотипные обвинения в отсутствии у них желания работать, а только в создании дополнительной нагрузки на немецких налогоплательщиков, наличии вредных привычек, склонности к криминалу и др. События Русской весны 2014 года и особенно начало СВО на Украине в 2022 году выступили триггером к обострению противоречий непосредственно внутри диаспоры и активизации дискриминации как со стороны официальных властей, так и рядовых немцев по национальному признаку (запрет пользоваться банковскими и медицинскими услугами, увольнения с работы, принуждение к публичному осуждению политического курса российского руководства и покаяние), а также откровенно противоправных действий (вербальные оскорбления, случаи применения физической силы, порчи имущества) в отношении данной категории. Запрещена и уголовно наказуема публичная демонстрация символики, которая ассоциируется с «российской агрессией в отношении Украины» и в целом с патриотической тематикой.

Украинский кризис способствовал активному участию немецких властей в реализуемом странами Запада курсе на «отмену» русской культуры, искусственное разделение «русскоязычных на плохих и хороших» и создание возможностей для привлечения в страну оппозиционно настроенных в

отношении нашей страны и проводимого политического курса российских граждан. Применяется механизм предоставления политического убежища, оказывается финансовое, политическое и правовое содействие формированию альтернативных общественных движений, которые под псевдодемократическими лозунгами ставят себя в противовес ранее созданным объединениям русскоязычных граждан. В частности, наиболее крупной акцией последнего времени стал так называемый «марш российской оппозиции», который был проведен в германской столице 1 марта 2025 года.

Ряд переселенцев из республик бывшего СССР признает, что ожидания от жизни в Германии и представителей принимающей стороны оправдались не в полной мере. Как и мигрантам из других государств, им трудно адаптироваться к местному образу жизни и мышления. Они не ощущают себя в полной мере немцами, а скорее «людьми второго сорта» [**6**]. Высказывается недовольство в отношении актуальной политико-экономической и социально-культурной модели немецкого государства (отказ от традиционных духовно-нравственных ценностей, продвижение ЛГБТ-повестки, несбалансированная миграционная политика, «демонизация» России в СМИ и санкционные подходы, отсутствие свободы слова и др.). В подобной ситуации наблюдается тенденция к увеличению количества граждан, заинтересованных в переезде в Россию по линии Госпрограммы по содействию добровольному переселению.

Выходцы из семей с постсоветского пространства и участие в общественной жизни современной Германии

Несмотря на наличие некоторых трудностей в плане адаптации к жизни в новой стране, ряд выходцев из стран постсоветского пространства смог заявить о себе и добиться общественного признания в Германии. Кто-то продолжает дело, начатое ранее на исторической родине, а кто-то смог найти себя в иной сфере. Так, отдельные представители демонстрируют свой талант на литературном поприще. По сути, они образуют отдельное направление в рамках современной немецкой литературы и непосредственного сегмента так

называемой «литературы мигрантов». Известным представителем данного течения стал переехавший после распада СССР на постоянное место жительства в Германию уроженец Москвы В. Каминер, который пишет книги о жизни мигрантов из стран бывшего СССР. Основной работой стал сборник рассказов на немецком языке «Руссендиско» (в 2018 году произведение было экранизировано в Германии с участием известных актеров). Другими работами стали «Путешествие в Труляля», «Моя немецкая книга джунглей», «Шенхаузер-Аллее». Другой известный представитель – О. Грязнова, автор романа «Русский – это тот, кто любит березы», который в 2012 году получил литературную премию имени немецкой писательницы А. Зегерс [**8**]. Произведение стало постановкой на сцене театра имени М. Горького в Берлине. А. Бронски, которая также эмигрировала в Германию из России, в своих работах в ироничной манере рассказывает о жизни немецкой молодежи. Автор предпочитает публиковаться на немецком языке, но в кругу семьи общается на русском. Ее произведения переведены на иностранные языки и опубликованы более чем в 15 странах. С.М. Зальцман прибыла в Германию в качестве члена семьи контингентных беженцев из Волгограда, длительное время изучала литературу, став впоследствии известным драматургом. Ее произведения являются основой для постановок на крупных немецких подмостках в Берлине и Мюнхене, а также в других странах. Самые известные из них «Вне себя» и «Родной язык – мамелошн». В период действовавших в разгар пандемии COVID-19 ограничительных мер на территории Российской Федерации спектакль «Мамелошн» в исполнении Немецкого театра в Берлине несколько раз демонстрировался в интернете в режиме онлайн на отечественную аудиторию [**5**]. Уроженка Ленинграда Л. Горелик переехала в Германию вместе с родителями в качестве контингентной беженки. В ее работах часто можно найти отсылки на ее еврейское происхождение, моменты автобиографии, а также поднимаются вопросы интеграции выходцев из семей с миграционной историей и отношения к иностранцам в немецком обществе. Уроженка Одессы

М. Гапоненко является автором таких известных немецкоязычной аудитории произведений, как романы «Кто такая Марта?» и «Аннушка Блумэ», а также сборников стихов «Танец перед грозой», «Ночной полет», «Друг».

Что касается музыкальной деятельности, то стоит отметить очень популярную в Германии и других немецкоязычных странах певицу Х. Фишер, которая в детском возрасте переехала с родителями из Красноярска на ПМЖ в Германию и занялась творчеством. На данный момент она является одной из самых известных и высокооплачиваемых исполнительниц эстрадных песен на немецком языке, а также значимой фигурой в общественной жизни страны.

Представители семей с постсоветского пространства, которые прибыли с родственниками в страну или уже родились в Германии, активны в плане занятий спортом на профессиональном уровне. В стране создана развитая инфраструктурная база для тренировок и функционирует множество общественных некоммерческих объединений различного профиля (нем. “Verein”), включая физическую активность [7]. У выходцев с постсоветского пространства наиболее популярны футбол и единоборства. Среди профессиональных футболистов можно выделить Р. Нейштедтера (его отец также советский и немецкий футболист П. Нойштедтер), который длительное время играл на чемпионатах Германии, вызывался в молодежную сборную Германии и после получения российского гражданства в 2016 году выступал за национальную команду нашей страны и московское «Динамо». На слуху у поклонников футбола и такие имена, как А. Бек, Э. Приб, К. Рауш, Э. Левен, Б. Лено или А. Вольф. Популярен у представителей русскоязычной диаспоры также хоккей на льду (ряд выходцев из России или Казахстана выступает за профессиональные клубы Германии). Устойчивый интерес сохраняется и к боевым искусствам. Мировую известность получили боксеры Р. Штиглиц и Э. Гуткнехт. Выходцы из русскоязычной диаспоры приглашаются в национальные команды по вольной и греко-римской борьбе. В сборной по дзюдо заявил о себе Д. Петерс, который выиграл бронзовую медаль на Олимпиаде в

Лондоне. Среди представителей других видов спорта можно отметить двукратную олимпийскую чемпионку по велоспорту на треке К. Фогель, олимпийскую чемпионку Парижа 2024 года по художественной гимнастике Д. Варфоломеев и ее коллегу по сборной команде Д. Колосов, а также родившуюся на Украине и эмигрировавшую в Германию фигуристку, олимпийскую чемпионку 2018 года в Пхенчхане в парном катании А. Савченко.

Заключение

Таким образом, русскоязычная диаспора, являясь одной из самых крупных и многообразных, занимает устойчивые позиции в современном немецком обществе. Ее представители, особенно из второго и третьего поколений мигрантов (дети и внуки прибывших), демонстрируют высокий интеграционный потенциал и в целом не выступают в качестве «раздражителей» для коренного населения. Они не находятся в фокусе при публичном обсуждении актуальных вопросов миграционной тематики в стране. Отдельные выходцы из сферы творчества, спорта высоких достижений или общественно-политической деятельности (например, Х. Фишер, В. Каминер, С.М. Зальцман или Д. Варфоломеев) являются примерами успешной интеграции и свидетельствуют об эффективности отдельных механизмов, применяемых в данной сфере (в частности, реализация концепции «Интеграция через спорт» и других адаптационных программ).

Вместе с тем у русскоязычных житеоей сохраняется комплекс проблем, который в целом характерен для представителей всего миграционного сообщества. Основными вызовами являются психологические сложности, обусловленные завышенными ожиданиями от жизни в Германии, чувством нереализованности и проблемами в выстраивании коммуникации с коренным населением ввиду низкого уровня владения немецким языком и различиями в менталитете, а также сохраняющимися предрассудками со стороны некоторых коренных немцев, проблемами с трудоустройством (непризнание дипломов о высшем образовании, вынужденная концентрация в сфере

низкоквалифицированного труда), снижением мотивации сохранять контакты с исторической родиной предков. Новый вызов – массовое прибытие в страну беженцев с Украины, которые в текущих реалиях находятся в приоритете в плане оказания социально-экономической и политической поддержки со стороны немецкого государства и зачастую совместно с так называемыми релокантами из России деструктивно воздействуют на сложившееся русскоязычное сообщество.

Список литературы

1. Взгляд из Германии: «Консульская сфера — очень «живая» URL:https://www.mknews.de/social/2023/03/08/vzglyad-iz-germanii-konsulskaya-sfera-ochen-zhivaya.html (дата обращения: 12.02.2025).

2. Косицын И.А., Майле А. Правовое регулирование приема еврейских иммигрантов из бывшего СССР в Германии (по законодательству ФРГ) 2008. – №9. – С.99-103. С. URL: https://www.siberianlawreview.ru/jour/article/view/1338/1482 (дата обращения: 03.03.2025).

3. Матюхова Е.И. На перепутье: русскоязычные сообщества в Германии. Анализ и прогноз Журнал ИМЭМО РАН, 2024. – №3. – С.27-37. URL: https://www.afjournal.ru/2024/3/dynamics-of-social-and-political-spaces/at-a-crossroads-russian-speaking-communities-in-germany (дата обращения: 27.01.2025).

4. Погорельская С.В. Турецкая община в ФРГ: исламский фактор Журнал «Россия и мусульманский мир», ИНИОН РАН. 2022. – №4. – С.95-110.

5. Спектакли в режиме онлайн URL: https://nedelya-v-okruge.ru/home/kultura/spektakli-v-rezhime-onlajn.html (дата обращения: 19.02.2025).

6. Bulletin des Deutschen Jugendinstituts 1/2014 URL: URL: https://www.dji.de/fileadmin/user_upload/bulletin/d_bull_d/bull105_d/DJI_1_14_WEB.pdf (дата обращения: 30.01.2025).

7. Meyer L. Wandel der Sportvereine in Deutschland. Entwicklung der Mitgliederzahlen und EinflussfaktorenGrin-Verlag, Muenchen, 2017 140 S.

8. Russische Spuren in der deutschen Gegenwartsliteratur URL: https://www.goethe.de/ins/ru/de/kul/mag/21254876.html (дата обращения: 07.02.2025).

9. Wie viele postsowjetische Migranten leben in Deutschland? URL: https://mediendienst-integration.de/gruppen/postsowjetische-migrantinnen.html (дата обращения: 10.03.2025).

Живора Лариса Ивановна,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: LZhivora@mail.ru

Larisa I. Zhivora,
Candidate of Historical Sciences,
Leading Scientific Officer,
Institute of Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation,
e-mail: LZhivora@mail

ПОГРАНИЧНЫЕ СПОРЫ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

BORDER DISPUTES IN THE FERGHANA VALLEY

Аннотация: пограничные споры в Ферганской долине не удается погасить в течение более 30 лет, что ставит под угрозу безопасность и стабильность всего региона Центральной Азии. Споры затрагивают интересы трех государств региона – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии – и порождаются незавершенностью процесса делимитации и демаркации государственных границ между странами, особенно в анклавах. Ферганская долина – самый густонаселенный земледельческий регион Центральной Азии, где жители ведут борьбу за землю и воду. Ситуацию осложняет наличие криминальных и террористических структур. Бишкек и Душанбе, являясь союзниками по ОДКБ, не раз прибегали к применению военной силы друг против друга, что подрывает авторитет организации и создает условия для воздействия на нее противников. Россия заинтересована в разрядке между двумя государствами – членами ОДКБ и неоднократно предлагала им посредническую помощь.

Ключевые слова: Ферганская долина, пограничные споры, воюющие анклавы, наркотрафик, исламистские радикалы, киргизско-таджикская граница, политика США в ЦА, западные НПО, помощь России, ОДКБ.

Abstract: border disputes in the Ferghana Valley have not been settled for more than 30 years, which threatens the security and stability of the entire Central Asian region. Disputes affect the interests of three states in the region: Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan; these disputes come from the process of delimitation and demarcation

of state borders between countries, especially in enclaves. The Fergana Valley is the most densely populated agricultural region of Central Asia, where residents are fighting for land and water. The situation is complicated by the presence of criminal and terrorist structures. Bishkek and Dushanbe, being allies in the CSTO, have repeatedly used military force against each other, which undermines the authority of the organization and creates conditions for opponents to influence it. Russia is interested in detention between the two CSTO member states and has repeatedly offered them mediation assistance.

Keywords: Ferghana Valley, border disputes, warring enclaves, drug trafficking, Islamic radicals, Kyrgyz-Tajik border, US policy in Central Asia, Western NGOs, Russia's help, CSTO.

Приграничные споры в Ферганской долине, вызванные нерешенными вопросами демаркации и делимитации на многих участках государственных границ Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, особенно в анклавах, серьезно осложняют обстановку в долине и существенно усиливают конфликтный потенциал Центральной Азии. Долина усеяна многочисленными анклавами (часть территории одного государства полностью окружена другой страной), из которых только крупных насчитывается восемь. Шесть из них находятся на территории Киргизии (4 узбекских и 2 таджикских), и 2 анклава – в Узбекистане (киргизский и таджикский). Самая напряженная обстановка складывается в крупнейших и густонаселенных анклавах в Баткенской области, окруженных территорией Киргизии. Это узбекский анклав Сох (80 тыс. человек) и таджикский Ворух (35 тыс.) [**24**]. Значительная часть пограничных проблем региона связана именно с анклавами, население которых испытывает определенные трудности с пересечением государственной границы, функционированием экономики и систем жизнеобеспечения. Сложный рельеф местности, этническая «чересполосица», а также отсутствие четкой линии прохождения границ, которые в советский период были только административными и никакой демаркации не подразумевали, привели к тому, что территориально-пограничные проблемы оказались крайне запутанными и

породили неразрешенные пограничные конфликты, которые не удается погасить в течение уже более 30 лет.

Проблема нерешенных границ трех государств в Ферганской долине берет начало с обретения независимости этими странами в 1991 году. На протяжении многих лет советского периода мир в регионе поддерживался согласно подписанным соглашениям о разделе ресурсов, однако после распада СССР эти договоренности аннулировались. Центральноазиатские государства столкнулись с проблемой разделения природных ресурсов, на фоне чего возросло количество территориальных конфликтов и разногласий. Фергана является наиболее плодородной и орошаемой частью Центральной Азии, лучше других окрестностей подходящая для земледелия. В основе большинства пограничных конфликтов лежит контроль над земельными и водными ресурсами, дефицит которых ведет к обострению межэтнических и государственных отношений. В регионе засушливого земледелия земля в совокупности с водой приобретает исключительную ценность. Стороны пытаются закрепить за собой земли, пригодные для сельского хозяйства, и источники воды. И того и другого в регионе катастрофически мало. Проблему усугубляет то, что на спорных участках находятся ценные для всех стран объекты – села, стратегические дороги, источники воды, пастбища. Границы проходят прямо по улицам населенных пунктов.

Ферганская долина является самой густонаселенной и этнически сложной частью Центральной Азии, с различными по степени остроты социально-экономическими проблемами, а также вызовами и угрозами, связанными с экстремизмом и терроризмом. Здесь, на сравнительно небольшой территории в 22 тыс. кв. км, проживает порядка 15 млн человек, что составляет около трети населения Узбекистана и Таджикистана и примерно половину населения Киргизии. В среднем это более чем 650 человек на 1 кв. км, что сопоставимо с самыми густонаселенными районами Индии и Китая. Сама долина занимает чуть больше 2% территории Центральной Азии, но там проживает около 17% всего

населения региона [**3**]. Ситуация с перенаселением усугубляется его тотальной бедностью и нехваткой ресурсов. Распад Советского Союза повлек за собой спад в экономиках бывших союзных республик и привел к резкому снижению уровня жизни и росту безработицы. Проблему безработицы и поддержания уровня жизни частично снимает высокий уровень трудовой миграции населения Ферганской долины в Россию, в страны СНГ и дальнего зарубежья, но в то же время он порождает новые социальные проблемы.

Переговоры между правительствами трех стран о взаимовыгодном сосуществовании в Фергане ведутся около трех десятков лет с разным успехом. Ташкент и Душанбе завершили процесс демаркации границ в январе 2019 года. Власти двух стран пришли к взаимовыгодному решению о том, что территория расположения Фархадской ГЭС и плотины относится к Таджикистану, а сама гидроэлектростанция признана собственностью Узбекистана.

Киргизия и Узбекистан урегулировали приграничный спор, договорившись об уступках, при которых территория Кемпир-Абадского (Андижанского) водохранилища переходит Узбекистану с возможностью совместного управления водными ресурсами, а все спорные участки на киргизско-узбекской государственной границе переданы Киргизии. Историческим прорывом в решении территориальных проблем в регионе явилось решение о взаимовыгодном и равноценном обмене населенными территориями, принятое в сентябре 2019 года. Правительственные комиссии двух стран обсуждают вопрос о передаче киргизского анклава Барак Узбекистану в обмен на равноценный земельный участок, примыкающий к границе [**1**]. В перспективе этот прецедент может стать основой для решения остальных территориальных споров в Ферганской долине. В ноябре 2022 года страны подписали договор об отдельных участках государственной границы, поставив точку в спорных вопросах по приграничью. В январе 2023 года главы двух государств завершили процесс делимитации киргизско-узбекской границы, обменявшись ратификационными грамотами.

Самой проблемной является киргизско-таджикская граница, где на фоне незавершенности процесса установления государственных границ возникает масса конфликтов локального характера между местным населением и пограничниками двух стран, в том числе и с применением огнестрельного оружия [**17**]. Киргизия и Таджикистан имеют протяженную границу в 980 км, изобилующую спорными участками, которых более 70. Переговоры о делимитации продолжаются с декабря 2002 года. Сложность в определении линии прохождения границы заключается в том, что стороны апеллируют к картам разных лет. В Душанбе зачастую опираются на документы первой половины прошлого века, Бишкек, в свою очередь, на карты более позднего периода.

Оставшиеся несогласованными отрезки приходятся на долю самых сложных участков. В январе 2020 года в ходе переговоров между киргизской и таджикской делегациями стороны допустили возможность обмена участками в приграничных зонах. Однако летом 2020 года на киргизско-таджикской границе вновь произошли три вооруженные стычки. В ход пошли камни, охотничьи ружья, автоматы, а с территории Таджикистана начался минометный обстрел, в итоге чего были пострадавшие [**16**]. В середине апреля 2021 года вспыхнули очередные конфликты, а 28 апреля 2021 года между жителями приграничных сел Киргизии и Таджикистана начался конфликт в районе водораспределительного пункта «Головной», принадлежность которого оспаривают обе стороны. В конфликт вмешались пограничники, а к вечеру подключилась армия и военная техника. Киргизия, ссылаясь на советские документы 1957 года, считает «Головной» своей территорией, Таджикистан, опираясь на советские карты 1927 года, это оспаривает. Из зоны конфликта было эвакуировано свыше 13 тыс. жителей. Таджикская сторона задействовала тяжелое вооружение и авиацию. Погибли несколько десятков человек, среди которых были дети. Киргизия приостановила пропуск грузов через границу, что обрушило взаимную торговлю, в ответ Таджикистан отозвал 2 000 таджикских студентов, учившихся

в вузах Киргизии [**24**]. Пограничный конфликт на стыке Баткенской и Согдийской областей едва не перерос в полномасштабную войну.

Следует отметить, что апрельский конфликт на границе вспыхнул в то самое время, когда в Душанбе проходил саммит ОДКБ. С предложением о посредничестве и помощи выступили в Ташкенте, Нур-Султане и Москве. Вечером 29 апреля в Казани, где проходило заседание Евразийского межправительственного совета, премьер-министры Киргизии и Таджикистана заявили о полном прекращении огня и отводе военных сил на места прежней дислокации. По мнению местных аналитиков, конфликт явно ждали и к нему готовились, о чем свидетельствует удивительная мобилизационная готовность пограничников, армейцев и спецназа, проявленная во время военных действий [**7**]. Сам конфликт, в отличие от предыдущих, имел мощное информационное сопровождение не только региональных новостных агентств, но и международных СМИ. В некоторых из них наблюдалось ликование по поводу того, что между странами – членами ОДКБ началась война. Военные действия на киргизско-таджикской границе дали повод недоброжелателям утверждать, что ОДКБ себя исчерпала, так как не может защитить своих членов. В медийном поле Киргизии поднялась волна критических материалов, направленных на подрыв имиджа России как главного военного партнера в рамках ОДКБ [**4**]. Бишкек и Душанбе, являясь союзниками по ОДКБ, уже не раз прибегали к применению военной силы друг против друга, что, естественно, дискредитирует организацию.

Президенты двух стран Эмомали Рахмон и Садыр Жапаров обсудили проблему конфликта на киргизско-таджикской границе с российским президентом В.В. Путиным во время их визитов в Россию в мае 2021 года. После того как конфликт был улажен, стороны договорились о прохождении пограничной линии на участке в 112 километров [**12**]. Однако 4 июня 2021 года на границе Таджикистана и Киргизии вновь обострилась обстановка. Причиной разногласий стал установленный таджикскими пограничниками контейнер на

спорном участке в Ошской области. Министерства иностранных дел двух стран обменялись нотами протеста в связи с ситуацией на границе. Было эвакуировано около 8 тыс. жителей пяти приграничных сел. На этот раз очередное обострение удалось решить миром. Однако оппозиция в Бишкеке восприняла протокол об отводе войск как капитуляцию. В киргизских СМИ появились упреки в адрес власти, которая якобы не отстаивает интересы страны. Зазвучали призывы к военной поддержке Киргизии силами ОДКБ против другого ее члена – Таджикистана, что, естественно, является неуместным. Попытки использования ОДКБ для решения внутриполитических проблем и призывы к вступлению организации в войну на стороне одной из стран-участниц подрывают авторитет организации, подтачивают ее союз изнутри и создают условия для воздействия на нее противников. На заседании комитета Жогорку Кенеш по международным делам, обороне и безопасности ряд депутатов выступили с предложением пересмотреть членство в ОДКБ и «присоединиться к другой организации», имея в виду НАТО [**2**].

Чуть больше года спустя, в сентябре 2022 года, накануне открытия саммита стран ШОС в Самарканде, на который прибыли главы Киргизии и Таджикистана, на киргизско-таджикской границе вспыхнул очередной конфликт. Утром 14 сентября 2022 года на одном из спорных участков границы завязалась перестрелка между группами военных. Затем в ход пошли минометы. Днем позже, 15 сентября, в Самарканде открылся саммит ШОС. Стороны применили тяжелое вооружение, включая авиацию и бронетехнику, а ракеты из РСЗО поразили аэропорт и окраины административной столицы Баткенской области Киргизии [**9**]. По обе стороны границы горели дома, захватывались школы, разрушались социальные объекты. Около 200 тыс. местных жителей вынужденно покинули дома, имелись жертвы. Остановить конфликт удалось только встречей на высшем уровне. Президенты двух стран договорились о прекращении огня и отводе сил ближе к вечеру 16 сентября.

Данный конфликт является самым масштабным и кровопролитным за всю историю киргизско-таджикских конфликтов на границе.

Руководство обеих стран понимает всю опасность ситуации и признает необходимость ускорения процесса решения спорных границ**.** В январе 2023 года главы государств С. Жапаров и Э. Рахмон отметили прогресс в двусторонних переговорах, позволивший выполнить проектное описание линии прохождения госграницы около 625 км, что составляет 63% от общей протяженности [**23**]. Оба политика высказались за активизацию переговорного процесса в рамках межправительственной комиссии по делимитации и демаркации государственной границы [**18**].

Столкновения на границе каждый раз заканчиваются договоренностями о прекращении огня, но искоренить их причины пока не удается. Особая сложность возникающих на границах столкновений состоит в том, что они носят локальный, а не межгосударственный характер, стычки происходят между обычными людьми**,** а не правительствами двух стран. С одной стороны, это делает маловероятным начало полномасштабного военного конфликта, с другой – чревато безнаказанностью для зачинщиков и постоянным повторением историй. Меры, принимаемые правительствами этих стран, не приводят к улучшению положения на границе и не способствуют разрешению конфликтов. По мнению среднеазиатских политологов, сохраняющаяся острота ситуации в Ферганской долине вызвана заинтересованностью определенных кругов в поддержании тлеющего конфликта.

Долину называют «раем для экстремизма и терроризма». Район соприкосновения Баткенской области Киргизии с Согдийской областью Таджикистана выделяется высокой степенью криминализации, а контрабанда является едва ли не самой «главной отраслью» местных экономик. Через таджикскую территорию в Киргизии проходит один из важных маршрутов наркотрафика из Афганистана. А обратно в Афганистан поставляются контрабандные горюче-смазочные материалы. Высокий уровень коррупции

создал с обеих сторон границы криминальные альянсы, в которых происходит сращивание организованных преступных группировок с правоохранительными органами и другими силовыми структурами. Активными участниками этих «альянсов» становятся радикальные религиозные структуры, которые пользуются серьезным влиянием как в Баткенском районе Киргизии, так и в Согдийской области Таджикистана. Среднеазиатские эксперты отмечают, что в последнее время в Ферганской долине замечен качественный рост ультрарадикальных исламистских проповедей, которые размещаются на телеграм-каналах, сайтах, в YouTube. На этом фоне официальный ислам проигрывает. Это касается и Узбекистана, и Таджикистана, и трех областей южной Киргизии.

Особую опасность представляет соседство Таджикистана с нестабильным Афганистаном, где обстановка остается сложной. Помимо политико-экономических причин, на ее развитие большое влияние оказывает присутствие в республике различных группировок международных террористических организаций, которые стремятся усилить свои позиции во властных структурах. Активизируется деятельность преступных группировок, специализирующихся на производстве и контрабанде наркотиков в соседние страны, а также создаются риски проникновения международных террористов в потоке беженцев в страны Центрально-Азиатского региона и Россию. В 2021 году вдвое увеличился объем перемещаемых из Афганистана в страны ЦАР наркотиков. Из незаконного оборота только в Республике Таджикистан изъято более 3,5 тонн наркотических средств (против 1,7 тонны в 2020 году). По сообщению Нацбанка Таджикистана, общее количество физических лиц и организаций, подозреваемых в связях с террористами и экстремистами, только за 2019 год возросло в республике вдвое [**16**]. Деятельность экстремистских групп из Таджикистана и Узбекистана создает угрозу для южной части соседней Киргизии, где отмечено распространение радикальных исламистских течений, адепты которых активно вербуют в свои ряды как местных узбеков, так и киргизов. И киргизские, и

узбекские спецслужбы в последние десятилетия ведут ожесточенную борьбу с повсеместно запрещенной структурой «Хизб ут-Тахрир», которая, по сообщениям официальных источников двух стран, увеличила здесь свою численность до полумиллиона человек [**4**].

Периодичность приграничных конфликтов в Ферганской долине на фоне попыток правительств трех стран наладить взаимопонимание в решении вопросов делимитации и демаркации общей границы наводит на мысль о системности и искусственном характере возникающей в здешнем приграничье напряженности. Нестабильные отношения между странами выгодны кому-то из крупных геополитических игроков, которые пытаются использовать эту ситуацию для вмешательства во внутренние дела этих стран с целью проникнуть в регион и диктовать свои условия. Так, например, апрельскому инциденту 2022 года предшествовал ряд командировок американских советников в регион. В конце мая 2022 года состоялся визит правительственной делегации США в четыре страны Центральной Азии – Казахстан, Киргизию, Узбекистан и Таджикистан. Это был третий за последнее время визит высокопоставленной делегации США в страны ЦА. Одна из целей визита – укрепление отношений США с регионом. Для США важно не допустить участия республик в обходе санкций против России. В идеале – уговорить местные власти повернуться против России. США в настоящее время больше, чем когда-либо противостоят влиянию России на постсоветском пространстве. Они тратят миллионы долларов на расшатывание ситуации на постсоветском пространстве, на поддержку неправительственных организаций, на реализацию различных программ подготовки оппозиционно настроенных лидеров общественного мнения. Программа «Совершенствование правовой среды», финансируемая Агентством США по международному развитию (USAID), направлена на разработку законов, предоставляющих неограниченную свободу действий оппозиции в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. Тщательная подготовка Вашингтоном оппозиционно настроенных журналистов в республиках

Центральной Азии ведется с 2002 года. США и их союзники в целях ослабления России напрямую атакуют страны ОДКБ, провоцируя в них политическую нестабильность, цветные перевороты, внутриполитическое противостояние и агрессивный национализм. Американское аналитическое агентство Stratfor откровенно призывает к увеличению нестабильности на границе Российской Федерации с целью вызвать кризис в ОДКБ [**6**]. В феврале 2020 года общественности была представлена стратегия США в Центральной Азии на 2019–2025 годы, которая была сформулирована по итогам нескольких визитов американских дипломатов в страны региона в 2018–2019 годах [**22**]. В этом документе особо подчеркивается, что Центральная Азия – геостратегический регион, важный для национальной безопасности Соединенных Штатов. Стратегия США для Центральной Азии открыто провозглашает целями политики Вашингтона отрыв стран региона от России и Китая путем «защиты независимости», «присоединения к мировым рынкам и открытия для внешних инвесторов», «создания сильных демократических институтов, укрепления принципов верховенства закона и уважения прав человека» [**15**]. В документе отмечается, что США вложили более 90 млн долл. в укрепление границ центральноазиатских государств, провели 200 военных учений и повысили квалификацию более 2,6 тыс. пограничников [**26**]. Под видом «правозащиты» в Центральной Азии неуклонно увеличивается финансирование подрывных структур. Так, в Киргизии на деньги USAID и швейцарского Агентства по развитию и сотрудничеству реализуется проект «Юридическая поддержка для сельского населения», в Таджикистане осуществляется финансируемый британцами проект «Арбитраж третьей стороны в земельных спорах» [**12**]. НПО «Центр поддержки Воруха», имеющая тесные связи с британской разведкой МИ-6, занимается постоянным мониторингом ситуации в спорных районах Киргизии и Таджикистана. Особое внимание уделяется созданию сети подконтрольных СМИ.

Помимо регулярного финансирования «нужных» протестов ведется работа с органами государственного управления и региональными властями. По некоторым данным, объем ежегодных средств, выделяемых донорами киргизским «партнерам», превышает бюджет государственных учреждений и некоторых областей республики [**20**]. Невзирая на угрозы суверенитету своих стран, неоднократные попытки вмешательства во внутренние дела и организацию цветных переворотов, органы власти государств региона позволяют западным «друзьям» вмешиваться в государственное управление. В итоге в конце 2020 года в Киргизии случился очередной государственный переворот, где участие в беспорядках принимали НПО «За демократию и гражданские права» (USAID и Фонд Сороса), «Институт войны и мира» (Великобритания), «Евразия.нет» (Фонд Сороса) [**15**] и другие «защитники демократии».

Победивший на президентских выборах Садыр Жапаров и до выборов, и после их проведения публично заявлял, что Россия является главным внешнеполитическим союзником и торгово-экономическим партнером Кыргызской Республики. Он выступил за сохранение официального статуса русского языка в республике, а также отметил необходимость скорейшего разрешения имеющихся приграничных споров с соседними странами. Киргизия – важный партнер России в Центральной Азии, она является членом ЕАЭС и ОДКБ. По итогам визита С. Жапарова в Москву в конце февраля 2021 года было подписано пять важных документов, в том числе о сотрудничестве в сфере обороны [**14**]. Согласно договоренностям между главами военных ведомств, в республику поставят зенитно-ракетные системы С-300 и ударные беспилотники, что станет важным вкладом России в обеспечение безопасности как Киргизии, так и внешних границ ОДКБ [**5**].

Запад жестко критикует новую власть в Киргизии и поддерживает оппозиционные политические силы, политические и правозащитные НПО, западные и прозападные СМИ с целью дальнейшей раскачки

внутриполитической ситуации. Заметно усиливается давление на власти Киргизии со стороны государственного департамента и американского посольства, не скрывающих своего недовольства присутствием в киргизском городе Кант российской авиабазы. В начале июня 2023 года, по сообщению информагентства kaktus.media, спецслужбы Киргизии задержали подозреваемых в попытке устроить очередной госпереворот [**21**].

Воюющие анклавы, бедность, перенаселенность, наркотрафик и деятельность исламистских радикалов угрожают безопасности всего региона. Пограничные проблемы трех среднеазиатских республик напрямую затрагивают интересы России, связанной с ними оборонительными союзами. Россия придает особое значение укреплению российской авиационной базы «Кант» и обустройству южных границ Киргизии, создавая на рубежах с Узбекистаном и Таджикистаном на российские средства современные пограничные комплексы, в результате чего следующим этапом должно стать завершение процессов делимитации и демаркации киргизско-таджикской границы.

Россия заинтересована в разрядке между двумя государствами – членами ОДКБ и неоднократно предлагала им посредническую помощь. Однако ни Бишкек, ни Душанбе не желают привлекать в процесс раздела территорий независимого арбитра. ОДКБ также может оказать своим членам помощь в делимитации и демаркации границ, защите киберпространства, оборудовании техническими средствами спорных участков границ и зон конфликтов, охране стратегических объектов, ликвидации последствий катастроф, природных катаклизмов и эпидемий. Тем не менее такая помощь может быть оказана только с согласия и по просьбе заинтересованных сторон, а не навязана странам ОДКБ сверху.

Россия была и останется доминирующей державой так называемого постсоветского пространства. Государства Центральной Азии связывают с Россией стратегические партнерские отношения. Казахстан и Киргизия являются членами ЕАЭС, а Таджикистан, Казахстан и Киргизия имеют военные

союзнические отношения в рамках ОДКБ. Полноценное развитие региона и укрепление интеграционных связей на территории Евразии в рамках российских, китайских, турецких и любых других проектов с участием этих стран будет невозможным при сохранении серьезного конфликтного потенциала в Ферганской долине.

Для урегулирования сложной ситуации в Ферганской долине, по мнению как российских, так и центральноазиатских экспертов, необходимо прежде всего создать благоприятные условия существования для населения, избавиться от нищеты, контрабанды наркотиков, засилья организованной преступности, радикального исламизма. Однако в настоящее время решение всех этих проблем вряд ли возможно. Наиболее перспективным решением было бы развитие торгово-экономических отношений, которые способны усилить приграничное сотрудничество и взаимозависимость не только между государствами, но и между людьми, которые живут в соседних районах трех стран. Следует отметить, что страны региона начинают проявлять интерес к такому способу решения проблемы. Так, в ноябре 2020 года в рамках официального визита главы МИД Киргизии в Таджикистан министры достигли договоренности о необходимости создания Делового совета двух стран, а также совместных предприятий на территории приграничных районов с тем, чтобы источники существования местного населения были связаны не только с земледелием, но и с производством иных товаров [**10**].

Большое значение имеет наметившийся переговорный процесс между республиками о передаче анклавов в обмен на равноценный земельный участок, примыкающий к границе, что может послужить основой для решения территориальных споров в Ферганской долине, так как без взаимных уступок и доброй воли решить вопрос раздела границ между странами невозможно. Наличие политической воли заинтересованных сторон, активизация переговоров на дипломатическом уровне, желание найти компромисс в сложных пограничных вопросах в Ферганской долине дают надежду на скорое их

разрешение, что особенно важно для укрепления общей безопасности и развития межрегионального сотрудничества стран Центральной Азии.

Список литературы

1. Безграничная угроза // Рамблер Новости (Lenta.ru). 19 октября 2019 г. URL: https://news.rambler.ru/world/43018552-bezgranichnaya-ugroza/
2. В Кыргызстане заговорили о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО // News Asia. 11 мая 2021 г. URL: https://www.news-asia.ru/view/60/14766
3. Долина повышенной опасности // Uzmetronom.com. 28 апреля 2023 г. URL: https://uzmetronom.agency/2023/04/28/dolina-povyshennoj-opasnosti.html
4. Зачем президент Кыргызстана приезжал в Сочи // Информационно-аналитический портал Kginfo.ru. 29 мая 2021 г. URL: https://kginfo.ru/zachem-prezident-kyrgyzstana-priezzhal-v-sochi/
5. Из России с любовью // Российская газета. 3 марта 2021 г. URL: https://rg.ru/2021/03/03/v-kirgizii-podvodiat-itogi-vizita-prezidenta-v-moskvu.html
6. «Империя демократии» готовит новый удар: как США собираются развалить ОДКБ // Еженедельник «Звезда». 06 декабря 2018 г. URL: https://zvezdaweekly.ru/news/20181251026-9S4fB.html
7. Исфара – странная война // Интернет – журнал «Военно-политическая аналитика». 1 мая 2021 г. URL: https://vpoanalytics.com/2021/05/01/isfara-strannaya-vojna/
8. Исходный рубеж: причины конфликтов в Ферганской долине // МК Казахстан. 10 июня 2020 г. URL: https://mk-kz.kz/politics/2020/06/10/iskhodnyy-rubezh-prichiny-konfliktov-v-ferganskoy-doline.html
9. Конфликт на киргизско-таджикской границе закончился напряженным затишьем // Российская газета. 19 сентября 2022 г. URL: https://rg.ru/2022/09/18/konflikt-na-kirgizsko-tadzhikskoj-granice-zakonchilsia-napriazhennym-zatishem.html
10. Кыргызстан предложил Таджикистану строить предприятия на приграничных участках // Sputnik Таджикистан. 19 ноября 2020 г. URL: https://tj.sputniknews.ru/country/20201119/1032306837/kyrgyzstan-tajikistan-zavody-prigranichnye-uchastki.html
11. Мертвая хватка: США снова взялись за Центральную Азию // Военное обозрение. 10 ноября 2022 г. URL: https://topwar.ru/204697-mertvaja-hvatka-ssha-snova-vzjalis-za-centralnuju-aziju.html

12. Мягкая сила и приграничные конфликты в Центральной Азии // Интернет – журнал «Военно-политическая аналитика». 2 мая 2021 г. URL: https://vpoanalytics.com/2021/05/02/myagkaya-sila-i-prigranichnye-konflikty-v-tsentralnoj-azii/

13. Новрузова З. Узбекистан, Киргизия и Таджикистан стреляют друг в друга // Haqqin.az. 3 июня 2020 г. URL: https://haqqin.az/news/179943

14. Панфилова В. Москва поддержит Бишкек // Независимая газета. 25 февраля 2021 г. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/cis/2021-02-25/100_25022021_kyrgyzstan.html

15. *Попова В.* Спрут: как Европа и США «помогают» Центральной Азии (II) // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». 29 июня 2020 г. URL: https://vpoanalytics.com/2020/06/29/sprut-kak-evropa-i-ssha-pomogayut-tsentralnoj-azii-ii/

16. Почему в Центральной Азии «наши» стреляют друг в друга // 8 июня 2020 г. URL: https://www.rosbalt.ru/world/2020/06/08/1847693.html

17. Почему таджики и киргизы отвергли мирный план России // Рамблер Новости. 1 июня 2020 г. URL: https://news.rambler.ru/asia/44273283/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

18. Приграничные конфликты в Ферганской долине: причины, последствия и варианты решения // Международное информационное агенство Kazinform. 24 апреля 2023 г. URL: https://www.inform.kz/ru/prigranichnye-konflikty-v-feranskoy-doline-prichiny-posledstviya-i-varianty-resheniya_a4058956

19. Проблемный контейнер киргизско-таджикской границы // Международный научно-общественный журнал «Мир перемен». 8 июня 2021 г. URL: http://mirperemen.net/2021/06/problemnyj-kontejner-kirgizsko-tadzhikskoj-granicy/

20. Путин: Киргизия забегает вперед в попытках наладить жизнь, как в других странах // ТАСС. 17 декабря 2020 г. URL: https://tass.ru/politika/10283183

21. СМИ: в Киргизии задержали подозреваемых в попытке госпереворота // РИА Новости. 5 июня 2023 г. URL: https://ria.ru/20230605/kirgiziya-1876156341.html

22. «Ставка на отрыв от России»: Что стоит за активизацией США в Центральной Азии // Евразия Эксперт. 20 октября 2022 г. URL: https://eurasia.expert/chto-stoit-za-aktivizatsiey-ssha-v-tsentralnoy-azii/

23. Таджикско-кыргызская граница: последние новости // Sputnik Таджикистан. 1 января 2023 г. URL: https://tj.sputniknews.ru/20230119/kyrgyzstan-sroki-granitsa-tajikistan-konflikt-1054339173.html

24. Ферганская долина в ожидании войны // Ведомости. 20 апреля 2022 г. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2022/04/19/918881-ferganskaya-dolina

25. Черненко Е. Москва становится Центральной в Азии. Россия меняет подход к политике в регионе // Коммерсантъ. 16 октября 2020 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4531609?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter

26. Черненко Е. Самоценный регион. США поборются за Центральную Азию с Россией и Китаем // Коммерсантъ. 07 февраля 2020 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4244360?from=doc_vrez

Вавилов Андрей Николаевич,
кандидат политических наук,
стажер Дипломатической академии МИД России,
e-mail: an_vavilov@mail.ru

Andrej N. Vavilov,
Ph.D. (Political Sciences),
trainee at the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: an_vavilov@mail.ru

«ГАЗОВЫЙ ФАКТОР» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ НА УКРАИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

"GAS FACTOR" IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY STRATEGY IN THE UKRAINIAN DIRECTION

Аннотация: использование «газового фактора» в рамках российской внешнеполитической стратегии на украинском направлении отражает эволюцию подходов к применению экономических ресурсов для решения политических задач. Большая зависимость украинской экономики от цен на импортируемый газ использовалась Россией для укрепления взаимосвязи экономик двух стран, вовлечения Украины в процессы евразийской интеграции. При этом Россией принимались во внимание и задействовались различные аспекты, связанные с большим внутриполитическим значением, которое приобрели на Украине значительные денежные потоки, формируемые от перепродажи и транзита российского газа. В условиях, когда украинское руководство отказывалось от базовых принципов многовекторной внешней политики, реализуя антироссийский внешнеполитический курс, зависимость Украины от импорта российского газа рассматривалась Россией в качестве наиболее действенного рычага давления на Киев. Однако потенциал воздействия на Украину в вопросе цен на поставляемый газ существенно ограничивался и компенсировался монопольной ролью Украины как основной страны-транзитера российского газа в ЕС. После 2014 года на фоне острого кризиса двусторонних отношений вследствие отказа от импорта российского газа и падения объемов транзита газа значение «газового фактора» в рамках российской внешнеполитической стратегии в отношении Украины заметно снизилось. Опираясь на поддержку Запада, в условиях проводимой специальной военной операции киевский режим использует сохраняющуюся взаимозависимость в газовой сфере для нанесения России экономического и политического ущерба, что диктует необходимость

выработки контрмер в рамках внешнеполитической стратегии на украинском направлении.

Ключевые слова: внешнеполитическая стратегия, Украина, украинский конфликт, поставки газа, транзит газа, санкции.

Abstract: the use of the “gas factor” in the framework of the Russian foreign policy strategy in the Ukrainian direction reflects the evolution of approaches to the use of economic resources to solve political problems. The high dependence of the Ukrainian economy on the prices of imported gas was used by Russia to strengthen the interconnection of the economies of the two countries and to involve Ukraine in the processes of Eurasian integration. At the same time, Russia took into account and used various aspects related to the great domestic political importance that significant cash flows from the resale and transit of Russian gas have acquired in Ukraine. At a time when the Ukrainian leadership was abandoning the basic principles of a multi-vector foreign policy, pursuing an anti-Russian foreign policy course, Ukraine's dependence on Russian gas imports was seen by Russia as the most effective lever of pressure on Kiev. However, the potential impact on Ukraine in terms of gas prices was significantly limited and offset by Ukraine's monopoly role as the main transit country for Russian gas to the EU. After 2014, against the background of an acute crisis in bilateral relations due to the refusal to import Russian gas and a drop in gas transit volumes, the importance of the “gas factor” in the framework of Russia's foreign policy strategy towards Ukraine has noticeably decreased. Relying on the support of the West, in the context of the ongoing special military operation, the Kiev regime uses the continuing interdependence in the gas sector to inflict economic and political damage on Russia, which dictates the need to develop countermeasures as part of its foreign policy strategy in the Ukrainian direction.

Keywords: foreign policy strategy, Ukraine, Ukrainian conflict, gas supplies, gas transit, sanctions.

Введение

Острый политический кризис вокруг Украины, который приобрел форму вооруженного противостояния, всё еще далек от своего разрешения. Сохраняют актуальность и те противоречия, которые стали основой для самого масштабного международного конфликта в Европе со времен окончания Второй мировой войны. Исход противостояния на Украине выступит определяющим фактором для дальнейшего развития политической и экономической ситуации в регионе. Перспективы и базовые принципы предстоящего мирного урегулирования также станут основой для актуализации подходов к реализации российской внешнеполитической стратегии на данном направлении.

Представляется, что ретроспективный взгляд на российскую внешнеполитическую стратегию в отношении Украины будет способствовать поиску возможных решений по адаптации указанной стратегии к условиям, которые могут быть сформированы в регионе по итогам завершения вооруженного конфликта.

В силу исторически обусловленных хозяйственных связей торгово-экономические отношения России и Украины оказывали огромное влияние на реализацию внешнеполитической стратегии нашей страны на данном направлении.

При этом особое значение приобрели вопросы, связанные с поставками на Украину российского газа. Следует подчеркнуть, что на протяжении всего постсоветского периода вопрос цены за поставляемый на Украину российский газ являлся одним из ключевых в повестке дня двусторонних отношений и приобрел значение одного из средств осуществления российской внешнеполитической стратегии на украинском направлении.

Поставки российского газа на Украину в 1990-е годы: преференции и экономическая взаимосвязанность

Следует отметить, что в 90-е годы за счет собственной добычи Украина удовлетворяла не более 20% потребностей в природном газе [**11**, с. 236]. При этом на долю российских поставок приходилось в разные периоды до 95% потребляемого газа. Энергоносители в целом составляли более 70% от общего объема российского экспорта на Украину. По оценкам экспертов, в 90-е годы и позже Украина импортировала топлива на сумму от 9 до 15 млрд долл. ежегодно, являясь крупнейшим в мире импортером газа [**11**, с. 236]. В 1993 году Украина занимала 3-е место после России и США по объему использования в экономике природного газа [**18**, с. 28].

Кроме того, благодаря развитой газотранспортной системе Украина являлась для «Газпрома» важнейшей страной-транзитером газа. Общая протяженность украинской газотранспортной сети превышает 37,6 тыс. км, из

них 14 тыс. – магистральные газопроводы диаметром 1020–1420 мм. На Украине 13 ПХГ общей емкостью 30,8 млрд кубометров. Пропускная способность составляет на восточной границе 287,7 млрд кубометров газа, на выходе – 177,1 млрд, в том числе в страны Европы – 141,1 млрд [**20**, с. 30].

С первых месяцев независимости Украины Россия начала оказывать масштабную поддержку украинской экономике посредством различных механизмов, в том числе и прямой государственной помощи. До 2005 года Россия поставляла на Украину нефть и газ по ценам существенно ниже мировых, что фактически означало субсидирование украинской экономики в огромных размерах. Украина получала российский газ по 50 долларов за тыс. куб. м, при том что страны Европы с 1991 по 2000 год платили от 62 до 116 долларов за 1 тыс. кубометров. В 1992 году Россия недополучила 15,6 млрд долл. из-за поставок на Украину энергоносителей по ценам ниже мировых [**9**, с. 163].

От цены на российский газ в этот период зависела конкурентоспособность ряда отраслей украинской экономики (металлургия, производство аммиака и азотных удобрений) [**8**, с. 23]. Так, в себестоимости машиностроительной продукции цена на газ достигала 7–12% [**2**, с. 257]. Высокую чувствительность украинской экономики к ценам за потребляемый российский газ констатировал секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины (СНБОУ), экс-премьер Украины А. Кинах: «Цена 50 долларов стала для нас экономическим наркотиком… Мы в 3–5 раз энергозатратнее европейских стран. И при этом 75% газа получаем из одного региона. Это очень высокий уровень зависимости» [**5**]. Бывший премьер-министр Украины Н. Азаров отмечал, что при цене свыше 300 долл. продукция таких предприятий, как Одесский припортовый завод, «Стирол», «Ривнеазот», «Северодонецкий Азот», «Днепроазот», «Черкасский Азот», использующих газ как сырье, становится неконкурентной на рынке по сравнению с российскими [**1**, с. 75].

Давая оценку значению поставок российского газа на Украину по заниженным ценам, президент России В.В. Путин в 2007 году в интервью

журналу Time заявил: «Украину субсидировали 15 лет, 3–5 млрд долларов ежегодно» [**13**].

Помимо практического субсидирования украинской экономики Россия также демонстрировала и крайне лояльное отношение к Украине в вопросах погашения задолженности по поставкам газа. Даже получая российские энергоносители по заниженным ценам, Киев не оплачивал их в полном объеме. Украинский долг за поставленные из России энергоносители стремительно рос и к концу 1995 года превысил 1,1 млрд долларов. На 1 января 1999 года, по оценкам российской стороны, украинская задолженность за газ составляла уже 1,6–1,8 млрд долларов [**10**, с. 88]. В январе 1999 года председатель правления «Газпрома» Р. Вяхирев писал, что только за декабрь 1998 года из магистральных газопроводов Украины исчезло 2,5 млрд кубометров газа на сумму свыше 150 млн долларов [**10**, с. 87–88]. В 1999 году «Газпром» был вынужден пойти на угрозы прекращения поставок с целью пресечь воровство газа. Накопившийся украинский долг в размере около 2 млрд долларов был учтен в качестве платы России за аренду базы в Севастополе. По признанию Н. Азарова, это стало большой уступкой для Украины, так как все валютные резервы страны были меньше этой суммы [**2**, с. 242]. Российский дипломат Ю. Дубинин также указывает на то, что необходимость реструктуризации долгов стала важнейшим фактором, который позволил выйти на договоренности по флоту [**9**, с. 223]. По данным российской стороны, долг Украины продолжил расти и после договоренностей по флоту [**16**].

В целом использование «газового фактора» во внешнеполитической стратегии России на Украине до 2005 года указывает прежде всего на стремление сохранить и укрепить экономический базис двусторонних отношений, если не обратить вспять, то хотя бы существенно затормозить политическую дивергенцию двух бывших советских республик.

Россия стремилась в долгосрочной перспективе закрепить значение поставок и транзита российского газа в качестве важнейшего фактора

экономической «привязанности» Украины к России, придав ему тем самым значение одного из ключевых средств реализации внешнеполитической стратегии на украинском направлении.

В октябре 2001 года было подписано межправительственное Соглашение о дополнительных мерах по обеспечению транзита российского природного газа по территории Украины, в котором стороны гарантировали сохранение транзита российского газа по территории Украины до 2013 года и договорились о реструктуризации украинского долга за российское голубое топливо.

В октябре 2002 года было подписано Соглашение о стратегическом сотрудничестве в газовой отрасли, рассчитанное на 30 лет, в котором выражалось намерение создать международный консорциум с участием России, Украины и Германии для обеспечения транзитных поставок газа в ЕС.

Накануне президентских выборов на Украине в 2004 году проявился еще один значимый аспект роли «газового фактора» в российской внешнеполитической стратегии на Украине. Напомним, что президентские выборы стали ожесточенной схваткой В. Януковича и В. Ющенко, которые олицетворяли «восточный» и «западный» векторы развития Украины. Использование российских внешнеполитических ресурсов, в том числе экономических, включая поставки природного газа, были подчинены задаче укрепления политических позиций В. Януковича.

В августе 2004 года было заключено дополнительное соглашение «Газпрома» и НАК «Нафтогаз» о поставках газа на Украину, в соответствии с которым на срок до 2009 года цена на газ фиксировалась на уровне 50 долл. В соглашении получили развитие положения предыдущих доверенностей, а также было отражено намерение реализовать в формате международного трехстороннего консорциума совместный проект по строительству газопровода Богородчаны–Ужгород. Все эти совместные проекты были призваны работать на укрепление авторитета и расширение электоральной поддержки В. Януковича.

Однако победа в результате «оранжевой революции» В. Ющенко радикально изменила ситуацию в российско-украинских отношениях, продиктовав необходимость скорректировать использование «газового фактора» в российской внешнеполитической стратегии на украинском направлении. Если раньше льготные условия экспорта российского газа на Украину рассматривались в качестве одного из основных факторов, «привязывающих» Украину к России, то в новых обстоятельствах высокая чувствительность украинской экономики к цене на голубое топливо представлялась действенным инструментом давления на украинское руководство.

Поставки газа как инструмент давления на Украину

В условиях, когда Киев отказался от участия в евразийской интеграции, взял курс на вступление в НАТО и предпринял ряд других антироссийских инициатив, Россия начала процесс поэтапного перехода на рыночное ценообразование в торговле газом с Украиной, который растянулся на несколько лет.

Так, в июне 2005 года «Газпром» предложил перейти с 2006 года на рыночное ценообразование: привести цены на газ в соответствие со среднеевропейским уровнем (Украине была предложена цена 160 долларов за тыс. кубометров), одновременно повысить тарифы на транзитную прокачку газа, перейдя при этом на европейские формы контрактов на транзит и поставки газа.

В течение года переговоры не привели к заключению новых договоренностей. В середине декабря 2005 года руководство «Газпрома» еще более ужесточило позицию, предложив Украине заключить контракт уже по 230 долларов за тыс. кубометров, сославшись на изменение конъюнктуры на мировом рынке.

При отсутствии договоренностей 1 января 2006 года поставки были прекращены, а Украина начала производить несанкционированный отбор газа, предназначенного для европейских потребителей, что вошло в историю как «первая газовая война».

Новый заключенный контракт носил выраженный компромиссный характер: «Газпром» добился установления цены в 230 долл. за тыс. кубометров российского газа, при этом за счет создания компании – посредника «Росукрэнерго» с учетом цен на среднеазиатский газ Украина получала газ по средневзвешенной цене в 95 долл. за тыс. кубометров, а цена за 100 км прокачки тыс. кубометров газа устанавливалась в размере 1,6 доллара.

В течение 2007 года с учетом повышения стоимости среднеазиатского газа цена на газ для Украины, который она приобретала у компании «Росукрэнерго», возросла до 130 долларов, что по-прежнему не соответствовало рыночному уровню цен на европейском рынке. Например, страны Балтии платили порядка 200 долларов. В декабре 2007 года было подписано новое соглашение, по которому цена на газ для Украины повышалась до 179,5 долларов, а транзитная ставка возрастала с 1,6 до 1,7 доллара за прокачку тыс. кубометров на 100 км.

При этом подход российской стороны к использованию «газового рычага» можно характеризовать как взвешенный и осторожный, на что указывают ход и результаты переговоров 2005–2006 годов. Важным фактором, диктовавшим необходимость действовать крайне осмотрительно в вопросе цены на газ для Украины, являлась изменчивость политической ситуации на Украине. На парламентских выборах 2006 года Партия регионов одержала победу и смогла сформировать коалицию с Социалистической партией Украины (СПУ) и Коммунистической партией Украины (КПУ), что отчасти стало политическим реваншем за поражение на президентских выборах 2004 года, а В. Янукович занял пост премьер-министра. Линия В. Януковича, в частности его заявления в Брюсселе о неготовности украинского общества к вступлению в НАТО, создали для России дополнительные возможности по оказанию влияния на Киев и его западных партнеров. В этих условиях шоковое повышение цен могло иметь крайне негативное воздействие на украинскую экономику и социально-экономический климат в стране, тем самым ослабив позиции «регионалов», которые к тому времени активно противостояли «оранжевой» команде

президента В. Ющенко. Несмотря на дистанцирование Украины от евразийской интеграции и политический разворот в сторону Запада, огромный пласт двусторонних отношений давал основания полагать, что инерция взаимных связей позволит предотвратить дальнейшую деградацию двусторонних отношений, преодолеть период охлаждения и вернуться на траекторию отношений, которая будет учитывать взаимные интересы.

Однако курс Киева оставался радикально прозападным, и Россия пошла на новое ужесточение позиции по газовому вопросу.

После первого повышения цен на газ, начал стремительно расти долг Украины за российский газ. Как указывает Н. Работяжев, «Газпром» поставил вопрос о долге в начале октября 2007 года, через день после парламентских выборов, с очевидной целью – воспрепятствовать формированию прозападного правительства во главе с Ю. Тимошенко. Второй раз вопрос о долге был поднят в феврале 2008 года в качестве меры давления на Киев на фоне попытки форсировать сближение с НАТО [**14**, с. 82].

Из-за неплатежей уже начиная с марта 2008 года «Газпром» приступил к ограничению поставок газа на Украину, а к концу года переговорный процесс зашел в тупик. К концу 2008 года, по данным «Газпрома», долг достиг 2,4 млрд долларов [**15**]. 1 января 2009 года «Газпром» прекратил поставки газа для украинских потребителей, а через сутки руководство НАК «Нафтогаз» публично заявило, что вынуждено направить на «технологические» нужды 21 млн кубометров газа из объемов, предназначенных европейским потребителям [**12**].

Конфликт затянулся до середины января 2009 года и превратился во «вторую газовую войну». В Москве была проведена международная конференция по вопросам обеспечения экспорта российского газа в ЕС, по итогам которой стороны достигли соглашения о параметрах поставок газа на Украину и транзите по ее территории. Для Украины устанавливалась европейская формула цены на газ со скидкой в 20%, был подписан прямой контракт сроком на 10 лет. Украина приняла на себя обязательства обеспечить

транзит по своей территории не менее 110 млрд. Цена в 1 квартале 2009 года устанавливалась в размере 360 с учетом льготы. Также новый контракт предусматривал механизм защиты интересов «Газпрома» в случае неплатежей со стороны Украины, вводя возможность перехода к авансовым платежам.

Таким образом, стоимость российского газа для Украины выросла с 50 долларов в начале 2005 года до 360 долларов за тыс. кубометров в начале 2009 года.

Следует подчеркнуть, что «газовые войны» наглядно продемонстрировали высокую обоюдную зависимость двух стран: Украины – от цен на потребляемый газ, России – от обеспечения украинской стороной транзита газа европейским потребителям.

В ответ на повышение цены на газ со стороны России Украина последовательно повышала тарифы на транзит газа, а угрозы и практические шаги «Газпрома» по ограничению поставок для нужд Украины из-за неурегулированной задолженности наталкивались на открытый шантаж Киева, который имел возможность осуществлять неконтролируемый и несанкционированный российской стороной отбор газа, поставленного для потребителей в Европе.

Таким образом, следует признать, что потенциал давления на Украину в вопросе цен и погашения задолженности за газ компенсировался сильной позицией Киева как монопольного транзитера российского газа в Европу. Поэтому можно констатировать, что зависимость в «газовом вопросе» носила обоюдный характер.

Кроме того, конфликт 2008–2009 годов высветил и возросшее значение условий импорта российского газа для украинской внутренней политики, что определяло тактику использования данного ресурса в рамках российской стратегии на украинском направлении. Схемы поставок газа из России на Украину традиционно являлись важным фактором формирования политической элиты на Украине и источником финансирования политической деятельности. В

СМИ получило распространение высказывание экс-руководителя НАК «Нафтогаз» И. Бакая: «…Все нынешние богатые и влиятельные люди на Украине заработали свои капиталы на российском газе, например Ю. Тимошенко. Приход во власть П. Лазаренко также связан с российским газом. 35–40 народных депутатов Украины пришли в Верховную Раду Украины благодаря тому, что торговали российским газом» [**10**, с. 90–91]. Как отмечал видный западный эксперт, специализирующийся на Украине, А. Аслунд, контроль за поставками газа и нефти в годы президентства Л. Кучмы являлся важным источником финансирования президентской избирательной кампании [**21**, p. 106]. Такому положению дел способствовал тот факт, что с 1998 по 2008 год поставки и транзит российского газа осуществлялись по схемам, которые включали компанию-посредника. В разные периоды данную функцию выполняли «Итера», Eural Trans Gaz и «Росукрэнерго».

Пойдя на подписание нового контракта с главой украинского правительства и устранение компании-посредника, Россия тем самым ослабила политические позиции президента В. Ющенко. Показательно, что в секретариате В. Ющенко газовые соглашения называли атакой на суверенитет Украины, а премьер-министр Ю. Тимошенко, занявшая по газовому вопросу более умеренную позицию, чем пропрезидентский лагерь, обвинялась в «предательстве национальных интересов» [**3**].

Говоря о задействовании экономических ресурсов в рамках российской внешнеполитической стратегии на украинском направлении, в частности газового фактора, следует также отметить, что помимо ужесточения вопроса задолженности и повышения цен на газ были предприняты масштабные международные усилия и осуществлены огромные дополнительные затраты для того, чтобы в долгосрочной перспективе снизить значение Украины в качестве страны-транзитера.

Так, в сентябре 2005 года было подписано соглашение о создании российско-германского консорциума по строительству газопровода «Северный

поток» по дну Балтийского моря, после чего началась реализация проекта стоимостью более 7 млрд евро. Максимальная расчетная мощность газопровода, которой он достиг к концу 2012 года, составила 55 млрд кубометров газа в год, что позволило ему заместить украинские транзитные мощности более чем на 50%, лишая Украину соответствующей доли поступлений от транзита российского газа. Также была выдвинута идея строительства «Южного потока» стоимостью до 25 млрд евро и первоначальной пропускной мощностью 30 млрд кубометров в год (в мае 2009 года по просьбе итальянской компании Eni была расширена до 63 млрд кубометров, однако проект был свернут в конце 2014 года из-за позиции Болгарии).

Продвижение указанных газотранспортных проектов в обход территории Украины и широкое присутствие данной темы в информационном пространстве оказывали дополнительное давление на киевское руководство. В. Ющенко неоднократно подвергал эти проекты острой критике, характеризуя их как политически мотивированные и антиукраинские [**4**].

«Газовый фактор» и евразийская интеграция

Победа В. Януковича на выборах президента страны в 2010 году привела к существенным переменам во внешней и внутренней политике Украины и повлекла значительную корректировку задач и средств реализации внешнеполитической стратегии России на украинском направлении.

Одной из первых инициатив в сфере внешней политики президента В. Януковича стал отказ от цели вступления в НАТО и законодательное закрепление внеблокового статуса страны, что исключило ключевой раздражитель в отношениях с Россией и позволило начать восстановление отношений с нашей страной. В апреле 2010 года состоялись переговоры лидеров двух стран, по их итогам был достигнут ряд важных договоренностей, получивших известность как Харьковские соглашения, при заключении которых важнейшая роль была отведена «газовому фактору». Данные соглашения, в частности, предусматривали, что срок базирования Черноморского флота будет

продлен до 2042 года, а Украина получала скидку на газ в размере 30% (но не более 100 долларов), которая была увязана с урегулированием статуса российской военно-морской базы в Севастополе. С учетом скидки Украина приобретала газ по 429 долларов за 1 тыс. кубометров газа, экономя при этом около 4 млрд долларов в год.

В дальнейшем по мере продвижения в реализации европейского и евразийского интеграционных проектов вопрос участия Украины в зоне свободной торговли с ЕС, с одной стороны, и ее возможное присоединение к Таможенному союзу – с другой, становился главной темой российско-украинских отношений. В марте 2010 году в ходе переговоров с В. Януковичем В. Путин предложил Украине присоединиться к ЕЭП и Таможенному союзу (ТС). Комментируя присоединение Украины к ТС, секретарь ТС С. Глазьев заявил, что только от улучшения условий экспорта товаров в зону ТС Украина могла бы дополнительно получить более 5 млрд долларов. От отмены экспортной пошлины на российскую нефть – еще около 3 млрд долларов [**17**]. Кроме того, зампред правления «Газпрома» В. Голубев заявил, что «переход на ценообразование, которое действует в рамках ТС, могло бы дать Украине, по оценкам Газпрома, 8 млрд долларов в год» (в 2010 году Украина перечислила России за газ около 13 млрд долларов) [**7**].

Таким образом, как и в начале 2000-х годов, Россия использовала нормализацию двусторонних отношений для попытки задействования институциональных внешнеполитических ресурсов и привлечения Украины к процессу евразийской интеграции. При этом «газовый фактор», как и в период президентства Л. Кучмы, рассматривался в России в качестве инструмента системной экономической «привязки» Украины к России.

В декабре 2013 года стали известны итоги визита В. Януковича в Москву, прошедшего на фоне резкого обострения внутриполитической ситуации и набиравших силу уличных протестов в центре Киева. На пресс-конференции лидеров России и Украины, организованной по итогам переговоров, помимо

согласования ряда значимых проектов в экономике было объявлено о достижении договоренности о заключении дополнительного соглашения к газовому контракту, по которому цена на газ устанавливалась в размере 268,5 долларов за тыс. кубометров при текущей рыночной цене порядка 400 долларов.

По свидетельству экс-премьер-министра Украины Н. Азарова, договоренность о цене за российский газ в размере 268,5 долл. за тыс. кубометров газа «спасла украинскую экономику от массовых банкротств в 2014 году» [**2**, с. 134]. По оценке экс-премьер-министра Украины, за счет скидки Украина экономила 100 млрд гривен в год [**2**, с. 254–255].

Сотрудничество в газовой сфере с Украиной после 2014 года

В феврале 2014 года в Киеве произошел государственный переворот, в результате которого к власти на Украине пришли радикальные прозападные силы. Постепенно начал раскручиваться маховик вооруженного конфликта на Донбассе, российско-украинские отношения стремительно деградировали, разрушались многолетние экономические связи.

В радикально изменившихся условиях двусторонних отношений в использовании «газового фактора» в рамках российской внешнеполитической стратегии на украинском направлении начала задействоваться модель давления, опробованная в период В. Ющенко. В апреле 2014 года «Газпром» объявил об отмене для Украины скидок на газ, установленных в рамках договоренностей с В. Януковичем в ходе его визита в Москву в декабре 2013 года, а также предусмотренных Харьковскими соглашениями. В этой связи следует отметить, что после воссоединения Крыма с Россией договор о пребывании Черноморского флота в Севастополе был денонсирован. Кроме того, российский газовый концерн потребовал погашения накопленной задолженности по поставкам газа в размере 2,5 млрд долларов. Киевские власти, опираясь на поддержку Запада, отказались признавать отмену скидок и оплачивать поставляемый газ в полном объеме, в результате чего начал стремительно расти долг за газ. Несмотря на это, поставки голубого топлива для нужд Украины не прекращались и

осуществлялись даже в условиях разгорающегося вооруженного конфликта на Донбассе.

В июне 2014 года «Газпром» изменил схему оплаты за газ, перейдя на режим предоплаты, а также направив иск об истребовании задолженности в Стокгольмский арбитраж (общий долг Украины за российский газ в этот момент оценивался в 4,4 млрд долларов США). Украинская сторона подала встречный иск в Стокгольмский арбитраж с требованием о выплате «Газпромом» 6 млрд долларов, которые якобы были необоснованно уплачены после 2010 года из-за завышенных нерыночных тарифов.

Прямые поставки газа на Украину были прекращены летом того же года и возобновились в октябре 2014 года, что стало результатом согласования сторонами так называемого «зимнего газового пакета». Украина обязалась погасить задолженность, но при этом получала и скидку за газ. Однако, несмотря на достигнутые договоренности, уже в марте 2015 года НАК «Нафтогаз» не произвел в полном объеме авансовый платеж за поставки газа в марте. В ноябре 2015 года прямые поставки российского газа на Украину были окончательно прекращены.

При этом стороны продолжали взаимный обмен исками в международные судебные инстанции. Так, в 2017 году общая сумма требований «Газпрома» к НАК «Нафтогаз» составляла 37 млрд долларов, а украинской компании к «Газпрому» – 27 млрд долларов. Летом 2018 года НАК «Нафтогаз» инициировал принудительное взыскание 2,5 млрд долларов с «Газпрома» по решению Стокгольмского суда. Взаимные экономические претензии предъявлялись в условиях нарастающей враждебности в отношениях Москвы и Киева. В 2017 году была представлена новая редакция энергетической стратегии Украины до 2035 года, которая предусматривала отказ от закупок газа в России, перенос точки сдачи транзитного газа на границу с РФ и ряд других условий, наносящих значительный ущерб экономическим интересам России.

В конце 2019 года «Газпром» и НАК «Нафтогаз» заключили мировое соглашение, одним из условий которого стала выплата украинской компании 2,9 млрд долларов по решению Стокгольмского арбитража за недопоставку российского газа через украинскую газотранспортную систему в Европу. Данное соглашение подвело итог ряду длительных судебных разбирательств и позволило подписать новый контракт на транзит российского газа в ЕС, который вступал в силу 1 января 2020 года. «Газпром» получал возможность направить по территории Украины на европейские рынки не менее 225 млрд кубометров газа в 2020–2024 годах. Кроме того, НАК «Нафтогаз» отозвал еще один иск к «Газпрому» на 12 млрд долларов, поданный в Стокгольмский арбитраж в ноябре 2019 года, а также прекращал действия, направленные на арест зарубежных активов «Газпрома». Следует отметить, что недавно избранный президент Украины В. Зеленский, комментируя новый контракт на транзит российского газа, подчеркивал, что страна получит от него более 7 млрд долларов.

С началом специальной военной операции в феврале 2022 года и санкционного давления на Россию произошло обвальное сокращение объемов поставок российского газа в Европу. В мае 2022 года Украина прекратила прокачку газа через газоизмерительную станцию «Сохрановка», которая располагалась на территории Луганской народной республики. Из-за этого шага «Газпром» был вынужден сократить поставки газа в Молдавию на 30% до 5,7 млн кубометров в сутки, что в первую очередь негативно отразилось на экономике Приднестровья. Если в 2012 году накануне политических потрясений на Украине «Газпром» прокачал по украинской газотранспортной системе более 84 млрд кубометров газа, то в 2021 году – более 41 млрд кубометров газа, в 2022 году – 19 млрд кубометров, а в 2023 году – примерно 14 млрд кубометров. Доля «Газпрома» на европейском рынке сократилась с 37 до 9% [**19**].

Однако, даже несмотря на развернувшиеся масштабные интенсивные боевые действия, транзит российского газа по территории Украины не прекращался до января 2025 года.

Отказ от прямого импорта российского газа на фоне масштабной западной финансовой помощи, поступающей на Украину, и устранение связанной с ним зависимости позволили Киеву перехватить инициативу в использовании «газового фактора» в отношениях с Россией.

С окончанием заключенного в 2019 году контракта на транзит российского газа Украина заявила о полном отказе от транзита российского газа в Европу с 1 января 2025 года. От этого решения в первую очередь пострадали Венгрия и Словакия, демонстрирующие конструктивный и прагматичный подход к выстраиванию отношений с Россией, который разительно диссонирует с жесткой антироссийской политикой Брюсселя и ведущих стран ЕС, а также Приднестровье, которое оказалось на грани социально-экономического коллапса. По имеющимся оценкам, Киев лишился примерно 1,5 млрд долларов годового дохода от транзита российского газа. Для «Газпрома» потери вследствие этого решения превысили 4 млрд долларов в год [**6**].

Таким образом, в использовании Россией «газового фактора» в рамках внешнеполитической стратегии на украинском направлении можно выделить две модели: преференциальную и модель давления. После начала специальной военной операции, действуя в логике военно-политического противостояния и опираясь на поддержку со стороны Запада, Украина смогла использовать «газовый фактор» для нанесения существенного экономического ущерба России.

Как видим, сотрудничество Москвы и Киева в газовой сфере оказалось наиболее прочным и вплоть до недавнего времени осуществлялось в условиях разрыва дипломатических отношений и вооруженного конфликта. Украинская газотранспортная система сохраняет функциональность, и страна по-прежнему потенциально может восстановить свое стратегическое значение в качестве ключевого транзитера российского газа на пути в Европу.

В условиях активного обсуждения перспектив мирного урегулирования российско-украинского вооруженного конфликта вопросы возобновления транзита российского газа в ЕС по территории Украины представляются одними

из наиболее актуальных в контексте послевоенного экономического переустройства региона.

Список литературы

1. *Азаров Н.Я.* Уроки Майдана. Украина после переворота. – М.: Вече, 2017. – 320. С. 75.
2. *Азаров Н.Я.* Украина на перепутье. Записки премьер-министра/. – М.: Вече, 2015. С. 257.
3. В.Ющенко: Ю.Тимошенко предала национальные интересы. РБК. 11 октября 2011 г. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/11/10/2011/5703ed4f9a79477633d38bef, дата обращения: 18.12.2024 г.
4. Виктор Ющенко раскритиковал "Южный" и «Северный потоки». LENTA.RU. 3 апреля 2009 г. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2009/04/03/stream/, дата обращения: 18.12.2024 г.
5. Газ по 50 долларов стал для нас наркотиком. Известия. 2006.10 января. Режим доступа: https://iz.ru/447539/ianina-sokolovskaia/gaz-po-50-dollarov-stal-dlia-nas-narkotikom, дата обращения: 01.11.2024 г.
6. Газовый транзит: какие сценарии возможны для договора России и Украины. RBC.ru. 9 февраля 2024 г. Режим доступа: https://www.rbc.ru/business/19/02/2024/65d1bc4f9a7947a0fcd73f82?ysclid=m7ukndug1g724372594, дата обращения: 27.02.2025 г.
7. Газпром предложил Украине зарабатывать $8 млрд в год. РБК. 07 апреля 2011 г. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/07/04/2011/5703e5d19a79473c0df1c8ed, дата обращения: 25.01.2025 г.
8. *Григорьев Л., Салихов М.* Украина: Рост и газ // Экономическое обозрение/Институт энергетики и финансов, № 2, 2006, С. 23.
9. *Дубинин Ю.В.* Дипломатический марафон. – М.: «ВиаРус-21», 2005. С. 163.
10. Испытание Украиной: сборник статей / Ин-т стран СНГ. Под общ. ред. К. Ф. Затулина. - М, 1999. С.88.
11. *Климин И.* Россия и Украина: трудный путь к взаимопониманию (1990-2009). СПб.: Нестор, 2009, С. 236.
12. По горючим следам. Коммерсантъ Власть. № 2 от 19.01.2009 г. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/1102893, дата обращения: 18.01.2025 г.
13. Путин возложил на США вину за раздел Украины. РИА Новости. 19 декабря 2007. Режим доступа: https://ria.ru/20071219/93195735.html, дата обращения: 16.12.2024 г.

14. *Работяжев Н.* Украина между Россией и Западом: опыт геополитического анализа // Мировая экономика и международные отношения, 2008. № 9. С. 82.

15. С нового года Украина может остаться без газа. РБК. 18 декабря 2008 г. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/18/12/2008/5703d0fb9a79473dc814b464, дата обращения: 20.01.2025 г.

16. *Тимошенко В.* «Большая политика» вокруг российского газа. Независимая газета. 15 июня 2000 г. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2000-06-15/5_round_gas.html. Дата обращения: 14.12.2024 г.

17. Украина может получить $10 млрд в год от вступления в ТС – Глазьев. РИА Новости. 12 апреля 2011 г. Режим доступа: https://ria.ru/20110412/363746115.html, дата обращения: 25.01.2025 г.

18. Украина: вектор перемен. Под ред. Е.М.Кожокина. – М.: РОССПЭН, 1994, С. 28.

19. Шанс на транзит: что будет с экспортом российского через Украину. Forbes.ru. 8 ноября 2023 г. Режим доступа: https://www.forbes.ru/mneniya/499977-sans-na-tranzit-cto-budet-s-eksportom-rossijskogo-gaza-cerez-ukrainu?ysclid=m7ukirtzp0155024295, дата обращения: 28.02.2025 г.

20. *Ярош О.* Проблемы энергетической политики Украины // Мировая экономика и международные отношения. 2007, №4, С.30.

21. *Aslund A.* How Ukraine became a market economy and democracy. Washington D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2009. P. 106.

Жбанов Артем Михайлович
соискатель,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: Norvejsky@gmail.com

Artem M. Zhbanov,
Postgraduate,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: Norvejsky@gmail.com

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА – НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГИБРИДНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ. АСПЕКТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ И ПОДХОДОВ К ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ МЕР КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ В ЭКСПЕРТНОМ СООБЩЕСТВЕ СТРАН НАТО

COGNITIVE WARFARE AS A NEW REALITY OF HYBRID CONFRONTATION. REVIEW OF THE THEORETICAL CONCEPTS AND APPROACHES TO THE PRACTICAL APPLICATION OF COGNITIVE WARFARE MEASURES IN THE EXPERT COMMUNITY OF NATO COUNTRIES

Аннотация: в статье рассматриваются современные теоретические и методологические подходы экспертного сообщества стран НАТО к исследованию когнитивной компоненты гибридного противостояния держав. Проанализированы способы прикладной реализации методологических подходов в рамках нескольких направлений исследовательской мысли, анализирующих когнитивную войну и способы деструктивного воздействия на потенциального противника. Отдельно рассматриваются особенности нейроцентрического подхода к организации целей и методов воздействия в рамках когнитивной войны, а также дискуссия в научном сообществе относительно выделения когнитивной сферы в качестве самостоятельного

домена ведения боевых действий и потенциальные риски и угрозы для международной безопасности и национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: киберпространство, кибервойна, когнитивная война, гибридная война, международная безопасность, международная информационная безопасность, НАТО, информационная безопасность, информационная война, информационно-психологические операции, цифровизация, цифровой суверенитет.

Abstract: the article examines modern theoretical and methodological approaches of the expert community of NATO countries to the cognitive component of the hybrid warfare. The methods of applied implementation of methodological approaches within the framework of several areas of research thought that comprehend cognitive warfare and methods of destructive influence on a potential enemy are analyzed. The features of the neurocentric approach to the cognitive warfare goals and methods are analyzed. The allocation of the cognitive sphere as an independent domain of warfare and potential risks and threats to international security and the national security of the Russian Federation are considered.

Keywords: cyberspace, cyberwar, cognitive warfare, hybrid warfare, international security, international information security, NATO, information security, information warfare, information and psychological operations, digitalization, digital sovereignty.

Введение

С ростом международной напряженности возросла и актуальность научного осмысления современных подходов к организации гибридного противостояния в конфликтах низкой интенсивности между субъектами международной политики. Анализ современных проблем международной безопасности должен учитывать тенденции и развитие новых форм гибридной войны в контексте актуальной международной обстановки. Развитие технологического потенциала ведущих государств – участников современной системы международных отношений, в частности государств – членов Организации Североатлантического договора, демонстрирует расширение использования технологий в военных целях. Как отмечает В. Козюлин, технологии и методы цифровой эпохи коренным образом меняют возможности

в области обороны и безопасности, а борьба за стратегическое превосходство в XXI веке будет определяться скоростью внедрения в вооруженные силы инновационных технологий [**3**]. Одним из современных теоретико-методологических и организационных нововведений гибридного противостояния и неконвенциональных мер военного воздействия является концепция когнитивной войны, в основе которой лежит широкое развитие информационных технологий и расширение научных знаний в области поведенческих наук. Согласно достаточно широкому определению, используемому НАТО, когнитивная война представляет собой «действия, проводимые в сочетании с другими инструментами власти, которые влияют на отношение и поведение, воздействуя, защищая или нарушая когнитивные процессы на индивидуальном, групповом или популяционном уровне, чтобы получить преимущество над противником» [**15**]. Согласно одному из наиболее ранних определений концепции, представленному исследователями из центра Белфера О. Бэкесом и Э. Швабом, «когнитивная война – это стратегия, которая фокусируется на изменении образа мышления целевой аудитории и, следовательно, ее действий» [**6**].

Современные теоретико-методологические подходы к организации и планированию мер когнитивной войны в экспертном сообществе стран НАТО

На текущий момент в западном исследовательском сообществе определился ряд направлений, рассматривающих концепцию когнитивной войны с различных позиций. В целом различия в подходах касаются атрибутов и содержательного наполнения концепции, а также фундаментальной методологии организации достижения целей когнитивной войны.

Первый подход рассматривает когнитивную войну в логике развития информационно-психологического воздействия и делает акцент на информационной составляющей когнитивной войны. При определенном упрощении можно назвать данный подход «консервативным», поскольку в

рамках него используется ставшая обыденной система понятий и практик (в сравнении с другим направлением) для описания сущности и атрибутов когнитивной войны. Так, исследовательская группа из университета им. Д. Хопкинса в США сводит определение прикладной реализации когнитивной войны к «использованию общественного мнения в качестве оружия внешним субъектом с целью влияния на общественную и/или государственную политику или с целью дестабилизации действий правительства и/или институтов» [**7**, с. 10]. Эта же группа авторов определяет дезорганизацию и воздействие (влияние) в качестве главной цели когнитивной войны. Дезорганизация включает в себя делигитимацию действий власти, усиление поляризации в обществе, разрушение основных видов экономической деятельности, изоляцию общественных субъектов [**7**, с. 13]. Воздействие (влияние) в рамках данной концепции направлено на манипуляцию интерпретацией и пониманием окружающего мира объектом воздействия когнитивной войны [**7**, с. 19]. Данный подход в целом демонстрирует пересечения в определении когнитивной войны и многих современных подходах к понятию информационной войны. Авторы отмечают, что различия между концепциями состоят в том, что информационная война направлена на контроль над информацией во всех формах, а когнитивная война – на контроль над тем, как отдельные люди и социальные группы реагируют на информацию [**7**, с. 19]. В целом концептуальное содержание когнитивной войны в рамках данного подхода во многом пересекается либо полностью соответствует ранее описанным отечественными и зарубежными авторами концепциям информационной войны или информационно-психологических операций. Сущностные отличия в данном случае незначительны и представлены индивидуальными подходами к определению концепции различными авторами.

Второй подход обращает на себя внимание, поскольку выходит за рамки традиционного использования информации в военных целях и сосредотачивается на том, что когнитивная война может применять широкий

спектр мер для воздействия на то, каким образом мозг воспринимает и обрабатывает информацию. В частности, данный подход включает в себя использование кибернетических концепций и допускает применение биологических инструментов для достижения целей когнитивной войны. По мнению исследователей К. Деппе и Г.С. Шааля, концепция когнитивной войны опирается на междисциплинарные области нейробиологии, бихевиористики и цифровых технологий для влияния на когнитивные способности человека и нарушения их функционирования, что делает ее ключевым элементом современных конфликтов и стратегической конкуренции [**9**]. Акцент на углубленном междисциплинарном взаимодействии представляется важным в рамках теоретико-методологического осмысления подходов к целеполаганию и организации когнитивной войны. В экспертно-аналитическом сообществе НАТО рассматривается ряд организационных и теоретических моделей, которые должны предопределять целеполагание, реагирование и организацию процессов когнитивной войны. На текущий момент широкое освещение в сообществе экспертов, аффилированных с организацией НАТО по науке и технологиям (STO), получили модели «Дома» (House model), предложенной Б. Кноксом [**14**], и «Всеохватывающей бабочки» (Holistic bowtie model), предложенной Ф. Флемишем [**10**]. Концепция «Дома» включает в себя три магистральных направления деятельности, в рамках которых производятся исследования и последующая организация деструктивных направленных действий в сфере когнитивной войны:

— Нейробиологическое направление, рассматривающее биологическое проявление действий на индивидуальном и групповом уровне (biological interventions). Подразумевает под собой получение данных о психических реакциях и физических аспектах процессов принятия решений, наделения смыслом и общего функционирования мозга.

— Когнитивное и поведенческое направление, рассматривающее психологическое проявление действий (psychological interventions). Включает в себя вопросы исследования и организации психологических реакций в отношении процессов наделения смыслом, принятия решений, социального взаимодействия, поведения, воздействия, убеждения, коммуникации, доверия и веры.

— Социальное и культурное направление, в рамках которого рассматривается структурное воздействие (structural interventions) на крупные социальные субъекты (общества, нации). Включает в себя применение междисциплинарных подходов для более глубокого понимания и воздействия на структурные и институциональные факторы в социальных, экономических, политических и культурных процессах, которые формируют, принуждают, сдерживают или способствуют определенным формам индивидуального или коллективного поведения. В рамках данного направления рассматриваются проявления индивидуального и коллективного поведения, способного привести к существенным социальным изменениям.

Согласно организационной модели «Дома», планирование операций когнитивной войны осуществляется с учетом следующих факторов:

— аналитика и исследования, которые позволяют прогнозировать потенциальные результаты действий, а также оперировать необходимым инструментарием и методами воздействия;

— технологические требования (к данному фактору относится наличие средств доставки контента, доступа к средствам массовой информации или технологиям, которые позволяют реализовать операцию);

— способ воздействия (Modus Operandi);

— когнитивный эффект;

— ситуационная осведомленность;

— цель.

Модель «Всеохватывающей бабочки» (Holistic bowtie model), предложенная Ф. Флемишем, вдохновлена кибернетическим наследием Н. Винера [**12**] и делает акцент на том, что процесс человеческого познания включает в себя взаимодействие человека и компьютерных систем, которые взаимно влияют друг на друга и являются неотъемлемыми в реалиях когнитивной войны, учитывая развитие искусственного интеллекта и его использование в военных целях. Ф. Флемиш отмечает, что взаимодействие человека и компьютера, например в форме искусственного интеллекта, станет необходимым для ведения любой формы когнитивной войны, как наступательной, так и оборонительной. Чем больше когнитивных процессов обеспечивается компьютерными сетями, тем большее значение приобретает киберзащита. Аналогичное уравнение может быть справедливо и для ИИ: чем больше ИИ влияет на когнитивные процессы и, как мы надеемся, усиливает их, тем большее значение приобретает защита когнитивных процессов, в том числе с использованием военных средств [**12**].

Автор представляет познание как распределенное и взаимосвязанное явление и отсылает к теории распределенного познания Э. Хатчинса, которая предлагает рассматривать когнитивные процессы не только в рамках биологических процессов мозга, но и социокультурных систем, которые представляют собой инструменты для мышления и восприятия мира [**12**].

Модель «Всеохватывающей бабочки» заключается в обеспечении целостного взгляда на познание, распределенного между людьми, вычислительными машинами, «системами систем», организациями, обществами, окружающей средой, а также учитывает время.

В рамках данной модели Ф. Флемиш предлагает следующие цели в рамках краткосрочных, средне- и долгосрочных рекомендаций:

— Рассматривать когнитивную войну вне рамок исключительно человеческого познания.

— Когнитивная война может быть реализована на всех уровнях и во всех стратегических доменах (наземный, воздушный, морской и кибернетический домены ведения боевых действий), включая космос. При разработке мер нападения и защиты когнитивной войны необходимо учитывать факторы мышления людей, машин/искусственного интеллекта, социальных и социотехнических сетей, организаций, общества и глобальной среды.

— Для эффективного достижения целей когнитивной войны необходимо собрать и объединить усилия междисциплинарных команд военных, инженеров, специалистов по человеческому поведению, специалистов по кибербезопасности, ученых, занимающихся вопросами организации и общества, и политиков, чтобы усовершенствовать модели мышления, определить потенциальные векторы атак, а также разработать и внедрить потенциальные системы защиты.

Нейроцентрический подход к организации целей и методов воздействия в рамках когнитивной войны

Ряд авторов также выделяет нейроцентрический (neurocentric) подход к организации целей и процессов воздействия в рамках когнитивной войны, основанный на углубленном понимании когнитивных процессов индивида и общества, которые выступают в качестве объекта воздействия. Авторы нейроцентрического подхода отмечают, что организационно-методологические модели «Дома» и «Всеохватывающей бабочки», несмотря на их прикладную значимость и пользу по широкому внедрению концепции когнитивной войны в вооруженных силах, являются ограниченными чрезмерной антропоцентричностью, а также обобщением ряда концепций, которые препятствуют полноценному пониманию методов, целей и организационной составляющей когнитивной войны [**5**]. Концепция нейроцентрического подхода к организации целей и процессов воздействия в рамках когнитивной войны

предлагает рассматривать ее организационные и методологические рамки в первую очередь с позиции нейробиологии и ориентироваться на процесс познания и функционирования нейронных сетей, которые являются непосредственным «оператором» процесса познания. Процесс познания, будучи центральным объектом и целью воздействия когнитивной войны, может происходить как в биологических (человеческий мозг), технических (искусственный интеллект и нейронные сети), биотехнических (интерфейс мозг-компьютер, нейронное протезирование), так и в социотехнических (социальная сеть) и полностью социально-генерируемых сетях (государство). Используемый подход имеет ряд сходств с наследием Н. Винера и кибернетическими исследованиями середины XX века, поскольку оперативным доменом концепции устанавливается нейронная система, определяющаяся как физическая система, которая обрабатывает входные данные и производит выходные данные, а также может изменять активность ввода-вывода, трансформируя свое физическое состояние. Концепция также сосредоточена на ряде фундаментальных утверждений, которые, по мнению авторов, позволяют предотвратить «загрязнение» научного и информационного пространства когнитивной войны. Первый из них – это то, что социальные процессы воспроизводятся непосредственно мозгом, а человеческое (и машинное) сознание становится результатом деятельности физических систем (нейробиологических процессов в мозге, вычислительных процессов на базе компьютеров и операционных систем). Концепция нейроцентрического подхода выделяется на фоне остальных, поскольку она предлагает рассматривать в качестве нейронных систем организации и общества. Авторы аргументируют, что нейронные сети являются самовоспроизводящимися и подчиненными общей логике на всем пути усложнения биологических (начиная с субклеточного уровня живых организмов) и машинных форм интеллекта (транзисторы и логические элементы вычислительных машин) и впредь самовоспроизводятся в более сложных и иерархических формах (клеточный – организменный –

надорганизменный). Надорганизменными формами нейронных сетей могут выступать человеческие сообщества, поскольку система организации сознания сообщества подчиняется логике организации нейронных систем сознания индивидов, совокупность нейронных сетей которых является частью нейронной системы сообщества. В логике нейроцентрического подхода ликвидация выдающегося военного стратега представляет собой меру когнитивной войны, поскольку она лишает противника единицы, обеспечивающей интеллектуальные процессы внутри «государства-нейронной сети», идентичные процессам человеческого сознания. Аналогичным образом, если целью служит нервная система одного человека, то нарушение способности отдельных нейронов к вводу-выводу информации может привести к общему снижению способности нервной системы обрабатывать входные данные и производить выходные данные. Ликвидация или выведение из строя нервной системы военного стратега в таком случае становится идентичной физическому уничтожению определенного участка мозга. Примечательно, что стратегия привлечения наиболее талантливых ученых и инженеров из страны-потенциального противника (т.н. «утечка мозгов») также приводится авторами в качестве возможного примера когнитивной войны. Снижение когнитивных способностей населения страны – потенциального противника – происходит за счет как снижения общего качества интеллекта населения через комплекс массовых мер, так и особой работы, направленной на деградацию или вербовку наиболее интеллектуально развитой части населения.

Авторы нейроцентрического подхода предлагают организационную модель UnCODE определения целей когнитивной войны, которая включает в себя следующие меры:

— **Отключение/ликвидация** (Unplug) – меры, направленные на уничтожение или исключение конкретных людей, информационных систем (включая ИИ и вычислительные машины), группы, организации или нации, которые представляют угрозу. Оценка

данных целей должна исходить из того, как результаты деятельности целей влияют на деятельность других элементов (людей либо систем). Данная цель направлена на устранение одного из элементов целевой нейронной сети (которой, как уже упоминалось ранее, может выступать социальная группа либо нация-противник в целом), результаты деятельности которого способны существенно влиять на результаты деятельности других элементов (людей либо систем).

— **Повреждение/разложение** (Corrupt) – меры, направленные на снижение качества работы нейронных сетей по обработке информации. Они включают в себя нарушение работы отдельных элементов для достижения общего деструктивного эффекта, но не предполагают их устранение. Авторы предлагают аналогию, что если целевой популяцией является нервная система одного человека, то нарушение способности отдельных нейронов к вводу-выводу информации может привести к общему снижению способности нервной системы обрабатывать входные данные и производить выходные данные. Если целью служит искусственный интеллект, который для эффективной работы полагается на вычислительные кластеры, то повреждение отдельных компьютеров в кластере или связанной с ним инфраструктуре приведет к снижению его пропускной способности [**5**].

— **Дезорганизация** (Disorganize) – меры, направленные на влияние и искажение информации, которая производится внутри системы после ввода, для искажения выходных данных и получения желаемых результатов. В качестве примера авторы приводят дезинформацию, предоставляемую стратегической разведке, либо влияние на население противника с помощью микроорганизмов, которые способствуют более импульсивному поведению и увеличивают склонность к риску.

— **Диагностика** (Diagnose) – действия, направленные на изучение входных и выходных взаимосвязей нейронных систем целей, которые могут служить основой для разработки методов, используемых для достижения других целей когнитивной войны.

— **Усиление** (Enhance) – действия, направленные на получение асимметричных когнитивных преимуществ за счет повышения базовой производительности собственных нейронных систем в качестве альтернативы (или в тандеме) отключению, повреждению или дезорганизации противоборствующих нейронных систем.

Когнитивная сфера в качестве самостоятельного стратегического домена ведения боевых действий

Вместе с упомянутыми выше теоретико-методологическими концепциями в экспертном сообществе также наблюдается широкая дискуссия относительно внедрения нового стратегического домена (сферы) ведения боевых действий – человеческого сознания (human domain), который, по мнению некоторых экспертов, является ключевым доменом операций когнитивной войны. На текущий момент наблюдаются различия в терминологическом аппарате, наполнении и общем отношении к вопросу использования человеческого сознания в качестве отдельного стратегического домена. Стоит отметить, что заявления о необходимости обособления человеческого/когнитивного домена были впервые публично сделаны в 2020 году исследователем Х. Ле Гайдером – дипломированным инженером национальной Высшей школы электротехники, электроники, информатики, гидравлики и телекоммуникаций в Тулузе (ENSEEIHT). Х. Ле Гайдер совместно с А. Коулом написал эссе в формате художественного рассказа о возможных будущих изменениях структуры и деятельности НАТО, которые могут осуществиться в условиях принятия человеческого домена (Human Domain) в качестве шестого стратегического домена проведения операций НАТО [**8**]. Обособление человека и человеческого разума в частности в качестве отдельного стратегического домена ведения

боевых действий предполагает создание обособленной разветвленной структуры управления, командования и обеспечения операций. Тем не менее в экспертном сообществе НАТО на текущий момент не наблюдается консолидированной позиции относительно обособления данного явления в стратегический домен. В первую очередь существуют разногласия по терминологии, в частности должен ли домен называться «человеческим доменом» (Human Domain), включающим в себя больше направлений деятельности, либо «когнитивным доменом» (Cognitive Domain), который ограничен лишь вопросами деятельности, связанной с процессами мышления [**11**]. Также дискуссионным остается вопрос полного соответствия домена когнитивной войны критериям, которые отмечаются в работе П. Аллена и Д. Гилберта из Университета Джона Хопкинса, где представлена тщательно разработанная методология оценки того, можно ли рассматривать определенное явление в качестве стратегического домена. Авторы работы предлагают шесть ключевых характеристик предметной области, обладание которыми позволяет явлению считаться стратегическим доменом. Х. Ле Гайдер признает, что, согласно данной методологии, когнитивная сфера не может быть признана отдельным доменом, поскольку не попадает под второй критерий, а именно «домен не полностью охватывается каким-либо другим доменом», поскольку в своей конструкции является значительной частью «человеческого домена» [**11**]. Также автор отмечает, что в текущих реалиях милитаризации других отраслей науки и появляющихся пространств для ведения противостояния у когнитивного домена существует конкуренция в виде других возможных новых сфер противостояния. Авторы нейроцентрического подхода считают, что выделение «человеческого домена» в качестве отдельного домена ведения боевых действий противоречит логике развития когнитивной войны, в которой всё большее значение приобретают искусственный интеллект и системы, которые могут не подходить под критерии, излагаемые сторонниками «человеческого домена» ведения боевых действий. Кроме того, авторы нейроцентрического подхода отмечают, что как человеческий, так и

когнитивный аспекты ведения войны пронизывают все остальные домены и служат связующим звеном между ними, что также накладывает определенные ограничения на их обособление [**5**].

Заключение

Можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в экспертном сообществе стран НАТО ведется активная дискуссия и разработка новых форм гибридного противостояния, которые представляют новые риски и угрозы для Российской Федерации в условиях усугубления международной напряженности. Отдельного внимания заслуживает то, что концепция когнитивной войны предполагает в качестве цели деструктивного воздействия всё население потенциального противника. Расширение потенциальной деструктивной деятельности до таких масштабов можно охарактеризовать как новую реальность «тотальной гибридной войны», в условиях которой издержки от отсутствия мер защиты и противодействия становятся колоссально высокими для любого государства, выступающего в качестве объекта воздействия когнитивной войны. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) делает практически неизбежным их использование в планировании и осуществлении мер когнитивной войны в рамках разрабатываемых концепций, что может существенно снизить потенциальные издержки и ограничения представленных теоретических методологий при их практической реализации. Применение ИИ в сфере военного планирования и непосредственно в условиях боевых действий уже демонстрирует свою эффективность. Как отмечают О. Карпович и Р. Шангараев, западные разработки и технологии ИИ активно применяются Украиной против Российской Федерации с момента начала специальной военной операции, а сам конфликт предоставил западным странам возможность тестирования и апробации использования технологий ИИ в военных целях [**2**]. Авторы также подчеркивают, что текущие возможности и технологические ограничения ИИ формируют условия, в которых основные результаты его использования в

военных конфликтах представлены преимущественно влиянием на широкую совокупность факторов, прежде всего, в информационной, социальной и когнитивной сферах [**1**]. В. Козюлин отмечает, что применение ИИ в информационно-психологическом противоборстве делает латентные кампании по управлению восприятием более опасными [**4**]. Учитывая темпы развития ИИ, можно прогнозировать, что его применение в рамках когнитивной войны странами НАТО будет расширяться. Ситуацию усугубляет невозможность регулирования действий, которые могут классифицироваться как меры когнитивной войны в рамках международного права и международного гуманитарного права в обозримом будущем. С учетом текущих тенденций системы международной безопасности, которые можно охарактеризовать как деградацию, единственным способом купирования рисков, связанных с развитием НАТО новых форм и методов ведения гибридной войны, является развитие мер сдерживания и противодействия вместе с наращиванием потенциала ведения когнитивной войны Российской Федерацией.

Список литературы

1. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Когнитивные войны в контексте стратегических коммуникаций: монография / Дипломатическая академия МИД России. — М.: Дипломатическая академия МИД России, 2024. — 268 с.

2. Карпович О. Г. Новые цифровые военные технологии Запада на Украине против России / О. Г. Карпович, Р. Н. Шангараев // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2024. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_74396107_27844216.pdf (дата обращения 24.03.2025)

3. Козюлин В. Военная сила в международных отношениях: место для шага вперед // Российский совет по международным делам. 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennaya-sila-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-mesto-dlya-shaga-vpered/ (дата обращения 25.03.2025)

4. Пашенцев Е. Н. Искусственный интеллект и геополитика: доклад / Е. Н. Пашенцев, В. Б. Козюлин; ДА МИД России. – Москва, 2024. - 72с. URL:

https://www.academia.edu/126302460/Artificial_Intelligence_and_Geopolitics_Искусственный_интеллект_и_геополитика_ (дата обращения 01.04.2025)

5. Ask T., Lugo R., Sütterlin S., Canham M., Hermansen D., Knox B. The UnCODE System: A Neurocentric Systems Approach for Classifying the Goals and Methods of Cognitive Warfare. URL: https://www.researchgate.net/publication/383850591_The_UnCODE_System_A_Neurocentric_Systems_Approach_for_Classifying_the_Goals_and_Methods_of_Cognitive_Warfare (дата обращения 25.03.2025)

6. Backes O., Swab A. Cognitive Warfare: The Russian Threat to Election Integrity in the Baltic States. Paper, Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, November 2019. URL: https://www.belfercenter.org/publication/cognitive-warfare-russian-threat-election-integrity-baltic-states (дата обращения 28.03.2025)

7. Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., and Madreperla O. Cognitive Warfare - An Attack on Thought and Truth. Baltimore MD: Johns Hopkins University, 2020. URL: https://2050.su/wp-content/uploads/bg_forreaders/cognitive-warfare-an-attack-on-truth-and-thought_587.pdf (дата обращения 20.03.2025)

8. Cole A., Hervé Le Guyader. NATO's Sixth Domain of Operations? NATO Innovation Hub 2020. URL: https://www.projectcensored.org/wp-content/uploads/2023/01/Cognitive-a-6th-Domain-of-Operations.pdf (дата обращения 20.03.2025)

9. Deppe C. and Schaal G.S. Cognitive warfare: a conceptual analysis of the NATO ACT cognitive warfare exploratory concept // Frontiers in Big Data 01.11.2024. URL: https://www.frontiersin.org/journals/big-data/articles/10.3389/fdata.2024.1452129/full (дата обращения 21.03.2025)

10. Flemisch F. HUMAN-MACHINE TEAMING TOWARDS A HOLISTIC UNDERSTANDING OF COGNITIVE WARFARE Germany // Mitigating and Responding to Cognitive. Warfare This technical report documents the findings of HFM Exploratory Team 356. P. 88 – 99. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/369305190_Mitigating_and_Responding_to_Cognitive_Warfare (дата обращения 21.03.2025)

11. Hervé Le Guyader. Cognitive Domain: A Sixth Domain of Operations. Bernard Claverie; Baptiste Prébot; Norbou Buchler; François du Cluzel. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance, NATO Collaboration Support Office, pp.3, 1-5. URL: https://hal.science/hal-03635898/document (дата обращения 22.03.2025)

12. Hutchins E. Cognition in the wild. Cambridge, Mass.: MIT Press 1995

13. Hutchins, E. (1992) Where is the intelligence in a system of socially distributed cognition? Unpublished manuscript. Cognitive Science Department, University of California, San Diego.

14. Knox B.J. TOWARDS A SCIENCE AND TECHNOLOGICAL FRAMEWORK “THE HOUSE MODEL”. Norway // Mitigating and Responding to Cognitive. Warfare This technical report documents the findings of HFM Exploratory Team 356. p. 34-46. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/369305190_Mitigating_and_Responding_to_Cognitive_Warfare (дата обращения 28.03.2025)

15. NATO's Strategic Warfare Development Command. Allied Command Transformation: Cognitive Warfare. NORFOLK, VA. URL: https://www.act.nato.int/activities/cognitive-warfare (дата обращения 28.03.2025)

Кашина Анна Анатольевна,
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник,
Институт Африки Российской академии наук,
e-mail: kash_anechka@mail.ru

Anna A. Kashina,
PhD (Political Science),
Senior Researcher of the Centre for North African and African Horn Studies,
Institute for African Studies (RAS),
e-mail: kash_anechka@mail.ru

ПОЗИЦИЯ СТРАН МАГРИБА В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ БАЗ НА СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

POSITION OF THE MAGHREB COUNTRIES REGARDING FOREIGN MILITARY BASES ON THEIR TERRITORY: YESTERDAY AND TODAY

Аннотация: с момента обретения независимости страны Магриба – Тунис, Алжир и Марокко – принимали за аксиому положение о том, что создание у себя военной базы иностранного государства неизменно будет представлять угрозу суверенитету и национальной безопасности. Однако на фоне усугубления положения в сфере безопасности в регионе, обострения западно-сахарского конфликта и усиления международной напряженности в информационной повестке здесь начал вставать вопрос о планах сооружения иностранных военных баз. В статье делается вывод, что происходит смягчение позиции государств Магриба в отношении иностранного военного присутствия, однако организации иностранных военных баз пока не наблюдается. Вопрос о военных базах используется в качестве инструмента взаимного давления и балансирования в отношениях с мировыми державами.

Ключевые слова: Магриб, Алжир, Тунис, Марокко, военные базы, безопасность, военное сотрудничество.

Abstract: since gaining independence, the Maghreb countries – Tunisia, Algeria and Morocco – have taken it as an axiom that the establishment of a foreign military base will invariably pose a threat to sovereignty and national security. However, against the backdrop of the exacerbation of the security situation in the region, the

aggravation of the Western Saharan conflict and the increase in international tensions, the issue of plans to build foreign military bases began to arise on the regional information agenda. The article concludes that there is a softening of the position of the Maghreb states regarding the foreign military presence, but the organization of foreign military bases has not yet been observed. The issue of military bases is used as an instrument of mutual pressure and balancing in relations with world powers.

Keywords: Maghreb, Algeria, Tunisia, Morocco, military bases, security, military cooperation.

С момента завоевания независимости страны Магриба – Тунис, Алжир и Марокко – принимали как аксиому положение о том, что создание на своей территории военной базы иностранного государства априори будет представлять угрозу суверенитету и национальной безопасности. Это было, с одной стороны, следствием антиколониальной борьбы, а с другой – политики нейтралитета и сознательного отказа от участия в военно-политических блоках. Кроме того, долгое время доминировало мнение, что никто лучше местной армии и служб охраны правопорядка не может ни победить терроризм, ни дать отпор внутриполитическим вызовам, а неоправданное обращение к иностранным военным специалистам нанесет имиджевые потери этим госструктурам [**39**]. Поэтому, даже вопреки убеждению о том, что терроризм – это глобальная угроза, любые предложения со стороны мировых держав и международных организаций о создании военных баз на территории стран Магриба, в частности под предлогом помощи в борьбе с терроризмом, решительно отвергались. «Африканская безопасность должна быть заботой самих африканцев», – полагали лидеры Алжира, Марокко и Туниса [**2**, с. 71].

Между тем к 2015 году оказалось, что среди 30 тыс. боевиков-экстремистов, сражавшихся в Сирии и Ираке, около 6,5 тыс. были тунисцами (еще столько же не доехало благодаря бдительности пограничников) и чуть более 1,3 тыс. – марокканцами. Алжирские спецслужбы беспрерывно боролись с не ослаблявшими хватку террористами группировки «Аль-Каида» в странах исламского Магриба (АКИМ), наследницы «черного десятилетия» (1991–2002

годы). Окопавшиеся в Ливии радикальные террористические группировки – ИГИЛ, «Аль-Каида», «Ансар Аш-Шариа» (запрещены в РФ) и др. – дестабилизировали весь регион Северной Африки и Сахеля. Ливия превратилась в тренировочный полигон для боевиков всех мастей, которые отсюда планировали теракты в соседних странах [**18**, с. 6]. На этом фоне СМИ стали то и дело сообщать о закулисных договоренностях, в частности с Россией, об усилении иностранного военного присутствия в регионе.

Смена парадигмы восприятия вопроса о присутствии иностранных военных

Когда в 2011 году в Ливии разгорелась гражданская война и Тунис страдал от всплеска террористической активности, блок НАТО выдвинул инициативу разместить на военно-воздушной базе близ порта Габес базу альянса якобы ради охраны ливийско-тунисской границы. План был увязан с предоставлением Тунису финансовой помощи размером 3 млн евро. Однако эти предложения были категорически отвергнуты [**17**; **15**]. Сходным образом аналогичные предложения были отклонены повторно в 2018 году. Внятный ответ дал тогда министр обороны Туниса Абделькарим Збиди, который заявил: «Ни одна пядь тунисской земли не находится вне государственной юрисдикции, поскольку на нашей территории не располагается ни одной иностранной военной базы» [**33**].

В 2014 году главнокомандующий ВС США в Африке (АФРИКОМ) генерал Дэвид Родригес официально направил Тунису просьбу об организации американской военной базы на территории, приграничной с Ливией и Алжиром, под предлогом необходимости мониторинга действий террористических группировок, действовавших в Ливии [**40**]. Формальной причиной отказа тогда послужило то, что конституция Туниса запрещает размещение иностранных военных баз. Справедливости ради, несмотря на все усилия Вашингтона придать силам АФРИКОМ «преимущественно гуманитарный характер», пока ни одна из ведущих африканских стран не дала согласие на официальное размещение на своей территории командно-штабных элементов [**4**, с. 286].

Переломный момент настал в 2015 году. Американо-тунисское взаимодействие в военной сфере обретало документальные рамки. Особую важность здесь имело сотрудничество в ливийском кризисе: противодействие экстремистам и координация процесса мирного урегулирования, где Тунис выступал в роли медиатора (наряду с Египтом и Алжиром). Предположительно, в рамках Меморандума о долгосрочном сотрудничестве, подписанного 20 мая 2015 года со стороны США госсекретарем Джоном Керри, а со стороны Туниса – советником президента Мохсеном Марзуком, Тунис начал не только обмениваться с американскими военными чувствительной информацией, приобретать «товары военного назначения и услуги», но и передавать в пользование любые «вспомогательные средства» и инфраструктурные объекты [**19**]. В 2015 году Тунис получил статус основного союзника США вне НАТО. Посыпался шквал критики от местных оппозиционеров, уверявших, что меморандум ущемляет национальный суверенитет. Министр обороны Туниса Фархат Хоршани в сентябре 2017 года оправдал наличие американских военных специалистов, занимавшихся, в частности, установкой электронной системы мониторинга юго-восточной границы в провинции Татавина, так: «Присутствие американских военных еще не означает наличие военной базы» [**26**].

В свою очередь, американские чиновники не опровергали факт использования с разрешения тунисского правительства базы ВВС Сиди Ахмед в Бизерте на северо-западе страны для размещения своих беспилотных летательных аппаратов. Этот факт получил огласку в СМИ в связи с делом полковника Дениса Бакета об изнасиловании женщины-пилота в 2016 году [**38**]. По сведениям открытых источников, база находилась под управлением 70 американских военных [**25**]. По другим сведениям, американские военные дислоцировались также на базах в районе города Бен Гердан близ ливийской границы, а также города Зарзис на юге Туниса [**35**]. В пресс-релизе тунисских ВС по итогам международного сотрудничества в 2017–2019 годах указано, что при иностранном участии был подготовлен корпус сил спецназа и корпус

морпехов, организован учебный центр по разминированию, а также при участии ФРГ и Италии оборудованы разнопрофильные учебные корпуса военных учебных заведений [**30**].

В настоящее время между Тунисом и США действует Дорожная карта военного сотрудничества до 2030 года. В ее рамках предусматривается поддержка тунисских ВС в обеспечении безопасности, в частности, на границе с Ливией. Частью соглашения является обязательство США обучать тунисских специалистов управляться с американской техникой в случае приобретения ее тунисской стороной. Известно, что на базе Сиди Ахмед с 2021 года до конца 2024 года происходила передача тунисским ВВС последовательно трех военно-транспортных самолетов С-130. Кроме того, в 2024 году Тунису были переданы четыре самолета С-208 (на столичной базе Эль-Ауина), а ранее партия из 24 вертолетов OH58D, несколько скороходных катеров и другая военная техника.

В ходе подписания Дорожной карты 30 сентября 2020 года министр обороны США Марк Эспер отметил, что цель соглашения – «стратегическая конкуренция с Китаем и Россией» [**32**]. После усиления авторитарных аккордов в политике тунисского президента Каиса Саида, занявшего этот пост в 2019 году и переизбранного в 2024 году, действительно возникли опасения по поводу переориентации Туниса с «западного лагеря» на конкурентов. Опубликованное на этом фоне 19 мая 2024 года сообщение о якобы приземлившемся на о. Джерба российском военном самолете [**10**] эти опасения подкрепляло.

Тунисского президента стали подозревать в политическом сближении с Москвой, якобы укрепившей позиции в Алжире и Ливии. Однако двустороннее взаимодействие Туниса и РФ опирается на вступившее в силу в 2017 году соглашение о военно-техническом сотрудничестве, носящее, по сравнению с Дорожной картой США, общий характер. С 2016 года РФ стала передавать Тунису данные своих спутников о дислокации террористических группировок в регионе Магриба [**13**, с. 37]. Сформированная в 2019 году смешанная российско-тунисская межправкомиссия по вопросам военно-технического сотрудничества

только делает первые шаги. В декабре 2019 года состоялся заход корабля «Перекоп» Балтийского флота ВМФ России в столичный порт Ля Гулет – впервые за 10 лет, что не свидетельствует об интенсивности контактов. Более перспективными, чем военные, направлениями российско-тунисского сотрудничества по-прежнему считаются экономическое, научно-техническое и энергетическое.

Таким образом, официальная позиция Туниса по вопросу иностранных военных баз остается неизменной. «Мы никогда не допустим, чтобы хотя бы одна песчинка или капля воды, будучи частью тунисской земли, утратила суверенитет», – заявлял тунисский президент 25 июня 2024 года в ходе празднования 68-й годовщины основания вооруженных сил Туниса [**23**]. Категоричности этого утверждения не противоречит обозначившаяся после 2011 года тенденция принятия того, что нахождение иностранных военных неизбежно для решения задач в сфере безопасности. В этом состоит смягчение позиции в отношении иностранного военного присутствия. Нахождение американских военных в Тунисе стало трудно скрываемым фактом, нахождение российских – скорее спекулятивным инструментом информационной войны.

Фактор западно-сахарского конфликта

Для оценки иностранного присутствия в Северной Африке важна динамика западно-сахарского конфликта. Алжир разорвал дипломатические отношения с Марокко в августе 2021 года, по официальной версии, из-за враждебных действий королевства и во избежание начала войны между соседними странами. Бесконечная череда взаимных упреков и подозрений не должна скрывать ключевых факторов, вызывавших раздражение алжирской стороны. Первый из них – нормализация отношений Марокко с Израилем в декабре 2020 года, а второй – тенденция развития ситуации вокруг Западной Сахары в пользу Марокко. Особенно после того, как в конце 2020 года президент США Дональд Трамп подписал декларацию о признании суверенитета Марокко над спорным регионом (в обмен на присоединение Марокко к «соглашениям

Авраама»). Кроме того, Марокко предприняло ряд успешных усилий по дипломатическому продвижению признания территориальных прав королевства, и в городах Дахла и Эль-Аюн (в марокканской части Западной Сахары) свои консульства открыли уже почти 30 государств, среди которых ОАЭ, Иордания, Бахрейн, Чад, Гватемала. Получено соответствующее обещание и от США.

Алжир вынужден был реагировать. Ранее, в 2003 году, в республике не поддержали предложение о развертывании здесь китайской военной базы. В 2013 году отклонили аналогичное предложение России. Однако в апреле 2021 года в СМИ появились сообщения о намерении РФ соорудить в Алжире российскую военную базу [**41**]. В качестве косвенного подтверждения приводился факт, что сразу ряд российских военных делегаций посетил главную базу ВМФ Мерс-эль-Кебир в провинции Оран. Расположенная на северо-западе страны, недалеко от границы с Марокко, эта укрепленная база с глубоководными гротами для подводных лодок была со всей основательностью заложена французами в 1937 году, в колониальный период. Однако даже в «золотые» времена советско-алжирской дружбы алжирцы не предлагали ее совместное использование СССР, т.к. «мешала линия на самостоятельность» [**4**, с. 22]. В 2021 году алжирские официальные источники не опровергли и не подтвердили информацию о планах, связанных с базой, сославшись на конфиденциальность. Летом 2023 года французский журналист Шарль Вильнев рассуждал о наличии российской военной базы в алжирском Тендуфе для подготовки бойцов ПОЛИСАРИО как состоявшемся факте [**12**]. Лишенные доказательств, подобные рассуждения отягощают дискурс и способствуют эскалации.

Это не оставалось без внимания Марокко, а также США, которые не желали допустить усиления российского влияния в Африке. Выводы доклада, представленного в 2021 году директором ЦРУ Уильямом Бернсом, о том, что РФ планирует усилить свои стратегические позиции в ряде африканских стран, сильно беспокоили американское руководство. Планы РФ, согласно докладу,

предполагали создание не просто военной базы на территории Алжира, а крупного логистического объекта, открывавшего доступ к странам южнее Сахары. По сведениям газеты Independent, президент США Джо Байден на совещании с высокопоставленными американскими чиновниками в конце 2022 года озвучил стремление включить Марокко, главного союзника США в Северной Африке, «в глобальную военную формулу», усилив оборонительные способности королевства и облегчив инвестиции в ВПК на его территории [**42**]. Это стало толчком к сближению в военно-технической сфере.

Марокко является одним из основных союзников США вне НАТО с 2004 года. В 2005 году королевство стало участником американской программы «Транссахарское контртеррористическое партнерство». В 2014 году вступило в антитеррористическую коалицию во главе с США для борьбы с ИГИЛ. Заключенное в октябре 2020 года Соглашение о военно-техническом сотрудничестве между двумя странами было дополнено в мае 2024 года десятилетней Дорожной картой военного сотрудничества, по своей сути аналогичной той, что была параллельно подписана с Тунисом. В ее рамках предусмотрены обучение марокканских военнослужащих и заключение контрактов на покупку американской военной техники [**14**]. На данный момент Марокко является крупнейшим импортером американских вооружений в Африке и, например, единственной североафриканской страной, имеющей на вооружении РСЗО Хаймарс [**24**]. В Марокко, так же как и в Тунисе, работают военные специалисты и консультанты США, численность которых, согласно открытым источникам, в 2021 году не превышала 32 человек [**36**]. До 1956 года в Марокко располагалось пять военных баз США: Бен Герира, Нуасер, Сиди-Слиман, Бен Слиман и Кунейтра. К 1963 году все они были полностью переданы Марокко. С учетом этого в случае необходимости американские военные, скорее всего, имели возможность использовать в своих целях марокканские военные базы, но постоянное дислоцирование не находили целесообразным. Королевство, в свою очередь, стремилось к укреплению суверенитета и

неодобрительно относилось, например, к идее переноса из Штутгарта в Марокко базы АФРИКОМ [**34**]. Между тем в январе 2023 года было объявлено о намерении США создать в Марокко американскую «военно-промышленную базу» [**31**]. Речь шла о локализации производства компонентов военной техники, однако далее уточнений не последовало, а некоторые источники целиком опровергли вероятность подобной американской базы [**22**].

Совершенно новым поворотом стало налаживание сотрудничества Марокко с Израилем. После нормализации отношений в 2020 году появились слухи о готовности Марокко предоставить территорию чуть южнее города Мелилья под израильскую военную базу [**28**]. Усиление Рабата за счет израильских передовых технологий потенциально смещало баланс не в пользу Алжира, который уже уличил Марокко в применении скандально известного программного обеспечения Pegasus израильского производства для слежки за алжирскими официальными лицами. Марокко и Израиль подписали в 2021 году меморандум о взаимопонимании в сфере безопасности, после чего Марокко не только заключило соглашения с израильскими оборонительными компаниями на поставку беспилотников, но и ожидает на втором этапе сотрудничества получить израильские военные технологии. На территории королевства будет размещен завод по производству израильских разведывательных и боевых беспилотников. Согласно СМИ, список совместной израильско-марокканской продукции военного завода близ Касабланки может также включать ракеты малой и средней дальности, бронемашины и танки. Сотрудничество предполагает совместные учения, поставку военной техники и тесные связи между военно-промышленными комплексами двух стран [**3**; **16**]. Двустороннее сотрудничество в военно-технической сфере замедлилось после вторжения ХАМАС в Израиль 7 октября 2023 года, но не было сведено на нет. Так, завод по производству дронов вида ThunderB, WanderB и SpyX уже физически построен, его запуск ожидается в ближайшее время [**29**]. В 2023 году Израиль занял 3-е место по объему поставок военной техники в Марокко после США (69%) и Франции (14%) [**37**].

Между тем СМИ представляли ситуацию вокруг западносахарского конфликта как процесс формирования двух полюсов: Алжира и России (вероятно, также Китая), с одной стороны, против Марокко, США и Израиля – с другой. Директор Европейского центра ближневосточных исследований Стар Джибар отметил, что между Москвой и Вашингтоном разворачивается противостояние, которое втягивает и союзников. При этом США обладают достаточными ресурсами, чтобы осуществить план строительства военно-логистической базы. Это может спровоцировать Алжир к симметричным действиям, предоставит возможности РФ, Китаю или Ирану для строительства аналогичных объектов в Алжире. Тем не менее большинство экспертов исключает военный сценарий развития западносахарского конфликта, полагая, что разрыв дипломатических отношений между Алжиром и Марокко адекватно отражает уровень взаимоотношений. Так, военно-политический аналитик Аднан Мухтали опроверг вероятность создания иностранных военных баз, будь то российской в Алжире, или американской/израильской в Марокко. По его мнению, силы мировых держав сконцентрированы на других международных конфликтах, а также кризисах финансово-экономической плоскости.

Милитаризация Алжира, который в 2024 году в рейтинге *Global Firepower* занял 26-е место из 145 стран рейтинга (Марокко – лишь 61-е) [**11**] и у которого самый крупный военный бюджет на континенте [**1**, с. 150], является скорее неизменным элементом внутренней политики, где армия участвует в политике и где за армией признается роль руководящей силы в народном менталитете [**7**, с. 27]. Вооруженный конфликт за Западную Сахару не выгоден Марокко при вероятной тенденции его урегулирования в пользу Марокко по дипломатическим каналам. Кроме того, Марокко проявляет прагматизм, одновременно поднимая уровень сотрудничества с Москвой. Проводя переговоры с США, Марокко не отказывается принимать на стоянку и ремонт российские корабли, сотрудничает с РФ в области цифровых технологий, автомобилестроения, сельского хозяйства. Королевство закупает у России

дизельное топливо и бензин. В 2023 году был открыт прямой рейс из Москвы в Касабланку.

Таким образом, обострение кризиса отношений между Алжиром и Марокко спровоцировало риторику о возможном создании иностранных военных баз на их территории. Некоторые аналитики связывают данную риторику с конфронтацией мировых держав. Притом достоверных доказательств сооружения иностранной военной базы в какой-либо из стран Магриба пока не имеется. Переход западносахарского конфликта в вооруженную фазу в основном рассматривается как маловероятный.

Заключение

Как бы африканцы ни противостояли неоколониальному дискурсу, разворачивающаяся риторика о планах сооружения иностранных военных баз в регионе Северной Африки является свидетельством того, что борьба за ресурсы континента не утихает и даже подстегивает сами африканские страны спекулировать и использовать эту риторику в информационной войне. На благодатной почве обострения кризиса между Алжиром и Марокко эти государства с 2021 года стали выносить вопрос об иностранных военных базах на повестку впервые с момента обретения независимости, используя его в качестве **инструмента взаимного давления**. В случае Туниса вопрос об американской военной базе поднимался в связи с внутриполитической борьбой. Достоверных доказательств сооружения иностранной военной базы в какой-либо из стран Магриба не имеется, и в действительности страны Магриба по-прежнему считают национальный суверенитет незыблемым приоритетом. Вместе с тем фиксировался существенный **сдвиг в сторону смягчения позиции** государств региона относительно допустимости и степени иностранного военного присутствия. А в сплочении усилий государств ради пресечения терроризма заложена потенциальная возможность гармонизации международных усилий в рамках глобального управления [**9**, с. 37].

В Тунисе, пережившем громкие теракты в 2015 и 2019 годах, возобладало мнение, что нахождение иностранных военных неизбежно для решения задач сферы безопасности. Это привело к углублению сотрудничества с США в военной сфере. Нахождение американских военных специалистов на некоторых базах в Тунисе подтверждается официальными источниками. Уровень военного взаимодействия США с Марокко также повышается, хотя подробностей о запланированном сооружении американской материально-технической военной базы пока недостаточно. Исключительно перспективным представляется мароккано-израильское сотрудничество в сфере ВПК, которое, несмотря на противодействие «арабской улицы», уже имеет вполне ясные контуры. Передача военных технологий и локализация в Марокко производства израильских беспилотников, ракет и танков однозначно усилит позиции королевства против нарастающей милитаризации Алжира. В свою очередь, власти Алжира продолжают традиционное взаимодействие с военно-промышленным комплексом РФ, но информация о вероятной работе или помощи Алжиру российских военных специалистов остается конфиденциальной. Фокус на достижение суверенизации, самостоятельности и самодостаточности минимизирует перспективу сооружения в Алжире какой-либо иностранной военной базы.

Кроме того, для Алжира и Марокко вопрос об углублении военного взаимодействия с партнерами – это **инструмент балансирования** в условиях конфронтации более крупных игроков. Представление процесса как формирования двух полюсов: Алжира, России и Китая, с одной стороны, против Марокко, США и Израиля – с другой, не полностью корректно. Оно игнорирует, в частности, наличие прочных торговых связей как между Алжиром и США, так и между Марокко и РФ. Разрядка в отношениях РФ и США вряд ли повлечет ослабление алжиро-марокканского противостояния, которое имеет глубокие исторические корни и не сводится к западносахарскому конфликту. В нынешних

условиях переход западносахарского конфликта в вооруженную фазу большинством экспертов рассматривается как маловероятный.

Отдельным важным фактором в восприятии иностранного военного присутствия является информационный фон о планах создания новых военных баз РФ в Судане, Нигере [**8**], ЦАР [**5**] и, вероятно, Ливии. Ряд международных СМИ сообщил, что в связи с падением в Сирии режима Башара Асада 8 декабря 2024 года Россия начала переброску в Ливию военных и техники с российских баз Хмеймим и Тартус. По утверждению западных СМИ, спутники засекли вывод российских военно-транспортных самолетов с военной техникой (в т.ч. радарами и ЗРК С-300 и С-400), а также судов в Тобрук [**21**]. Вместе с тем, с точки зрения арабских аналитиков, положение альтернативной российской базы в Ливии, скорее всего, не будет таким же «удобным», как в Сирии [**20**]. Переговоры о сохранении российских баз в Сирии продолжаются, а переговоры о постоянной российской базе в Ливии, ведущиеся с 2011 года, пока не увенчались успехом на официальном уровне. Как бы то ни было, нарастание российского присутствия в Ливии может стать дополнительным стимулом в прогрессе подобных переговоров с алжирской стороной.

Список литературы

1. Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник / А.А. Маслов, В.Ю. Свиридов и др.; под общ. ред. А.А. Маслова. – 2-е изд., доп. – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2023. – 224 с.

2. Африка в современных международных отношениях // Отв. ред. Корендясов Е.Н., Шубин В.Г. - М.: ИАфр РАН, 2011. – 244 с.

3. Беленькая М. Израиль и Марокко установили беспилотные отношения. Коммерсантъ. 01.12.2021. https://www.kommersant.ru/doc/5100640 (accessed 07.12.2024);

4. Ближний Восток и Северная Африка. Процессы модернизации и международная безопасность. // под ред. А.А. Ткаченко. - М.: ИАфр РАН, 2016. - 376 с.

5. Бушев А. Посол Бикантов рассказал о создании в Африке российской военной базы. Интернет-портал «Российской газеты». 26.01.2024.

https://rg.ru/2024/01/26/posol-bikantov-rasskazal-o-sozdanii-na-iuge-afriki-rossijskoj-voennoj-bazy.html (accessed 08.01.2025)

6. Воспоминания участников оказания помощи Алжирской Народной Демократической Республике (1960-е – 200-е гг.) // Отв. ред. и сост. А.А. Токарев. – М.: Издательство «Весь мир», 2014 г. - 164 с.

7. Комар В.И. Власть, ислам и общество в Алжире // Ученые записки. Вып. 8. 1999. М., ИАфр РАН. – 32 с.

8. Российские военные разместились на базе США в Нигере. РБК. 03.05.2024. https://www.rbc.ru/politics/03/05/2024/663400499a7947ad2ba3c648 (accessed 08.01.2025)

9. Фитуни Л.Л. Институты глобального управления в системе противодействия международному терроризму // Ученые записки Института Африки РАН. №1 (35), 2016. С. 33-43.

10. Bobin F., Gasteli N. La Tunisie, cible des attentions croissantes de la Russie. Le Monde. 22.05.2024. https://www.lemonde.fr/afrique/article/2024/05/22/la-tunisie-cible-des-attentions-croissantes-de-moscou_6234820_3212.html (accessed 10.01.2025)

11. Comparison of Algeria and Morocco Military Strengths (2024). *Global Firepower*. https://www.globalfirepower.com/countries-comparison-detail.php?country1=algeria&country2=morocco (accessed 05.10.2024)

12. Europe1: «La Russie construit une base militaire à Tindouf». *Le Petit Journal Marocain*. 17.06.2023. https://www.lepetitjournalmarocain.com/2023/06/17/video-la-russie-construit-une-base-militaire-a-tindouf/ (accessed 01.10.2024)

13. Friend A. H. U.S. National Security and Defense Goals in Africa: A Curious Disconnect // *Defense Outlook, 2018.* Center for Strategic and International Studies (CSIS). Pp. 36–38. http://www.jstor.org/stable/resrep22448.12. (accessed 21.01. 2025).

14. Garamone J. U.S., Morocco Chart Defense Cooperation Through 2030. Department of Defense News. 02.10.2020. https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2369742/us-morocco-chart-defense-cooperation-through-2030/ (accessed 11.12.2024)

15. Hall K. Tunisia denies more allegations of hosting U.S. military base. *Morocco World News*. 31.07.2015. https://www.moroccoworldnews.com/2015/07/164377/tunisia-denies-more-allegations-of-hosting-u-s-military-base (accessed 21.10.2024)

16. Israel plans to set up two military equipment factories in Morocco. Atalayar. 16.06.2023. https://www.atalayar.com/en/articulo/politics/israel-plans-to-set-up-two-military-equipment-factories-in-morocco/20230616115722186756.html (accessed 07.12.2024)

17. Loué R. La Tunisie ne veut pas d'une base de l'Otan sur son sol. *Africa News*. 14.02.2018. https://fr.africanews.com/2018/02/14/la-tunisie-ne-veut-pas-d-une-base-de-l-otan-sur-son-sol/ (accessed 09.11.2024);

18. McQuaid J., Thurston A., Faber P., Knoll D., Stoil J. The Same, Yet Different: United States and Gulf State Interests in the Post-Arab Spring Maghreb // CNA Analysis and Solutions. 2017. Pp. 43.

19. Memorandum Of Understanding Between the Republik of Tunisia and The United States of America. https://cdn.nawaat.org/wp-content/uploads/2015/08/Memorandom-US-tunisie.pdf (accessed 15.10.2024).

20. Russia eyes Libya to replace Syria as strategic base for operations in Africa. The Arab Weekly. 11.01.2025. https://thearabweekly.com/russia-eyes-libya-replace-syria-strategic-base-operations-africa (accessed 17.01.2025)

21. Schaer C. Russian military: Moving from Syria to Libya? DW. 18.12.2024. https://www.dw.com/en/russian-military-moving-from-syria-to-libya/a-71097602 (accessed 12.01.2025)

22. Sous prétexte d'une rumeur de renseignement liée à l'Algérie, l'Amérique s'apprête à établir une base militaire au Maroc. *Algerie Focus*. 20.05.2024. https://www.algerie-focus.com/sous-pretexte-dune-rumeur-de-renseignement-liee-a-lalgerie-lamerique-sapprete-a-etablir-une-base-militaire-au-maroc/ (accessed 07.09.2024)

23. Tunisia denies of presence foreign military bases on its soil. The Arab Weekly. 25.06.2024. https://thearabweekly.com/tunisia-denies-presence-foreign-military-bases-its-soil (accessed 12.09.2024)

24. U.S. Security Cooperation with Morocco. Fact Sheet. US Department of State. 08.04.2024. https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-morocco/

25. US military base in Tunisia: US confirms, Tunisian authorities kick in touch. *Africa News Agency*. 27.02.2018. https://africa-news-agency.com/base-militaire-americaine-en-tunisie-les-usa-confirment-les-autorites-tunisiennes-bottent-en-touche/ (accessed 09.09.2024)

26. "وجود قاعدة عسكرية أمريكية في تونس": وزير الدفاع الوطني يوضّح (The presence of a US military base in Tunisia": the Minister of National Defense clarifies). (In Arab.) *Nessma*. 07.09.2017. https://www.nessma.tv/ar/أخبار-وطنية/actu/-وجود-قاعدة-عسكرية-أمريكية-في-تونس-وزير-الدفاع-الوطني-يوضّح-9776/49537 (accessed 06.11.2024)

27. US to build military industrial base in Morocco. Middle East Monitor. 17.01.2023. https://www.middleeastmonitor.com/20230117-us-to-build-military-industrial-base-in-morocco/ (accessed 17.11.2024)

28. أبي بشرايا البشير: تنازلات خطيرة قدمها نظام المخزن المغربي للكيان الصهيوني (Abi Bechraya al-Bashir: Dangerous concessions made by the Moroccan Makhzen regime to Israel). (In Arab.) Radio Algerie. 05.06.2024. https://news.radioalgerie.dz/ar/node/46719 (accessed 12.12.2024)

29. "إسرائيل تحول المغرب إلى مصنّع مهم لأسلحة "حاسمة (Israel turns Morocco into an important manufacturer of 'crucial' weapons) (In Arab.). Alhurra. 10.05.2024. https://www.alhurra.com/morocco/2024/05/10/إسرائيل-تحول-المغرب-مصنّع-مهم-لأسلحة-حاسمة (accessed 12.12.2024)

30. الموقع الإعلامي وزارة 2019 إلى سبتمبر 2017إنجازات وزارة الدفاع الوطني من سبتمبر . الدفاع الوطني. (Achievements of the Ministry of National Defense from September 2017 to September 2019.) (In Arab.) *Media website of the Ministry of National Defense.* 28.10.2019. https://press.defense.tn/20/إنجازات-وزارة-الدفاع-الوطني-من-سبتمبر- (accessed 17.11.2024)

31. البنتاغون والقاعدة العسكرية في المغرب (Pentagon and military base in Morocco). (In Arab.). Alquds Alarabi 23.01.2023. https://www.alquds.co.uk/البنتاغون-والقاعدة-العسكرية-في-المغر/

32. توقيع معاهدة تعاون عسكري بين تونس والولايات المتحدة (Tunisia, U.S. sign military cooperation treaty) (In Arab.) Monte Carlo Doualiya. 30.09.2020. https://www.mc-doualiya.com/articles/20200930-توقيع-معاهدة-تعاون-عسكري-بين-تونس-والولايات-المتحدة (accessed 30.09.2024)

33. تونس تنفي وجود أية قاعدة عسكرية أجنبية على أراضيها (Tunisia denies the existence of any foreign military base on its territory) (In Arab.) *Sputnik Arabic*. 12.02.2018. https://sarabic.ae/20180212/تونس-تنفي-وجود-قاعدة-أجنبية-1029955839.html (accessed 07.09.2024)

34. جنرال أمريكي يدعم نقل "أفريكوم" للمغرب (US General Supports AFRICOM's Relocation to Morocco). (In Arab.) Hespress. 27.02.2024. https://www.hespress.com/مسؤول-أمريكي-يدعم-أفريكوم-بالمغرب-1320965.html (accessed 11.12.2024)

35. جنود أمريكيون على التراب التونسي منذ سنوات ...؟ (American soldiers on Tunisian soil for years...?) (In Arab.) Kapitalis. 10.03.2018. https://kapitalis.com/anbaa-tounes/2018/03/10/جنود-أمريكيون-على-التراب-التونسي-منذ-س/ (accessed 10.09.2024)

36. زيادة الحضور العسكري الأمريكي في المغرب العربي: وجود من أجل المصالح أم تحسباً لصراع محتمل؟ (The U.S. military presence in the Maghreb: Presence for the sake of interests or in anticipation of a possible conflict?) (In Arab.) The Arab Gulf Center for Studies

and Research (CSRGULF). 26.09.2021. https://www.csrgulf.com/2021/09/26/-زيادة-الحضور-العسكري-الأمريكي-المغ/ (accessed 17.12.2024)

37. سترافور: على الرغم من حرب غزة.. يبدو أن العلاقات العسكرية بين المغرب وإسرائيل في طريقها إلى التعمق (Stratfor: Despite the Gaza war, Military relations between Morocco and Israel appear to be deepening). (In Arab.). Alquds Alarabi. 27.04.024. https://www.alquds.co.uk/سترافور-على-الرغم-من-حرب-غزة-يبدو-أن-ال/ (accessed 12.12.2024)

38. قضية إعتداء جنسي تكشف وجود قاعدة عسكرية أمريكية في تونس! (Sexual assault case reveals US military base in Tunisia!) (In Arab.) *Nessma*. 30.08.2017. https://www.nessma.tv/ar/أخبار-وطنية/actu/-قضية-اعتداء-جنسي-تكشف-وجود-قاعدة-عسكرية-أمريكية-في-تونس-1659/48724 (accessed 09.09.2024)

39. لماذا ترفض الدول المغاربية قواعد عسكرية أجنبية؟ (Why do Maghreb countries reject foreign military bases?) (In Arab.). Maghreb Voices. 18.02.2018. https://www.maghrebvoices.com/2018/02/14/ترفض-الدول-المغاربية-قواعد-عسكرية-أجنبية؟/ (accessed 11.10.2024)

40. مصدر إماراتي: تونس ترفض عرضًا أمريكيًا بإقامة قاعدة عسكرية (UAE source: Tunisia rejects US offer to establish military base). (In Arab.). *Al-Thawra News*. 12.08.2014. https://althawranews.blogspot.com/2014/12/blog-post_752.html (accessed 23.05.2024)

41. المنطقة المغاربية وسط فوهة موسكو (The Maghreb region in Moscow's sight) (In Arab.). Alhurra. 17.04.2021. https://www.alhurra.com/different-angle/2021/04/17/المنطقة-المغاربية-فوهة-موسكو (accessed 17.11.2024)

42. هل تدفع الجزائر والمغرب ثمن الحرب الباردة بين واشنطن وموسكو؟ (Will Algeria and Morocco pay the price of the Cold War between Washington and Moscow?) (In Arab.). Independent Arabia. 20.01.2023. https://www.independentarabia.com/node/413466/ (accessed 11.12.2024)

43. وفد من "لوكهيد مارتن" الأمريكية يزور منشآت عسكرية بالمغرب (Lockheed Martin Delegation Visits Military Facilities in Morocco) (In Arab.). The Voice (Morocco). 10.12.2024. https://thevoice.ma/وفد-من-لوكهيد-مارتن-الأمريكية-يزور-من/ (accessed 14.12.2024)

Ванграуа В. Ванесса Эстель,
аспирант,
Российский университет дружбы народов,
e-mail: 31vanessaestelle@gmail.com

Аду Яо Никэз
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
международных отношений РУДН,
доцент кафедры теории государства и права
и конституционного права,
Оренбургский государственный университет,
e-mail: Adu_ya@pfur.ru

Vanessa Estelle W. Wangraoua,
Postgraduate,
People's Friendship University of Russia,
e-mail: 31vanessaestelle@gmail.com

Y.N. Adu,
Ph.D. of Juridical Sciences,
Associate professor Department Theory
and history of international relations, RUDN,
Associate professor,
Orenburg State University,
e-mail: Adu_ya@pfur.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МАЛИ, БУРКИНА-ФАСО И НИГЕРА

STRATEGIC COOPERATION OF MALI, BURKINA FASO, AND NIGER

Аннотация: в статье рассмотрены основные направления стратегического сотрудничества трех африканских государств – Мали, Буркина-Фасо и Нигера. Как известно, последние несколько лет страны сталкиваются с серьезными проблемами безопасности: военными переворотами, сепаратизмом, терроризмом с повышенным индексом. В связи с чем власти этих стран заинтересованы в эффективной борьбе с проблемами безопасности в регионе.

Для их устранения было принято решение о создании Альянса государств Сахеля путем подписания Хартии Липтако-Гурма, которая укрепляет дружбу и братство между Мали, Нигером и Буркина-Фасо. В заключение отмечается, что оказание взаимной помощи в области обороны и безопасности, а также сотрудничество в иных сферах экономики положительно повлияют на решение проблем, таких как отсутствие социальной инфраструктуры, развитие образования, борьба с голодом и т.п.

Ключевые слова: военные перевороты, терроризм, сепаратизм, валютный союз, экономическое сотрудничество, военная помощь, оборона, безопасность, Альянс государств Сахеля.

Abstract: in the article, the author examines the main directions of strategic cooperation between three African states – Mali, Burkina Faso, and Niger. Over the past few years, countries have been facing a number of military coups, separatism and a serious problem of terrorism and its increasing index. Therefore, the authorities are interested in effectively combating the terrorism and solving the problem of national defense and security. So, to solve these problems, it was decided to create The Alliance of Sahel States, signing the Liptako-Gurma Charter, as well as strengthen friendship and brotherhood between Mali, Niger and Burkina Faso. Conclusion has noted that the provision of military assistance and support within the framework of such cooperation will also have a positive impact on solving the problems of lack of social infrastructure, education development, and hunger.

Keywords: military coup, terrorism, separatism, monetary union, economic cooperation, military assistance, defense, security, Alliance of Sahel States.

Введение

На современном этапе наблюдается тенденция повышения террористического индекса во многих государствах, расположенных на территории Африканского континента. Широкий спектр факторов оказывает существенное влияние на безопасность в этом регионе. В рамках стратегического сотрудничества африканские государства стремятся реализовать несколько совместных направлений деятельности в области взаимной военной помощи, экономического развития, снижения индекса терроризма, который на протяжении многих лет оставался на прежнем высоком

уровне в этих странах, несмотря на оказание активной помощи со стороны зарубежных государств, в частности бывшей метрополии – Франции.

Цель научной статьи – выявление сферы сотрудничества Мали, Буркина-Фасо и Нигера как стран Липтако-Гурма. 16 сентября 2023 года государства заключили договор о взаимной помощи в области обороны – Хартию Липтако-Гурма, которая была подписана в Бамако. Следует отметить, что Липтако-Гурма – это регион, в котором расположены территориальные границы Мали, Буркина-Фасо и Нигера.

Предпосылки формирования Валютного союза

В настоящее время многие африканские государства заинтересованы в том, чтобы обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность своей территории, в связи с чем власти Мали, Буркина-Фасо и Нигера приняли коллективное решение о необходимости создания союза, деятельность которого направлена на стабилизацию политических и экономических показателей (особенно в области валютной политики стран). Представляется, что создание указанного союза может привести к ряду последствий, в числе которых отделение Мали, Нигера и Буркина-Фасо от других стран, входящих в состав Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС). Следствием государственных переворотов, которые произошли в связи с ростом количества террористических актов, стало увеличение влияния военных переходных властей в Мали, Нигере и Буркина-Фасо. Примечательно, что страны – участницы ЭКОВАС призывают власти указанных государств вернуться к прежней политике, в частности демократическому правлению, поскольку нынешнее положение стран существенно отличается от того, которое необходимо для нахождения в составе ЭКОВАС.

Интерес представляет заявление Ибрагима Траоре, который на данный момент является военным лидером Буркина-Фасо: «Альянс государств Сахеля... (является) априори оборонным альянсом, но он будет развиваться в сторону экономического альянса и многого другого» [**2**]. Это значит следующее:

несмотря на то что одной из фундаментальных целей Альянса выступает взаимная помощь в обороне и безопасности, он также будет стремительно развиваться в экономическом направлении, поскольку приоритетным становится приобретение экономической независимости от западных стран. Кроме того, после указанного выступления лидера Буркина-Фасо было опубликовано другое заявление, в рамках которого властями государств, входящих в состав Альянса, была предложена идея о создании комитета, деятельность которого будет направлена на аналитику экономического и валютного союза, созданного Мали, Нигером и Буркина-Фасо. Здесь же можем отметить и то, что в ближайшие годы планируется формирование и создание инвестиционного банка (что обусловлено активным развитием сотрудничества с различными государствами в рамках инвестиционного партнерства), а также учреждение стабилизационного фонда.

Ось Бамако – Уагадугу – Ниамей

В рамках исследования особое внимание следует уделить вопросу сотрудничества Буркина-Фасо, Мали и Нигера, поскольку на данный момент государства стремятся к реализации многочисленных политических и социально-экономических проектов. В 2023 году было принято решение о том, что между странами должны быть укреплены связи «дружбы, братства, солидарности и сотрудничества», что обусловлено рядом факторов. В первую очередь можем говорить об общей проблеме в борьбе с терроризмом. Как уже неоднократно отмечалось, действие террористических группировок на территории африканских государств остается одной из важнейших проблем каждой из стран Липтако-Гурма. Во-вторых, существует необходимость в модернизации и гармонизации многих правовых и экономических институтов. Властями государств принято решение о том, чтобы развивались такие отрасли, как торговля, транспорт, культура и образование. На сегодняшний день образовательная среда по-прежнему остается менее развитой несмотря на то, что в некоторых государствах реализуются программы, в рамках которых осуществляется обмен студентами с другими странами (в том числе с

Российской Федерацией). Здесь же подчеркнем, что, к примеру, в Буркина-Фасо остается высокий уровень голода, в связи с чем данная проблема также подлежит немедленному рассмотрению и разрешению.

Министры иностранных дел Мали, Буркина-Фасо и Нигера обсудили возможность взаимной поставки углеводородов и электроэнергии между тремя странами, а также реализации проектов строительства железной дороги Конакри – Бамако – Уагадугу. Более того, восстановление и строительство международных дорог между тремя странами должно способствовать экономическому росту и свободному передвижению населения и товаров.

Как уже отмечалось выше, создание отдельного объединения между странами не поддерживается государствами – участниками ЭКОВАС, что обусловлено несоответствием политики Мали, Нигера и Буркина-Фасо тем целям, которые заложены в основу деятельности ЭКОВАС. Но вместе с тем делегацией ЭКОВАС неоднократно отмечалась необходимость обеспечения безопасности указанных стран. Помимо этого, они «выразили сожаление по поводу механически вводимых санкций, которые часто не учитывают глубинные и сложные причины политических изменений» в этих странах. В частности, введенные после госпереворотов в указанных странах санкции препятствуют участию этих государств в уставных органах ЭКОВАС и Африканского союза. «Эти меры также подрывают субрегиональную и африканскую солидарность, которые составляют основополагающий принцип интеграции, регионального и континентального сотрудничества», – заявили три представителя делегации от стран Липтако-Гурма. Три страны договорились объединять свои усилия и предпринимать совместные инициативы для приостановления членства и участия в ЭКОВАС и введения других ограничениях. «Мы обнаружили, что в течение долгого времени мы смотрели в другое место вместо того, чтобы смотреть на себя, когда у нас так много общего, так много проблем и общая судьба» [7], – отметил эмиссар президента Буркина-Фасо.

Взаимная помощь в сфере обороны в рамках Липтако-Гурма

Одним из важнейших направлений стратегического сотрудничества Мали, Нигера и Буркина-Фасо является оказание взаимной военной и иной помощи, поскольку это закреплено в Хартии Липтако-Гурма, подписанной в 2023 году. Представляется, что необходимость ее заключения была обусловлена увеличением индекса терроризма на территории Нигера, Буркина-Фасо и Мали. Вместе с тем отмечается угроза сепаратизма, экономической отсталости региона Липтако-Гурма [**11**]. Кроме того, за последние несколько лет указанные государства решили отказаться от ориентира на Францию. «Глава правительства Буркина-Фасо утверждает, что если в течение многих лет сотрудничество с Францией не позволило победить терроризм, то его страна поставит аналогичные вопросы о разрыве всех дипломатических отношений с французским государством. Это необходимо несмотря на то, что Франция является для Буркина-Фасо "историческим партнером"» [**4**, с. 124].

Подписание указанной выше Хартии стало фундаментом для Альянса государств Сахеля (подчеркнем, что Сахель – регион с наибольшим индексом терроризма, поскольку на территории государств, входящих в его состав, продолжают действовать террористические группировки).

Однако создание Альянса не получило поддержки от стран ЭКОВАС. Следует сказать, что ЭКОВАС был выдвинут ряд санкций в отношении Мали, Нигера и Буркина-Фасо, а также была высказана точка зрения о необходимости проведения военной операции на территории Нигера [**3**] для восстановления демократически избранного президента М. Базума. Так, например, Мали было отстранено «от процесса принятия любых решений в ЭКОВАС» [**1**, с. 172], а также страны – участницы ЭКОВАС закрыли сухопутные и воздушные границы с республиками Мали и Нигер. По мнению некоторых экспертов, такой протест со стороны ЭКОВАС был обусловлен тем, что «ряд западных государств всё еще не отпускает их колониальное прошлое, и они продолжают мыслить и действовать по этому шаблону» [**10**]. Думается, что такие ужесточенные меры привели к достаточно серьезным последствиям для стран – участниц Хартии

Липтако-Гурма, что обусловлено их географическими особенностями (в частности, отсутствием выхода к морю) и экономической ситуацией [**6**, с. 21]. Таким образом, создание Альянса стало началом борьбы с терроризмом, поскольку население стран оказалось недовольно социально-экономическим положением в странах в связи с активной деятельностью террористических группировок в регионе. Вместе с тем Альянс государств Сахеля путем подписания указанной Хартии обеспечит условия для оказания взаимной военной помощи и формирования «коллективной обороны» в регионе Липтако-Гурма. Взаимная поддержка будет направлена на принятие мер по снижению индекса терроризма путем использования «мягкой» и «жесткой» силы.

Также следует обратить внимание на то, что создание Альянса стало одной из предпосылок разделения государств, расположенных в Западной Африке, на два основных блока: Альянс государств Сахеля и ЭКОВАС. Подчеркнем, что процесс разделения затронул только те страны, в которых продолжает повышаться индекс терроризма [**5**, с. 68]. Интерес представляет также и то, что решение о создании Альянса было принято после проведения встреч делегаций Мали, Буркина-Фасо, Нигера и России 31 августа 2023 года. На обсуждение был вынесен вопрос о военно-техническом сотрудничестве России и Буркина-Фасо. Согласно источникам, рассматривалась возможность осуществления отправки военных экспертов и инструкторов (летчиков) на территорию африканского государства. В данном случае цель сотрудничества заключалась в оказании военно-технической помощи в борьбе с терроризмом в стране и в регионе в целом. Относительно взаимодействия Российской Федерации и Мали были подняты вопросы острой необходимости оказания гуманитарной помощи населению Мали, установления торгово-экономических связей, а также борьбы с терроризмом (отметим, что в Буркина-Фасо продолжают действовать военные инструкторы из России). Более того, в июле 2023 года президентом Российской Федерации была выдвинута инициатива по развитию торгово-инвестиционного партнерства с Мали. Примечательно, что по состоянию на август 2024 года

страны продолжают укреплять военно-технические и экономические связи. Так, на границе с Алжиром по-прежнему оказывает помощь военным силам Мали ЧВК «Вагнер», поставляется специальная техника, прибывают квалифицированные кадры. Что касается сотрудничества России и Нигера, можем отметить следующее: российская сторона намерена оказывать гуманитарную помощь, а также участвовать в разрешении проблем в социально-экономической сфере. Кроме того, в мае 2024 года Россия поставила в Ниамей военную технику.

Здесь следует упомянуть, что власти Буркина-Фасо на протяжении нескольких лет указывали на необходимость разрыва любого сотрудничества с бывшей метрополией, поскольку нахождение ее войск на территории государства для решения проблемы терроризма не привело к желаемому результату. Вследствие этого смена власти в Мали, Буркина-Фасо и Нигере не получила поддержки среди других стран Запада, в связи с чем многие из них отказались от оказания финансовой поддержки данных государств. В частности, Францией было принято решение о «приостановке всей финансовой помощи в адрес Уагадугу» [**8**]. Примечательно, что в каждой из стран (Мали, Буркина-Фасо и Нигере) за последние несколько лет произошли государственные перевороты: в Мали летом 2020 года смену власти организовал командир спецбатальона Гоита – он сверг правительство президента Ибрагима Бубакара Кейты и пришел к власти спустя год. В Буркина-Фасо 30 сентября 2022 года группа спецназа «Кобра» свергла президента Поля-Анри Сандаого Дамибу, и его место занял бывший капитан вооруженных сил страны, командир «Кобры» Ибрагим Траоре. 26 июля 2023 года в Нигере командующий президентской гвардией Абурахман Чиани сместил президента Мохамеда Базума с его поста [**9**].

Заключение

На основе проведенного анализа вопросов, раскрывающих стратегическое сотрудничество Мали, Нигера и Буркина-Фасо, можем сделать следующие выводы.

На сегодняшний день неразрешенными в представленных государствах остаются проблемы терроризма, социального и экономического отставания, обеспечения безопасности. Для того чтобы указанные проблемы были устранены, властями Мали, Буркина-Фасо и Нигера разрабатываются и принимаются многочисленные проекты, направленные на стратегическое сотрудничество. Более того, особое внимание уделяется развитию международных отношений с Россией, поскольку она оказывает активную поддержку африканским государствам, в то время как ЭКОВАС указывает на необходимость подавления переходных властей в этих странах. Здесь же необходимо отметить, что в январе 2024 года страны Сахеля (в частности, Мали, Нигер и Буркина-Фасо) заявили о своем выходе из ЭКОВАС, что было обусловлено во многом тем, что в отношении Мали страны – участники экономического сообщества ввели санкционные ограничения в связи с военным переворотом, произошедшем в этом государстве. Однако обсуждение данного вопроса так и не состоялось, в связи с чем, приняв «суверенное решение», страны Липтако-Гурма вышли из состава ЭКОВАС.

Военное сотрудничество Мали, Нигера и Буркина-Фасо обосновывается созданием и подписанием Хартии Липтако-Гурма, в соответствии с которой данные государства оказывают взаимную военную помощь, налаживают экономические связи и т.п. Стоит отметить, что власти государств указывают на необходимость создания отдельного Валютного фонда, что может быть обусловлено стремлением получить независимость от стран Запада.

Список литературы

1. Аду Я.Н., Мезяев А.Б. Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты // Вестник международных отношений. 2023. № 1. С. 170-189.

2. Альянс государств Сахеля. Consortium News. Independent Investigative Journalism and Political Review. – [Электронный ресурс]. – URL: https://consortiumnews.com/ru/2023/09/22/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%8F

%D0%BD%D1%81-
%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2-%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B5%D0%BB%D1%8F/ (дата обращения: 01.04.2024)

3. Альянс государств Сахеля: стартовые трудности как ресурс развития. Российский совет по международным делам. – [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/alyans-gosudarstv-sakhelya-startovye-trudnosti-kak-resurs-razvitiya/ (дата обращения: 01.04.2024)

4. Ванграуа В.В.Э. Террористический кризис в Буркина-Фасо и смена внешнеполитических приоритетов 2012-2022 // Казачество. 2023. № 69 (4). С. 122-129.

5. Идахоса С.О., Савичева Е.М., Хидеро С.А., Алебайо К.М. Комплекс региональной безопасности и динамика угроз государствам Сахеля // Вестник РУДН. Международные отношения. 2023. № 1. С. 67-87.

6. Исаев Л.М., Боборыкина Д.А., Коротаев А.В. Туарегский сепаратизм и исламистская угроза в Азаваде // Вестник Московского университета. Востоковедение. 2022. № 4. С. 20-31.

7. Мали, Буркина-Фасо и Гвинея заявили о стратегическом сотрудничестве. Красная весна. – [Электронный ресурс]. – URL: https://rossaprimavera.ru/news/6c317cd1 (дата обращения: 01.04.2024)

8. Мали, Буркина-Фасо и Нигер образовали «союз путчистов». Независимое военное обозрение. – [Электронный ресурс]. – URL: https://nvo.ng.ru/world/2023-08-01/1_8788_uranium.html (дата обращения: 01.04.2024)

9. Страны Африки после встреч с делегацией Минобороны РФ создали военный альянс. Газета.ру. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2023/09/17/17591342.shtml (дата обращения: 01.04.2024)

10. Страны Африки после встреч с Евкуровым решили создать военный альянс. РБК. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/politics/16/09/2023/6505e2939a794739eebec528 (дата обращения: 01.04.2024)

11. Adu Y.N. A new formula for security in West Africa: Alliance of Sahel States [Wedsite]. – DOI: https://valdaiclub.com/a/highlights/a-new-formula-for-security-in-west-africa-alliance/ (assecced: 01.04.2024).

Ротанёв Алексей Витальевич,
соискатель,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: aleksey.rotanev@mail.ru

Aleksey V. Rotanev,
Postgraduate,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia,
e-mail: aleksey.rotanev@mail.ru

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗОНЕ САХЕЛЯ

INTEGRATION PROCESSES IN THE SAHEL

Аннотация: Сахель – природная область, представляющая собой переходную зону, расположенную между пустыней Сахара на севере и более плодородными тропическими и субтропическими регионами на юге Африки. Этот регион, играющий ключевую роль в происходящих в Африке исторических, культурных, экономических процессах и обладающий значительными объемами природных ресурсов, сталкивается с важнейшими политическими, социально-экономическими и экологическими проблемами, такими как засухи, бедность, вооруженные конфликты и пр. В статье рассматриваются интеграционные процессы, происходящие в зоне Сахеля, а также их предпосылки, акцентируется внимание на географических, климатических, природных и социально-экономических особенностях региона. Анализируются вызовы, с которыми сталкиваются страны Сахеля, включая политическую нестабильность, экологические проблемы, бедность и вооруженные конфликты. Особое внимание уделяется экономическому, экологическому, гуманитарному и политическому сотрудничеству между государствами региона.

Ключевые слова: Африка, Сахель, АГС, Конфедерация, международная безопасность, борьба с терроризмом, военное сотрудничество.

Abstarct: The Sahel is a natural area that is a transition zone located between the Sahara Desert in the north and the more fertile tropical and subtropical regions in southern Africa. This region, which plays a crucial role in the historical, cultural, economic processes taking place in Africa and has significant amounts of natural

resources, faces major political, socio-economic and environmental problems, such as droughts, poverty, armed conflicts, etc.

The article examines the integration processes taking place in the Sahel zone, as well as their prerequisites, focusing on the geographical, climatic, natural and socio-economic features of the region. The challenges faced by the Sahel countries, including political instability, environmental problems, poverty, and armed conflict, are analyzed. Particular attention is paid to economic, environmental, humanitarian and political cooperation between the states of the region.

Keywords: Africa, Sahel, AGS/AES, Confederation, international security, counterterrorism, military cooperation.

Введение

Сахель представляет собой уникальный географический и экологический пояс, который пролегает через южную границу Сахары, охватывая множество африканских стран. Его важность определяется не только его уязвимостью к изменениям климата, но и его ролями как коридора для перемещения народов и как площадки для различных политических и экономических процессов. Понимание Сахеля и его характеристик требует комплексного подхода, учитывающего как геополитические, так и социально-экономические факторы.

Геополитическое положение стран Сахеля

Классическое определение региона Сахель охватывает 10 африканских стран: он начинается на Атлантическом побережье Сенегала и Мавритании и тянется на восток через центральные районы Мали, Нигера, Чада и Судана в северо-западную часть Эритреи, заканчиваясь на побережье Красного моря в Эритрее. Часть Сахеля также простирается до крайних северных районов Буркина-Фасо и Нигерии, а также до крайних южных районов Алжира. Нигерия с численностью жителей более 212 млн человек – самая густонаселенная из стран Африки и Сахеля в частности, хотя лишь малая часть населения страны проживает в данном регионе. На самом деле большая часть Сахеля малонаселенна. Однако там есть несколько крупных городов, в том числе

столица Мавритании Нуакшот, столица Нигера Ниамей, столица Чада Нджамена, столица Судана Хартум и столица Эритреи Асмэра [**1**].

Взаимоотношения между странами региона Сахель, как и в любом другом географическом и политическом контексте, определяются рядом факторов, таких как общие экономические интересы, политическая стабильность, безопасность, а также влияние внешних сил. Этот регион испытывает на себе как позитивное, так и негативное воздействие, что обусловлено многими экономическими, социальными и экологическими вызовами [**2**].

1. Экономическое сотрудничество.

Многие страны Сахеля являются частью субрегиональных и региональных экономических объединений, таких как Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС, ECOWAS) и Центральноафриканское экономическое сообщество (СЕМАС). Эти объединения направлены на развитие торговли, улучшение экономических связей и содействие устойчивому росту в регионе. Сотрудничество между странами Сахеля также часто нацелено на совместное использование природных ресурсов, таких как вода (например, реки Нигер и Сенегал), а также на развитие сельского хозяйства и устойчивое управление природными ресурсами.

2. Климатические и экологические вызовы.

Экологические вызовы, такие как засуха, опустынивание и изменение климата, оказывают значительное воздействие на страны Сахеля, способствуя миграционным процессам и усиливая конкуренцию за ограниченные природные ресурсы, включая воду и плодородные земли. В ответ на эти угрозы государства региона активно участвуют в экологических и климатических инициативах, одной из которых является проект Африканского союза «Великая зеленая стена» [**3**]. Его основная цель – борьба с опустыниванием земель к югу от пустыни Сахары посредством создания полосы древесной растительности, способной замедлить расширение пустынных территорий.

Изначально проект был ориентирован на предотвращение эрозии и деградации почв. Однако, учитывая опыт реализации аналогичных инициатив, таких как «Зеленая плотина» в Алжире и «Зеленая стена» в Китае, стратегия проекта эволюционировала в многоуровневый межсекторальный подход. Он стал инструментом устойчивого развития, направленным не только на восстановление деградированных земель, но и на смягчение социальных и экономических последствий экологических кризисов в регионе.

Посадка деревьев способствует снижению испарения влаги, что создает более благоприятные условия для развития сельского хозяйства и повышения доходов местного населения. Лесные насаждения также играют ключевую роль в предотвращении эрозии, улучшении водоудерживающей способности почв и восстановлении пастбищных угодий. Важным аспектом проекта является использование исключительно местных видов растений, что позволяет избежать риска интродукции инвазивных видов. Предполагается, что успешная реализация «Великой зеленой стены» внесет значительный вклад в улучшение экономического благосостояния и экологической устойчивости стран Сахеля.

3. Социально-экономическое и гуманитарное взаимодействие.

Социально-экономическое и гуманитарное взаимодействие в регионе Сахель является важной частью глобальных усилий по поддержанию стабильности и развития в одной из наиболее уязвимых областей мира. Сахель сталкивается с разнообразными проблемами, включая бедность, высокий уровень безработицы, засухи, конфликты и миграцию. Эти вызовы требуют комплексных усилий на уровне как национальных правительств, так и международных организаций.

Социально-экономическая ситуация в странах Сахеля остается сложной. Большинство стран региона характеризуются высоким уровнем бедности, низким уровнем развития инфраструктуры и ограниченным доступом к образованию и здравоохранению. В некоторых странах, таких как Мали и Нигер,

наблюдаются высокий уровень детской смертности и проблемы в области питания.

Более 70% населения Сахеля живет ниже уровня бедности, что ставит под угрозу устойчивость социально-экономических систем. Расширяющиеся зоны бедности часто приводят к миграционным потокам внутри и между странами региона. Системы образования в Сахеле не обеспечивают адекватного доступа к качественному обучению. Важным аспектом остается также нехватка медицинских услуг, что приводит к высокому уровню заболеваемости и смертности от инфекционных заболеваний. В регионе наблюдается высокая безработица, особенно среди молодежи. Это создает условия для социальной нестабильности и увеличивает риски возникновения вооруженных конфликтов и формирования экстремистских группировок.

Сахель также сталкивается с рядом гуманитарных проблем, которые часто оказываются результатом как природных факторов (засухи, опустынивание), так и социально-политической нестабильности.

Экологические проблемы, такие как ухудшение сельскохозяйственных условий и исчезновение пастбищ, являются одними из причин миграции. Множество людей перемещаются внутри стран Сахеля в поисках лучших условий для жизни. Вдобавок вооруженные конфликты и политическая нестабильность способствуют росту числа беженцев и вынужденных переселенцев как внутри стран, так и за пределами региона.

В регионе происходят многочисленные вооруженные конфликты, многие из которых имеют межэтническую или религиозную подоплеку. Эти конфликты часто приводят к гуманитарным кризисам, затрудняя доступ к базовым услугам и ресурсам, таким как вода, еда, медицинская помощь и образование.

Международные организации играют ключевую роль в обеспечении гуманитарной помощи и содействии социально-экономическому развитию региона. Основные игроки в этом процессе – ООН, Всемирная

продовольственная программа (ВПП, WFP), Международный комитет Красного Креста (МККК), ЮНИСЕФ и другие гуманитарные организации [**18**].

В условиях конфликтов и природных катастроф международные организации обеспечивают продовольственную помощь, медицинские услуги, поддержку в области водоснабжения и санитарии. Гуманитарные миссии работают как в зонах конфликта, так и в районах, страдающих от последствий засух и неурожаев.

В дополнение к экстренной помощи международные агентства проводят программы по долгосрочному развитию, направленные на развитие сельского хозяйства, образование, здравоохранение и инфраструктуру. Это включает проекты по улучшению водоснабжения, возобновлению земель, борьбе с опустыниванием и повышению продовольственной безопасности.

Изменения климата оказывают огромное воздействие на социально-экономическую ситуацию в Сахеле. Засухи, повышенные температуры и опустынивание приводят к ухудшению сельскохозяйственного производства и водных ресурсов, что усугубляет проблемы бедности и миграции. Совместные усилия стран Сахеля и международных организаций нацелены на повышение устойчивости региона к климатическим изменениям через проекты по восстановлению экосистем, возобновлению сельского хозяйства и улучшению водоснабжения.

Социально-экономическое и гуманитарное взаимодействие в регионе Сахель требует комплексных решений, охватывающих как краткосрочную помощь, так и долгосрочные программы устойчивого развития. Важно, что в условиях этого сложного контекста особое значение имеет сотрудничество между странами региона, международными организациями и местными сообществами для преодоления проблем бедности, бедствия и конфликтов.

4. Политическое сотрудничество и безопасность.

Политические отношения в Сахеле часто затруднены внутренними конфликтами, неустойчивыми режимами и частыми переворотами. Важной

частью взаимоотношений между странами является борьба с терроризмом и экстремизмом. В последние десятилетия страны региона сталкиваются с последствиями политической нестабильности и вооруженных конфликтов. Ярким примером служит туарегское восстание в Мали (2012–2014 годы) [**4**], которое привело к временной дестабилизации и фактическому разделению страны на северную и южную части, а также вызвало военное вмешательство как со стороны стран Сахеля, так и международных сил. В ходе конфликта туареги объявили о создании собственного государства Азавад на северо-востоке Мали. Однако это образование не получило международного признания и вскоре прекратило существование. Спустя несколько лет противостояние между туарегами и центральным правительством Мали вспыхнуло с новой силой и продолжается до сих пор [**23**].

Кроме того, дестабилизацию в регионе усиливает деятельность запрещенных в России террористических и экстремистских группировок, таких как «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (AQIM), «Исламское государство в Большой Сахаре» (ISGS) и другие радикальные формирования [**5**]. Эти группировки активно используют слабость государственных институтов, этнические и религиозные противоречия, что приводит к распространению насилия не только в Мали, но и в соседних странах – Нигере, Буркина-Фасо и Чаде. Регион сталкивается с террористическими атаками, похищениями, торговлей людьми и оружием, что усугубляет гуманитарную ситуацию и провоцирует новые волны вынужденной миграции. В ответ на эти угрозы страны региона сотрудничали, например, в рамках Группы пяти стран Сахеля (G5 Sahel), которая включала в себя Мали, Нигер, Чад, Буркина-Фасо и Мавританию. Эта организация задумывалась с целью обеспечения безопасности и стабилизации в Сахеле, а также борьбы с экстремизмом и преступностью. Однако из-за изменившейся политической конъюнктуры в некоторых странах – участницах данной структуры она была де-факто расформирована [**6**] после выхода из ее состава сначала Мали в 2022 году, а затем Буркина-Фасо и Нигера в 2023 году.

Подобные кризисы, с которыми сталкиваются страны региона, не только осложняют их взаимодействие, но и подчеркивают важность укрепления сотрудничества в сфере безопасности. Они также выявляют потребность в комплексном подходе, объединяющем военные, политические, экономические и социальные меры для достижения устойчивого мира и стабильности. Взаимоотношения между странами Сахеля отличаются многослойностью и сложностью: они вынуждены реагировать на широкий спектр внутренних и внешних вызовов, что стимулирует поиск эффективных форм партнерства. Однако политические и социальные противоречия зачастую ограничивают потенциал такого взаимодействия. Тем не менее, несмотря на существующие разногласия, государства региона демонстрируют стремление к сотрудничеству в областях безопасности, экологии и экономического развития, что способствует укреплению их позиций на международной арене [**7**].

Конфедерация государств Сахеля (AES)

В июле 2024 года страны Мали, Нигер и Буркина-Фасо объявили о создании новой формы региональной политической и военной организации – Конфедерации государств Сахеля. Это решение было принято в ответ на множество факторов, в том числе обострение внутренней и внешней безопасности, экологические и экономические вызовы, а также необходимость укрепления координации для эффективного решения общих проблем региона.

Стоит отметить, что первым шагом интеграции трех стран стало учреждение 17 сентября 2023 года Альянса государств Сахеля [**18**].

Одним из ключевых факторов, повлиявших на решение о создании Конфедерации, является политическая нестабильность, охватывающая все три страны. В последние годы Мали, Нигер и Буркина-Фасо столкнулись с серьезными проблемами, связанными с вооруженными конфликтами, терроризмом и мятежами.

Буркина-Фасо подвергается волне террористических атак, которые приводят к массовым перемещениям населения, что создает гуманитарный кризис.

Мали с 2012 года переживает серию конфликтов, включая гражданскую войну и борьбу с джихадистскими группами, такими как запрещенными на территории Российской Федерации междунаррдными террористическими организациями «Аль-Каида» и «Исламское государство».

Нигер столкнулся с увеличением террористической активности на юге и юго-востоке, а также мятежами и переворотами, что привело к снижению государственного контроля на некоторых территориях [**19**].

Эти факторы подтолкнули лидеров трех стран к необходимости создания более тесной координации в области безопасности, борьбы с терроризмом и экстремизмом, а также для обеспечения внутренней стабильности через укрепление военных и политических связей.

Провозглашение Альянса государств Сахеля произошло после выхода Буркина-Фасо, Мали и Нигера в январе 2024 года из состава Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) – регионального блока, требовавшего от лидеров «тройки» вернуть в своих странах гражданскую форму управления [**20**].

На открытии Ниамейского саммита военный лидер Нигера отметил, что его страна «безвозвратно отказывается от отношений с ЭКОВАС» и что новое объединение станет сообществом, которое не испугает «жесткая хватка иностранных государств». Лидеры трех стран также подтвердили свою приверженность принципам и целям ООН и Африканского союза. Они подчеркнули, что создание Конфедерации позволит укрепить суверенитет стран и более эффективно противостоять терроризму и внешнему вмешательству со стороны Запада. Согласно учредительным документам АГС, «любое нарушение суверенитета или территориальной целостности одного или нескольких членов

хартии будет рассматриваться как агрессия против всех участников, что потребует их помощи, включая возможное применение военной силы» [**8**].

Регион Сахеля, включая Мали, Нигер и Буркина-Фасо, страдает от высокого уровня бедности, дефицита инфраструктуры, ограниченных природных ресурсов и отсутствия доступа к образованию и здравоохранению. В условиях продолжающихся конфликтов и нестабильности усиливается экономическая деградация, что требует объединенных усилий для устойчивого развития. Это экологически уязвимый регион, подвергающийся засухам, эрозии почв и опустыниванию. В условиях изменения климата экосистемы региона становятся всё более нестабильными, что усиливает миграцию населения и вызывает нехватку продовольствия и воды. Для преодоления этих вызовов требуется совместная работа по восстановлению земель, улучшению водоснабжения и проведению аграрной политики. Мали и Нигер страдают от опустынивания, засух и дефицита водных ресурсов, что негативно сказывается на сельском хозяйстве – главной отрасли, от которой зависит экономика региона. Буркина-Фасо также сталкивается с проблемами сельского хозяйства и с трудностями в создании рабочих мест, что приводит к социальному напряжению и миграции.

Таким образом, создание Конфедерации стало возможным благодаря осознанию того, что экономические проблемы можно решить только через совместные усилия по восстановлению инфраструктуры, развитию сельского хозяйства, улучшению образовательных и медицинских систем. В 2024 году Мали, Нигер и Буркина-Фасо решили объединить усилия в борьбе с опустыниванием, предложив программы восстановления экосистем и улучшения аграрной устойчивости через совместные инициативы и проекты.

После смены власти в этих странах создание Конфедерации стало также политическим шагом для укрепления военной координации. Смена власти в «Сахельской тройке» привела к временной изоляции их от западных стран и ухудшению внешнеэкономических отношений, что потребовало укрепления

внутренней безопасности и создания более независимой и мощной военной структуры на региональном уровне.

Конфедерация государств Сахеля позволит странам более эффективно координировать свои действия в нескольких ключевых областях.

1. Военное сотрудничество и безопасность.

Одним из важнейших направлений Конфедерации будет создание общей военной силы для борьбы с экстремизмом, терроризмом и преступностью. 22 января 2025 года министр национальной обороны Нигера Салифу в эфире государственного телевидения сообщил [**9**] о создании объединенных сил Альянса численностью в 5 тыс. человек, которые будут оснащены наземными, воздушными и разведывательными средствами, а также системой координации. Введение в действие нового контингента ожидается в ближайшее время. Это позволит странам координировать свои военные операции, обмениваться разведывательной информацией и проводить совместные антитеррористические операции. Региональное военное сотрудничество направлено на усиление контроля над границами и обеспечение безопасности на территориях, пострадавших от конфликтов.

2. Экономическая интеграция.

Экономическое сотрудничество будет нацелено на создание более устойчивых торговых и транспортных коридоров, повышение взаимной торговли и преодоление барьеров для экономического развития. Программы по развитию сельского хозяйства и борьбе с бедностью также будут в центре внимания. Основные усилия будут направлены на создание интегрированных экономических зон, улучшение инфраструктуры и обеспечение продовольственной безопасности.

3. Экологическая устойчивость.

Страны Конфедерации будут совместно работать над восстановлением экосистем, устойчивым использованием природных ресурсов и борьбой с последствиями изменения климата. Проекты по борьбе с опустыниванием и

улучшению состояния водных ресурсов будут реализовываться с учетом потребностей и особенностей каждой страны.

4. Политическая координация и независимость.

Политическая координация между странами позволит более эффективно решать внутренние проблемы, связанные с управлением, реформами и стабилизацией. Страны Конфедерации будут развивать более независимую внешнюю политику, особенно в свете отхода от западных союзников, в том числе Франции.

Так, например, с 29 января 2025 года на территории Конфедерации введены в обращение новые паспорта, которые заменят паспорта с действительным логотипом ЭКОВАС. Старые паспорта будут действовать до момента истечения их срока действия [**21**].

Перспективы Конфедерации

Перспективы для Конфедерации в экономической сфере включают развитие устойчивых экономических моделей, улучшение инфраструктуры, развитие сельского хозяйства, а также создание взаимовыгодных торговых отношений. Однако для этого необходимо преодолеть текущие трудности в области инфраструктуры и сельскохозяйственного производства.

Конфедерация может стать важным шагом на пути к политической стабилизации и усилению внутренней безопасности в регионе. Важно, чтобы созданные военные силы в рамках Конфедерации были эффективными и могли обеспечить долгосрочное решение проблемы терроризма и экстремизма.

С точки зрения внешней политики создание Конфедерации позволяет странам региона стать более независимыми и активными игроками на международной арене. Ожидается, что Конфедерация будет укреплять связи с другими странами и международными организациями, включая Африканский союз, а также с регионами, такими как Центральная и Западная Африка.

Создание Конфедерации государств Сахеля в 2024 году является логичным шагом в ответ на экзистенциальные вызовы, с которыми сталкиваются Мали,

Нигер и Буркина-Фасо. Экологические, политические и экономические проблемы требуют объединенных усилий, и эта Конфедерация может стать основой для стабильности и устойчивого развития региона в будущем [**21**].

В то же время на данный момент Конфедерация не проявила себя как устойчивое объединение, позволяющее делать выводы о ее положительных или отрицательных перспективах. Хотя на бумаге создаются различные совместные проекты – от обеспечения продовольственной безопасности и управления водными ресурсами до развития энергетики и транспорта, – эти инициативы имеют слабую финансовую базу и их реализация откладывается на неопределенное будущее. Три страны продолжают использовать франк КФА, а большая часть их валютных активов остается под контролем Франции. Финансирование деятельности Конфедерации, скорее всего, должно осуществляться за счет членских взносов. Однако именно это часто становится серьезным препятствием: например, в ЭКОВАС проблема своевременной уплаты взносов не решалась на протяжении всех 50 лет существования организации [**22**].

Одним из преимуществ созданной Конфедерации государств Сахеля является ее структура, свободная от излишней бюрократии, с более гибким форматом и ограниченным числом участников, что выгодно отличает ее от других африканских объединений. Учитывая эти факторы, можно говорить о том, что Конфедерация имеет хорошие перспективы добиться высоких результатов в намеченных сферах, однако для этого потребуется политическая воля всех трех государств и согласованная стратегия в области безопасности, а также внешней и внутренней политики.

Изменение геополитического ландшафта в Сахеле

Регион Сахель стал эпицентром углубляющейся поляризации между прозападными «умеренными» государствами и странами, стремящимися освободиться от неоколониального влияния, ориентируясь при этом на другие, неафриканские державы, такие как Россия. Создание Конфедерации государств

Сахеля не было случайным событием, а стало ярким свидетельством нарастающего раскола в Западной Африке. Для США и ЕС этот шаг служит сигналом о серьезных геополитических изменениях, ставящих под сомнение стабильность и влияние в Сахеле. Эти страны, находящиеся под военным правлением после переворотов, свергнувших прозападные правительства, стремятся изменить курс своей внешней политики.

Конфедерация стала ответом на разочарование от того, как Африканский союз и ЭКОВАС отнеслись к Мали, Буркина-Фасо и Нигеру. Эти государства утверждают, что обе организации не смогли должным образом поддержать их в борьбе с джихадистскими повстанцами. Особенно резкой является их критика ЭКОВАС, которое, по их мнению, оказалось под сильным влиянием иностранных держав, в первую очередь Франции. Также они считают, что санкции, введенные этими организациями, лишь усугубили страдания местного населения. Это подчеркивает конец эпохи, когда можно было рассчитывать на поддержку западных стран.

Вывод американских войск с базы в Нигере, в столице Ниамее, стал важным шагом в пересмотре американской стратегии в Западной Африке. Этот вывод символизирует более широкое отступление западных сил из региона, что стало следствием военных переворотов, ухудшивших отношения между новыми властями и западными странами. Он также отражает более глубокие изменения в регионе, где растут антизападные настроения и наращиваются связи с незападными державами, в частности с Россией. С укреплением отношений Сахеля с Россией США серьезно пересматривают свои подходы к региону.

С ростом враждебности к бывшим колониальным державам, прежде всего к Франции, уже состоялся полный вывод французских войск сначала из Мали, а затем и из Нигера и Буркина-Фасо. По мере того как регион переориентируется на новые альянсы, уход США из Сахеля подчеркивает значительные изменения в геополитической картине.

Нельзя не обратить внимание на антизападную политику «Сахельской тройки» в экономическом секторе. В западной прессе эмоционально обсуждают ужесточение условий работы горнодобывающей промышленности, в частности требование от компаний более высоких налоговых платежей и увеличения доли собственности государства в отрасли. Например, в статье Financial Times от 14 января 2025 года с кричащим названием “The ‘terrifying’ crackdown on mining companies in Africa’s coup belt” [**10**], что можно перевести как «Ужасающие репрессии против горнодобывающих компаний в "поясе переворотов" в Африке», считают, что лидеры сахельских государств несправедливо переписывают законы. В материале статьи хорошо видно отношение Запада, недовольного запретом, как раньше, эксплуатировать ресурсы стран, которые они всё так же считают своими колониями. Естественно, на Западе полагают, что не обошлось в этом деле без Кремля. Американская Critical Threats утверждает [**11**], что именно влияние российских дипломатов и военачальников привело к национализации крупных золотодобывающих комплексов в странах Конфедерации, а интересы российского «Росатома» подвинули французскую урановую компанию Orano.

Сейчас Россия усиливает свою хватку в Сахеле, укрепляя влияние в нескольких ключевых государствах и присматриваясь к новым альянсам за пределами региона. Останавливаясь на ключевых аспектах российской позиции в Сахеле, важно отметить Концепцию внешней политики Российской Федерации 2023 года [**12**], в которой акцент сделан на расширении российско-африканского взаимодействия. В пункте 57 документа подчеркивается, что Россия солидарна с африканскими государствами в их стремлении к установлению более справедливого многополярного мира и устранению социально-экономического неравенства, усиливающегося из-за изощренной неоколониальной политики ряда развитых государств в отношении Африки. Российская Федерация намерена способствовать дальнейшему становлению Африки в качестве самобытного и влиятельного центра мирового развития, уделяя приоритетное

внимание, помимо прочего, поддержке в обеспечении суверенитета и независимости заинтересованных государств Африки, в том числе посредством оказания содействия в сферах безопасности, включая продовольственную и энергетическую безопасность, военного и военно-технического сотрудничества [**20**].

Но когда дело доходит до реализации данной концепции Россия и российские компании сталкиваются с определенными трудностями. Так, по мнению авторов доклада «Россия и Африка: аудит отношений» [**13**], подготовленного Международным дискуссионным клубом «Валдай» перед саммитом Россия – Африка 2023 года, ключевая проблема в организации российско-африканских и, в частности, российско-сахельских отношений состоит в том, что, с одной стороны, наблюдается рост активности в сфере расширения экономического, военно-технического и политического взаимодействия, однако, с другой стороны, отдельные меры и временные консультации оказываются недостаточно эффективными в нынешних условиях. По мнению авторов другого доклада «Возвращение России в Африку: стратегия и перспективы» [**14**], Африка представляет собой «целевой рынок» для России благодаря высокому уровню лояльности и конкурентным преимуществам в таких сферах, как оборонно-промышленный комплекс и научно-технические инновации. Однако при этом сохраняется неполное понимание главных экономических потребностей партнеров. В приоритетных областях инвестиционного сотрудничества с государствами Сахеля Россия фокусируется на здравоохранении, энергетике и продовольствии, в то время как для партнеров важнейшими отраслями являются инфраструктура, транспорт и цифровые технологии. В этой связи Россия выбрала стратегию «безопасности в обмен на экономические выгоды» [**15**], предполагающую, что страна – экспортер безопасности не обязана решать задачи социально-экономического развития своих партнеров, но может извлечь выгоду из сотрудничества в сфере безопасности, получая уникальные предложения. Это создает, возможно,

нестандартную, но стабильную основу для партнерских отношений между Россией и Африкой, включая Сахель, чего не хватало в последние десятилетия.

Однако не стоит забывать и о растущем влиянии Китая в зоне Сахеля. Пекин не раз подчеркивал свою приверженность поэтапному и сбалансированному сотрудничеству с сахельскими странами, избегая акцентов на противостоянии с Западом. Современная модель взаимодействия Китай – Сахель является результатом совпадения двух ключевых процессов: стремления сахельских государств к диверсификации внешнеэкономических связей и активной экспансии Китая на глобальные рынки, мотивированной не только экономическими интересами, но и необходимостью обеспечения доступа к сырьевым и энергетическим ресурсам, которыми богат данный регион. Будучи крупнейшим инвестором в регионе, Китай занимает ведущие позиции в удовлетворении потребностей африканских стран в инфраструктурном развитии и реализации масштабных многосекторальных проектов. За последнее десятилетие двусторонние отношения вышли за рамки исключительно экономического сотрудничества и начали охватывать вопросы безопасности. В частности, к 2018 году Китай стал одним из крупнейших поставщиков военной техники для африканских государств, уступая лишь России [**16**]. На данный момент порядка одной трети вооружений, импортируемых африканскими странами, приходится на китайское производство.

Впрочем, главная цель Китая в Сахеле – это улучшение оперативных возможностей и тестирование нового оружия в реальных боевых условиях. Народно-освободительная армия Китая усиливает сотрудничество с генеральными штабами стран Сахеля в целях поиска стратегически выгодных локаций для создания военных баз, а взамен предоставляет не только безопасность, но и необходимое техническое оснащение. В этом контексте можно отметить схожесть подходов России и Китая – бартерный характер их сделок. Пекин поставляет оружие в обмен на доступ к горнодобывающим активам.

Объем торговли Китая с африканскими странами составляет более 280 млрд долл. [**17**], что в 12 раз больше, чем у России, и уступает лишь общему объему торговли африканских стран с Европейским союзом. В этом контексте можно с уверенностью утверждать, что недавние государственные перевороты в странах Сахеля не будут препятствием для продолжения инвестиционных потоков. Китай сохраняет сильный прагматичный интерес к ресурсам данных стран.

Но, несмотря на значительное экономическое влияние Китая в Африке в целом и в Сахеле в частности, Россия также играет важную роль в регионе, предоставляя политическую и военную поддержку. И, учитывая стратегические интересы обеих держав, скорее всего, между ними будет как конкуренция, так и взаимодействие в различных сферах, особенно в военной и политической, что создаст уникальный баланс сил в регионе.

Заключение

Создание Конфедерации государств Сахеля, объединяющей Мали, Нигер и Буркина-Фасо, стало важным шагом, продиктованным совокупностью внутренних и внешних факторов. Эти страны, столкнувшиеся с политической нестабильностью, вооруженными конфликтами, терроризмом и экологическими проблемами, решили укрепить координацию в области безопасности, экономики и экологии, а также развить независимую внешнюю политику. Конфедерация была создана в ответ на разочарование в ЭКОВАС и Африканском союзе, которые не смогли должным образом поддержать страны в их борьбе с джихадистскими угрозами и санкциями. Внешнеполитическое сближение с Россией и отказ от западных союзников, в том числе Франции, стали значимыми индикаторами нарастающего геополитического сдвига в регионе.

Перспективы Конфедерации в долгосрочном плане связаны с преодолением инфраструктурных и экономических проблем, созданием устойчивых торговых и транспортных коридоров, а также развитием военного сотрудничества для борьбы с терроризмом. Однако успех этих инициатив

зависит от политической воли стран-участниц, эффективной координации и решительных действий по внутренним и внешним проблемам.

Геополитические изменения в Сахеле, в том числе активное расширение российского влияния, подчеркивают растущее недовольство стран региона по отношению к традиционным западным партнерам. В этом контексте Конфедерация может стать важным элементом для укрепления суверенитета стран Сахеля, их независимости от внешнего вмешательства и усиления позиций на международной арене. Однако для полноценной реализации этого потенциала необходимо обеспечить долгосрочную стабильность и эффективность военных и экономических инициатив.

Список литературы

1. Регион Сахеля:болевая точка африканского континента // https://www.aa.com.tr/ru/анализ-новостей/регион-сахеляболевая-точка-африканского-континента/2967960

2. Взаимосвязанные проблемы региона Сахель // https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/09/the-sahels-intertwined-challenges-yabi

3. Великая зеленая стена — как реализуется амбициозный проект-надежда Африки // https://ecosphere.press/2023/08/14/velikaya-zelenaya-stena-proekt-nadezhda-afrikanskogo-kontinenta/

4. Война в Мали: тень Елисейского дворца // https://interaffairs.ru/jauthor/material/848

5. О деятельности организации "Аль-Каида в странах исламского Магриба" // https://factmil.com/publ/strana/alzhir/o_dejatelnosti_organizacii_al_kaida_v_stranakh_islamskogo_magriba_2011/83-1-0-249

6. Kaledzi I. Africa's Sahel region: Has the G5 Sahel run its course? [Электронный ресурс], 2023 // URL: https://www.dw.com/en/africas-sahel-region-has-the-g5-sahel-run-its-course/a-66851138

7. Африканская инициатива. «Этнос без государства»: Бесконечная война туарегов в Мали. [Электронный ресурс], 2024 // URL: https://afrinz.ru/2024/07/etnos-bez-gosudarstva-beskonechnaya-vojna-tuaregov-v-mali/

8. Российский совет по международным делам. Конфедерация государств Сахеля и дезинтеграция ЭКОВАС. [Электронный ресурс], 2024 // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konfederatsiya-gosudarstv-sakhelya-i-dezintegratsiya-ekovas/?sphrase_id=159631722

9. Reuters. Junta-led Sahel states ready joint force of 5,000 troops, says minister. [Электронный ресурс], 2025 // URL: https://www.reuters.com/world/africa/junta-led-sahel-states-ready-joint-force-5000-troops-says-minister-2025-01-22/

10. Financial Times. Adeoye A., Hodgson C. The ‘terrifying’ crackdown on mining companies in Africa’s coup belt. [Электронный ресурс], 2025 // URL: https://www.ft.com/content/9a0901f1-070f-43e8-9cd3-6bd6ab4f6c4a

11. Karr L. Africa File, June 7, 2024: Russian Diplomatic Blitz; Somalia Boots Ethiopia. [Электронный ресурс], 2024 // URL: https://www.criticalthreats.org/analysis/africa-file-june-7-2024-russian-diplomatic-blitz-somalia-boots-ethiopia

12. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс], 2023 // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70811

13. Барабанов О., Ньядера И.Н., Полетаев Д., Харитонова Е., Цайзер Н., Нанфоссо Р.Ц., Чкония Л. Россия и Африка: аудит отношений.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2023. С. 19-20.

14. Балытников В., Барабанов О., Емельянов А., Полетаев Д., Сидоренко И., Цайзер Н. Возвращение России в Африку: стратегия и перспективы.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2019. С. 10.

15. Лошкарев И., Чкония Л., Никольская М. Политика и безопасность в Африке: вызовы и возможности для России.: Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2022. С. 8.

16. Laloupo F. Quel futur pour le partenariat Chine-Afrique? [Электронный ресурс], 2023 // URL: https://www.iris-france.org/173124-quel-futur-pour-le-partenariat-chine-afrique/

17. Nyabiage J. China-Africa trade hit US$282 billion in 2023 but Africa’s trade deficit widens, with commodity prices a key factor. [Электронный ресурс], 2024 // URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3250552/china-africa-trade-hit-282-billion-2023-africas-trade-deficit-widens-commodity-prices-key-factor

18. Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Шангараев Р.Н., Шахалова А.А. Африка и контуры формирующегося мира. М, Дипломатическая академия МИД России, 2024. 252 стр.

19. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Новая геометрия геополитической конкуренции в Африке // Вопросы региональной экономики. 2024. № 2 (59). С. 257-266.

20. Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Троянский М.Г., Шангараев Р.Н. Россия - Африка: стратегическое сотрудничество (2-е издание, исправленное и дополненное). М, Дипломатическая академия МИД России а, 2023. 324 стр.

21. Агуреев С.А., Болтаевский А.А., Шангараев Р.Н. Территориальные конфликты на африканском континенте на современном этапе: специфика и особенности урегулирования // Вестник ученых-международников. 2022. № 1 (19). С. 237-248.

22. Агуреев С.А., Шангараев Р.Н. Россия и Эфиопия: к 125-летию установления дипломатических отношений между двумя странами // Вестник ученых-международников. 2022. № 3 (21). С. 330-339.

23. Агуреев С.А., Шангараев Р.Н. Особенности внешней политики Эфиопии в зоне Африканского Рога // Вестник ученых-международников. 2022. № 4 (22). С. 176-184.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Вершинина Елена Валерьевна,
член Ассоциации юристов России,
член Российской ассоциации международного права,
старший преподаватель кафедры международного
частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева,
Московский государственный институт международных
отношений МИД Российской Федерации,
e-mail: vershinina_e_v@my.mgimo.ru
Elena V. Vershinina,
Member of the Russian Bar Association,
Member of the Russian Association of International Law,
Senior Lecturer at the Lebedev Department of Private
International and Civil Law
at the Moscow State Institute of International Relations,
Moscow State Institute of International
Relations (MGIMO-University),
e-mail: vershinina_e_v@my.mgimo.ru

Вылегжанина Варвара Александровна,
слушатель,
Московский государственный институт международных
отношений МИД Российской Федерации,
e-mail: varvarav22@icloud.com
Varvara A. Vylegzhanina,
Student,
Moscow State Institute of International
Relations (MGIMO-University),
e-mail: varvarav22@icloud.com

ОСОБЕННОСТИ НОРВЕЖСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СТРАХОВАНИИ

SPECIFICS OF THE NORWEGIAN INSURANCE LEGISLATION

Аннотация: в представленной работе анализируются основные составляющие законодательства Норвегии о страховании. Уделяется внимание этапам его формирования, законодательно установленным, весьма удачно «работающим» составляющим договора страхования, таким, прежде всего, как

положения о страховых взносах, о страховании жизни, о страховании от пожара, иных бедствий. Показано своеобразие этого законодательства, его отличие от соответствующих законодательных механизмов России в области страхования и на публично-правовом уровне (государство как создатель законодательства о страховании), и на частноправовом уровне (договоренности между страховщиком и страхователем).

Ключевые слова: норвежское законодательство о страховании, норвежская модель договора страхования, договор страхования в Норвегии, норвежские страховые картели, страховой бизнес в Норвегии.

Abstract: this paper analyzes the main components of the Norwegian insurance legislation; the authors draw attention to its formation and to how the legislation establishes components of the insurance contract which successfully "operate": such as, first of all, the provisions on insurance premiums; on life insurance; on fire insurance and other disasters. The peculiarities of the Norwegian insurance legislation is described in the paper, as its difference from the corresponding legislative mechanisms of Russia in the domain of insurance: both at the public law level (the state as the creator of insurance legislation), and at the private law level (contract between insurer and insured).

Keywords: Norwegian insurance legislation, Norwegian insurance contract model, insurance contract in Norway, Norwegian insurance cartels, insurance business in Norway.

Введение

Россия и Норвегия – это соседние государства, многие отрасли экономики которых в течение десятилетий взаимодействуют.

Актуальность темы обусловлена целесообразностью выявления возможностей использования норвежского регулирования страхового дела для совершенствования страхового законодательства России, например, за счет учета норвежского опыта осуществления надзорных функций в сфере страхования, путем совершенствования законодательных предписаний о содержании договора страхования в России исходя из соответствующей норвежской законодательной модели.

В таком контексте в статье рассматривается становление норвежского законодательства о страховании.

Страхование как предмет законодательства Норвегии

В авторитетной англоязычной юридической энциклопедии понятие страхования сведено к договору страхования: «Страхование – это договор, согласно которому одна сторона за оговоренное вознаграждение обязуется возместить другой стороне обозначенные их договоренностью убытки при наступлении определенных неблагоприятных обстоятельств. Сторона, которая обязуется произвести компенсацию, обыкновенно именуется «страховщик»; другая сторона обозначается как "застрахованный" или "выгодоприобретатель"; согласованное вознаграждение страховщику – "страховой премией"» [**6**, с. 802–803].

Развитие правил о страховом деле в Норвегии зарубежные правоведы делят на четыре периода. Первый начинается с 1850 года, т.е. с периода унии Швеции и Норвегии. Он включал порядок либерализации страхования, особенно от пожара, а также создание страховых картелей (объединений страховщиков). Второй период начался с внедрения в 1911 году в Норвегии системы концессий на страховой бизнес; третий период ознаменовался модернизацией системы концессий (с 1938 года). Четвертый период (начиная с 1960 года) отмечен интенсификацией конкуренции между страховщиками [**15**, с. 156–161].

В юридической литературе отмечено также, что успех такого значимого сегмента экономики, как страховой бизнес, зависит прежде всего от доверия клиентов, что страховые компании уязвимы в контексте неблагоприятных последствий субъективного выбора клиентом страховщика и даже не самого лучшего отбора кадров в компанию-страховщика. Именно для совместного покрытия рисков в Норвегии стали создаваться взаимные компании: в рамках этого формата страховщики солидарно помогают менее удачливому «собрату по цеху» покрыть затраты при наступлении страхового случая большого масштаба. А компании с ограниченной ответственностью – другой формат объединения страховщиков – стремились изначально уменьшить свои риски. На определенных этапах страхового рынка активно создавались «тарифные»

картели, посредством которых страховщики стремились стандартизировать страховые премии, согласовать «минимальные» тарифы [**17**, с. 126–151].

Сотрудничество в области перестрахования в Норвегии также основано на доверии и клиентов, и соответствующих страховщиков; оно еще более способствовало образованию картелей страховщиков. В целом Норвегия отличалась сравнительно высоким уровнем доверия к страховому бизнесу, что укрепляло стабильность правовых отношений, возникающих в связи со страхованием. Норвегия была одним из самых открытых страховых рынков в Европе. Примечательно, что до 1911 года правительство не устанавливало порядок лицензирования деятельности иностранных страховых компаний [**7**, с. 643–657].

Те картели страховщиков, деятельность которых не связана со страхованием жизни, состояли исключительно из компаний с ограниченной ответственностью. Напротив, картель по страхованию жизни включал в себя занятые в данной сфере норвежские компании всех организационно-правовых форм. Начиная с конца XIX века норвежские компании по страхованию жизни осуществляли тесное сотрудничество между собой, чтобы противостоять иностранной конкуренции. Реализация соответствующего норвежского Закона о страховых компаниях (1911 года), регламентировавшего страхование жизни, привела к снижению доли иностранных компаний на норвежском страховом рынке. В конечном счете большинство оставшихся иностранных компаний покидали норвежский рынок с 1920-х годов [**21**, с. 263–278].

Норвежские компании начали использовать (особенно после 1909 года) систему бонусов и распределения прибыли. Разделение полномочий создавало равные условия для взаимных компаний и компаний с ограниченной ответственностью. С 1912 года надзорный орган Норвегии Forsikringsrådet установил весьма жесткий режим страхования жизни (что и привело к созданию в 1913 году картеля норвежских компаний по страхованию жизни). В 1914 году страховые компании договорились о фиксированных страховых премиях для

конкретного формата – коллективного страхования моряков. Такого рода форматы сотрудничества были выгодны для страховых компаний Норвегии, способствуя повышению прибыльности национальных страховщиков [**25**, с. 78–80].

В 1915 году было заключено соглашение страховых компаний, регулирующее деятельность их комиссионеров, а также запрещающее распространение уничижительных сведений о конкурентах. В 1924 году орган страхового надзора Норвегии Forsikringsrådet запретил конкуренцию цен на страховые продукты. С 1980-х годов была прекращена любая нерегулируемая конкуренция в тарифах: страховые компании стали зависеть от одобрения госорганом (Forsikringsrådet) любого тарифного нововведения [**21**, с. 51–67]. Традиционные мотивы для получения страховщиками прибыли были уменьшены, соответственно, изменились стимулы для страховых компаний. Как в сравнительном плане отмечают исследователи австралийского законодательства о страховании, в 1919 году была основана «Норвежская промышленная федерация», которая попыталась создать свою страховую компанию, но не смогла войти в картель страховщиков [**20**, с. 69–74]. Отметим, что до Второй мировой войны европейские страховые картели, как правило, были внутринациональными. Соответственно, низкий интерес к трансграничным аспектам страхового дела объяснялся тем, что большинство страховщиков, их картельных объединений действовали внутри одного государства. Тем не менее транснациональные страховые компании участвовали в нескольких национальных картелях. Такие картели задавали «стандарты» страховых взносов, содержание страховых полисов; их «страховые продукты» были сопоставимыми, превалирующими. Основная цель деятельности страховых картелей заключалась в «смягчении» конкуренции между страховщиками, в обеспечении страховой стабильности отрасли [**30**, с. 990–1001].

Государственная поддержка страховых картелей в Норвегии была направлена на укрепление доверия между страховщиками (страховыми компаниями) и их клиентами, что было особенно важно для пенсионного обеспечения и страхования жизни. Эта поддержка государства помогла минимизировать дестабилизирующую конкуренцию между страховщиками, а последнее, в свою очередь, способствовало финансовой стабильности в стране в целом. Для этого со стороны государства требовалось эффективное правовое регулирование страховой деятельности, что способствовало гармоничному сосуществованию локальных норм (прежде всего, картельных соглашений) и установленных государством норм о страховом деле [**22**, с. 990–1001]. Страхование от пожара, от других бедствий имели меньшую политическую значимость и долгое время не требовали заметного государственного вмешательства в регулирование страхового бизнеса в данных сегментах. Начиная с 1983 года в Норвегии стал наблюдаться распад страховых картелей (как объединений крупных страховщиков) при том, что такие картели представляли собой значимую форму страхового бизнеса; в научной зарубежной литературе их рассматривают даже как отдельный компонент национальной экономики [**8**, с. 269–272].

Государственный контроль над страховым делом редко упоминался в исследованиях как фактор успеха страховщиков. В Норвегии существовал, как ранее отмечалось, орган страхового надзора (Forsikringsrådet), который в целом поддерживал модель интегрированного страхования в стране. Норвежское государство было также собственником страховой компании Norges Brannkasse, что позволяло ему влиять и на состояние рынка страхования. Принятый в Норвегии Закон о трастах 1926 года стал первым в Европе реальным законодательным актом о конкуренции страховщиков [**25**, с. 46–49].

В 1937–1938 годах были внесены изменения в Закон о страховых компаниях, вследствие чего вводилась система страховых концессий. Она поддерживала страховые картели, ограничивала рост жесткости в конкуренции

(за счет сдерживания, приобщения к системе новых участников страхового рынка). Оккупация Норвегии нацистской Германией повлекла прекращение деятельности страховых компаний из западных государств антигитлеровской коалиции. В период после Второй мировой войны, напротив, конкуренция между страховщиками усилилась за счет возвращения страховых компаний таких государств на норвежский страховой рынок; в новых условиях картели страховщиков начали терять свои позиции на страховом рынке [**7**, с. 647–662].

Современная норвежская модель договора страхования

Основным применимым источником норвежского права в рассматриваемом контексте является норвежский Закон о договорах страхования 1989 года “The Act relating to Insurance Contracts” (the Insurance Contracts Act). В его разделе 1-2 (Definitions) ключевые понятия определены следующим образом.

«Страховщик» – это сторона договора страхования, которая обязуется по договору «обеспечить страхование».

«Страхователь» – это «сторона, которая заключает со страховщиком индивидуальный или коллективный договор страхования».

«Застрахованное лицо» – это сторона договора, которая по его условиям вправе получить от страховщика возмещение или страховую сумму.

«Коллективное страхование» – это такое страхование, при котором права и обязательства членов группы определяются в договоре страхования страхователем.

«Положения о безопасности» – это клаузула в договоре страхования, предусматривающая:

(1) Обязанность застрахованного лица предпринять конкретные меры, нацеленные на избежание ущерба от случая, предусмотренного договором страхования, или на минимизацию такого ущерба;

(2) Обязанность застрахованного лица «иметь надлежащие квалификации или сертификаты при использовании или хранении застрахованного имущества».

Уже в этих дефинициях норвежского закона, как видим, заложено отличие от российского законодательства.

Правила относительно обязательства заключать договоры страхования описаны в статьях закона 3-10 и 12-12 [**35**]. Обязанность заключать договор страхования может быть абсолютной или частичной. Абсолютная обязанность требует, чтобы страховщик предлагал страховку всем или некоторым группам клиентов. Частичная обязанность позволяет страховщику, при наличии уважительной причины, отклонить заявку на заключение договора страхования [**35**].

Законодательное регулирование договоров страхования было уточнено в 2009 году после долгих дискуссий по поводу права страховщика отказать клиенту в страховании по различным причинам, таким как неуплата страховой премии, высокая частота несчастных случаев, проблемы со здоровьем клиента. В Дании и Финляндии, как отмечено, аналогичных правил нет, хотя подобные обсуждения имели место, а шведский закон о договорах потребительского страхования содержит обязательные правила заключения договоров [**19**].

Некоторые аспекты норвежской законодательной модели договора страхования могут быть интересными для Российской Федерации. Это относится прежде всего к тому, как «Норвежский совет по рассмотрению жалоб» интерпретирует клаузулы Закона Норвегии о договорах страхования.

В норвежском Законе о договорах страхования (ICA) в двух частях содержатся весьма продуманные, сбалансированные правила о порядке заключения договора страхования. Например, страховщик не вправе отклонить без уважительной причины заявку о намерении заключить договор страхования. Уведомление об отказе в заявке должно быть предоставлено в письменной форме с указанием оснований. Кроме того, заявитель должен знать о правилах рассмотрения споров, возникающих в этой связи [**19**].

Законодательные положения о заключении договора страхования нацелены на такое регулирование отношений между страховщиком и клиентами

– их потенциальными страхователями, которое соответствует интересам большинства населения, стабильности общества в целом. Однако норвежский законодатель исходит из невозможности требовать от страховщика предлагать страховые продукты абсолютно всем: у него, по смыслу закона, наличествует право ограничить свои оферты [**19**].

Обязанность заключать договоры касается «обычных условий», чаще всего тех, которые по большей части на практике предлагают страховщики. При этом, как отмечено в рамках научного толкования закона, страховщик не обязан прилагать все усилия к созданию новых страховых продуктов, если это не сулит ему выгоду. Страховщик может ограничить круг своих клиентов, предлагая страхование только для определенных групп. В отношении коллективного страхования, впрочем, допустимы особенности при применении общих законодательных правил [**35**].

Как отмечается в правовой науке, большинство заявлений на страхование принимаются страховщиками, договоры о страховании заключаются, а понятие «особого риска» относится к оценке вероятности наступления отрицательного события – страхового случая. При этом основной принцип при заключении страховщиком с его клиентом договора страхования состоит в том, что страхование не может быть оформлено на событие, которое уже произошло [**35**].

Понятие «особый риск» при заключении договора страхования включает факторы, которые не влияют на большие группы населения; это понятие оценивается в контексте индивидуальной статистики. Существуют такие особые факторы риска – быстрого наступления страхового случая, как злоупотребление алкоголем застрахованным лицом, его участие в опасных видах спорта и т.п. Такие факторы риска могут служить в конкретном случае страховщику основанием для отказа в заключении договора страхования [**2**].

Совет по рассмотрению финансовых жалоб сталкивается, например, с случаями отказа в страховании тем клиентам, которые страдают определенными заболеваниями. Однако разница между «явно выраженным» и «значительным»

риском остается сложной проблемой для юридической оценки. Страховщик должен обозначить причинно-следственную связь между отказом заключить договор страхования и специфическим риском у данного клиента [**2**].

В целом лицам с особым риском (например, с определенными неизлечимыми заболеваниями) не могут просто отказать в страховании от несчастных случаев. Страховщик должен оценить, можно ли ограничить риск другими мерами (помимо отказа от заключения договора страхования). Кроме того, при личном страховании есть возможность заключения договора с существенными клаузулами (оговорками), связанными с состоянием здоровья конкретного страхователя [**2**].

Итак, по норвежскому законодательству страховой риск обычно определяется на основе индивидуальных статистических данных. Требуется наличие причинно-следственной связи между таким риском и отказом в заключении договора страхования; такой отказ не всегда зависит от конкретного клиента. Например, общая статистика деятельности конкретной компании при рассмотрении вопросов о договорах страхования может служить основанием для отказа (без индивидуальной оценки риска). Но при этом законодательство требует, чтобы статистика была актуальной, точной [**2**].

Если нет соответствующих статистических данных, страховщик может полагаться на медицинские заключения. Некие «особые обстоятельства» могут служить основанием для отказа в договоре страхования; такие обстоятельства должны быть «отличны» от обычных. В некоторых случаях предыдущие несчастные случаи, имевшие место в компании, могут стать основанием для такого отказа. В целом законодатель требует, чтобы критерии риска и применимых обстоятельств (в т.ч. «особых») были тщательно сопоставлены [**19**].

Страховщик обязан предоставить письменное обоснование отказа заключить договор страхования, указывая на факторы, на основе которых отказ был дан. Ошибки в ответах также могут привести к отказу в заключении

договора страхования, а мошеннические действия могут вообще лишить страхователя всех прав по договору страхования. Существуют установленные правила для анализа отказов. Статистика, как и внутренние руководства страховщиков, впрочем, чаще не указывают на конкретные риски [**2**].

Закон требует учитывать баланс между защитой финансовых интересов клиентов и основными принципами страхового рынка. Даже клиенты с серьезными проблемами со здоровьем, например, могут всё же получить страхование, если заявки рассматриваются корректно и в свете всех обстоятельств [**2**].

В Норвегии страховщики обязаны, согласно закону, обосновывать свои действия; это позволяет государству эффективно контролировать страховой бизнес. Создание для него новых правил могло бы еще более усовершенствовать страховую систему страны, однако сложная процедура законодательных нововведений вызывает вопросы к оценке их целесообразности. Общее количество конкретных ситуаций, разногласий между страховщиком и страхователем показывает, например, необходимость создания более эффективного механизма разрешения споров [**17**].

Заключение

В представленной статье рассмотрены основные составляющие законодательства Норвегии, регулирующего отношения по договору страхования. В итоге обозначено место договора страхования в национальном праве Норвегии; исследованы особенности становления норвежской модели договора страхования; выявлены положительные характеристики норвежской модели договора страхования. В работе констатируются некоторые проблемные и, напротив, юридически удачные составляющие нормативного правового регулирования страховой деятельности в Норвегии. Выявлено, что в норвежском законодательстве договор страхования служит значимым правовым механизмом защиты интересов граждан и компаний. В Норвегии страхование лиц является в основном добровольным: каждый человек сам выбирает, какие риски ему

необходимо застраховать. Вместе с тем договоры страхования часто включают в себя более широкий спектр «страховых продуктов» (например, страхование от потери дохода, страхование от несчастных случаев и т.д.). Страховые компании нередко предлагают более выгодные для страхователя (чем в России) условия и более высокие выплаты при наступлении страхового случая.

Несмотря на то что в Норвегии законодательство о страховании не столь объемное, не представлено таким большим количеством нормативно-правовых актов, как в России, оно обеспечивает высокий уровень защиты потребителей, населения, окружающей среды (в части экологического страхования) с акцентом на прозрачность и доступность информации для страхователей. Культура страхования в Норвегии более развита: население, имея большее доверие к страховщикам, воспринимает страхование как неотъемлемую часть финансового планирования жизнедеятельности; случаи страхового мошенничества в Норвегии единичны. Обозначенные особенности норвежской правовой модели страхования свидетельствуют о целесообразности их учета Центральным банком России, исходя из тех полномочий, которые ему предоставлены Законом Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (от 27 ноября 1992 г. с посл. изм.), с одной стороны, и, с другой стороны, недостатков в его работе в свете той критики российской модели страхования перевозки нефти морем, которая была зафиксирована в СМИ после экологической катастрофы российских танкеров в Керченском проливе.

Список литературы

1. Act on the Supervision of Financial Institutions etc. (Financial Supervision Act). LOV-1956-12-07-1. Ministry of Finance. 07/12/1956. Lov om tilsynet med finansforetak mv. (finanstilsynsloven).

2. Act relating to equality and a prohibition against discrimination (Equality and AntiDiscrimination Act).

https://lovdata.no/ dokument/NLE/lov/2017-06-16-51

3. Act relating to Measures to Combat Money Laundering and Terrorist Financing (the Anti-money Laundering Act). LOV-2018-06-01-23. Ministry of Finance. 15/10/2018. Lov om tiltak mot hvitvasking og terrorfinansiering (hvitvaskingsloven).

4. Act relating to procedure in cases concerning the public administration (Public Administration Act). LOV-1967-02-10. Ministry of Justice and Public Security. 01/01/1970. Lov om behandlingsmåten I forvaltningssaker (forvaltningsloven).

5. Bertilorenzi, M. The International Aluminium Cartel, 1886-1978. The business and politics of a cooperative industrial institution. London: Routledge, 2016.

6. Black's Law Dictionary by Henry Campbell Black, M. A. St. Paul, Minn. West Publishing Co. 1990. 1657 p.

7. Espeli, H. Perspectives on the distinctiveness of Norwegian price and competition policy in the XXth century. Journal of European Economic History, 2002.

8. Fear, J. Cartels. In G. Jones, & J. Zeitlin (Eds.), The oxford handbook of business history. Oxford: Oxford University Press, 2007.

9. "Forsikringsrådet" (in Norwegian). National Archival Services of Norway. Retrieved 2 December 2012.

10. Forskrift om risikostyring og internkontroll. FOR-2008-09-22-1080. Finansdepartementet. 01/01/2009.

11. Forskrift om tilsyn med fnansforetak og forvaltningsselskap som har hovedsete i annan EØS-stat og som driver virksomhet I Norge mv. FOR-1993-12-28-1257. Finansdepartementet. 01/01/1994.

12. Forskrift om tiltak mot hvitvasking og terrorfinansiering (hvitvaskingsforskriften). FOR-2018-09-14-1324. Finansdepartementet. 15/10/2018.

13. Forskrift om utveksling av opplysninger med tilsynsmyndigheter fra land I og utenfor EØS-området. FOR-1998-1-30-102. Finansdepartementet. 01/01/1999.

14. Fukuyama, F. Political order and political decay. From the industrial revolution to the globalization of democracy. London: Profile Books, 2014.

15. Gerber, D. J. Law and competition in the twentieth century Europe. Protecting Prometheus. Oxford: Oxford University Press, 1998.

16. Grossman, P. Z. How cartels endure and how they fail: Studies of industrial collusion. Cheltenham: Edward Elgar, 2004.

17. Hans Jacob Bull. Forsikringsrett. Oslo Bull, 2008.

18. Hansmann, H. The organization of insurance companies: Mutual versus stock. Journal of Law, Economics, and Organization, 1985.

19. Insurance Contract Act (Försäkringsavtalslag) (2005:104) 3 ch. 1 § for consumer insurance and 11 kap. 1 § for personal insurance (Swedish ICA).

20. Keneley, M. The origins of formal collusion in Australian fire insurance 1870-1920. Australian Economic History Review, 2002.

21. "Kredittilsynet". Store norske leksikon (in Norwegian). Retrieved 24 December 2009.

22. Larsson, M., & Lönnborg, M. Regulating competition on the Swedish insurance business. In S. Fellman, & M. P. Shanahan (Eds.), Regulating competition. Cartel registers in the twentieth-century world. London: Routledge, 2016.

23. Levenstein, M. C., & Salant, S. W. Cartels volume 1. Cheltenham: Edward Elgar, 2007.

24. Levenstein, M. C., & Salant, S. W. Cartels volume 2. Cheltenham: Edward Elgar, 2007.

25. Levenstein, M. C., & Suslow, V. Y. What determines cartel success? Journal of Economic Literature, 2006.

26. Pearson, R. The evolution of industry structure. In N. V. Haueter, & G. Jones (Eds.), Managing risk in reinsurance. Oxford: Oxford University Press, 2017.

27. Pearson, R., & Lönnborg, M. Regulatory regimes and multinational insurers before 1914. Business History review, 2008.

28. Regulations on use of information in communication technology (ICT). FOR-2003-05-21-630. Ministry of Finnce. 01/08/2003. Forskrift om bruk av informasjons- og kommunikasjonsteknologi (IKT).

29. Robert K. Meyers, Europe's Insurance Frontier; Developing Markets Offer Opportunities and Dangers. Bus. INS., 1993.

30. Schröter, H. G. Cartels revisited. An overview on fresh questions, new methods, and uprising results. Revue économique, 2013..

31. Smith, B. D., Stutzer, M. J. Adverse selection, aggregate uncertainty, and the role for mutual insurance contracts. Journal of Business, 1990.

32. Stigler, G. A theory of oligopoly. Journal of Political Economy, 1964.

33. Stigler, G. The theory of economic regulation. Bell Journal of economics and Management Science, 1971.

34. Stroli, E. Cartel theory and cartel practice: The case of the international aluminium cartels, 1901-1940. Business History review, 2014.

35. Trine-Lise Wilhelmsen, Forsikringsselskapenes kontraheringsplikt – Nye regler keiserens nye klær, Tidsskrift for erstatningsrett, forsikringsrett og trygderett, 1/2018.

36. Westall, O. M. ‘David and Goliath’: The fire offices. Committee and non-tariff competition, 1898-1907. In O. M. Westall (Ed.), The Historian and the business of insurance. Manchaster: Manchester University Press, 1984.

Велиев Бегенч Язмамедович,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: m-attache@turkmenembassy.ru

Begench Ya. Veliyev,
Postgraduate,
Diplomatic Academy of Ministry of
Foreign Affairs of Russia,
e-mail: m-attache@turkmenembassy.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРИЗНАНИЯ НЕЙТРАЛИТЕТА ТУРКМЕНИСТАНА И ИНИЦИАТИВЫ ПО РАСШИРЕНИЮ ИНСТИТУТА НЕЙТРАЛИТЕТА

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISM FOR RECOGNIZING TURKMENISTAN'S NEUTRALITY AND INITIATIVES TO EXPAND THE INSTITUTION OF NEUTRALITY

Аннотация: в международно-правовой практике статус постоянного нейтралитета был закреплен резолюцией ООН. Является очевидным то, что в основе содержания данной резолюции имеются нормы, подтверждающие возникновение соответствующего юридического факта. В данной статье раскрывается правовой механизм признания нейтралитета Туркменистана. В работе проводится анализ практической реализации государством политики нейтралитета, рассматриваются новые формы международно-правового сотрудничества, устойчивых внешних связей в различных областях жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: правовая ценность, Совет Безопасности ООН, нейтральный статус, Конституционный закон, права человека, гарантии мира и безопасности, региональный кризис, геоэкономический аспект, энергоносители.

Abstract: in international legal practice, the status of permanent neutrality was established by a UN resolution for the first time. It is obvious that the content of this resolution is based on norms confirming the occurrence of the relevant legal fact. This article reveals the legal mechanism for recognizing Turkmenistan's neutrality. The paper analyzes the practical implementation of the policy of neutrality by the state, examines new forms of international legal cooperation, stable external relations in various areas of society.

Keywords: legal value, UN Security Council, neutral status, Constitutional law, human rights, guarantees of peace and security, regional crisis, geo-economic aspect, energy resources.

Введение

В 2025 году Туркменистан вместе со всем мировым сообществом широко отмечает 30-ю годовщину международного признания своего нейтрального статуса. Это важнейшее событие в независимой истории Туркменского государства, этапный рубеж в его внешней политике. Одновременно это и хороший повод, чтобы осмыслить пройденный за эти годы путь, подвести итоги, оценить нынешний этап развития Туркменистана как нейтрального государства.

12 декабря 1995 года в Нью-Йорке в ходе заседания Генеральной Ассамблеи ООН была принята специальная резолюция «Постоянный нейтралитет Туркменистана». Показательно, что коспонсорами резолюции ООН о туркменском нейтралитете выступили как ряд соседних государств, так и великие державы – постоянные члены Совета Безопасности ООН. Таким образом, нейтральный внешний курс, проводимый Туркменистаном, получил международно-признанный правовой статус.

Этапы международно-правового признания и законодательное закрепление нейтралитета Туркменистана

Фактической точкой отсчета нейтралитета Туркменистана можно назвать июль 1992 года, когда в Хельсинки на саммите Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе Туркменистан впервые провозгласил позитивный нейтралитет в качестве своего внешнеполитического курса. Тогда же были обозначены и его основные характеристики: уважение суверенитета и территориальной целостности других стран, невмешательство в их внутренние дела, отказ от применения силы в межгосударственных отношениях, приоритет решений ООН в международных делах, укрепление добрососедства и сотрудничества со всеми странами [**1**].

В марте 1995 года в Исламабаде в итоговой декларации саммита Организации экономического сотрудничества нейтральная внешняя политика Туркменистана получила свое первое официальное международное признание на региональном уровне. Далее была встреча глав государств и правительств стран – участниц Движения неприсоединения в Картахене (Колумбия), поддержавшая туркменский нейтралитет.

Основываясь на целях и задачах Устава ООН, исходя из необходимости присутствия в регионе развитых государств, Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции «Постоянный нейтралитет Туркменистана» от 12 декабря 1995 года выразила признание и поддержку нейтралитета Туркменистана, призвала государства мирового сообщества уважать и поддерживать независимость, суверенитет и территориальную целостность Туркменистана. Резолюция Генеральной Ассамблеи является выражением согласованной воли всех членов ООН в ключевом вопросе поддержания мира и безопасности [**10**].

Политико-правовой аспект принятия Туркменистаном нейтралитета дополнился важнейшим гуманитарным фактором, который отразился в Декларации «О международных обязательствах нейтрального Туркменистана в области прав человека» от 27 декабря 1995 года, подтверждающей огромное уважение Правительства Туркменистана к правам человека [**4**].

Принятием совместно с Народным советом и парламентом нормативных правовых актов Туркменистана 27 декабря 1995 года, в частности Закона Туркменистана «О внесении изменения и дополнения в Конституцию Туркменистана» и Конституционного закона Туркменистана «О постоянном нейтралитете Туркменистана», осуществилось законодательное закрепление принятого международно-правового статуса [**5**]. Наряду с принятием соответствующих законов была также утверждена Концепция внешней политики нейтрального Туркменистана.

Принятие вышеперечисленных законов и соответствующего политического документа обусловлено прежде всего созданием основательной

юридической базы в целях твердого установления статуса нейтралитета Туркменистана. В содержании этих внутригосударственных документов предусмотрены ключевые направления реализации обязательств и прав в соответствии со статусом постоянного нейтралитета, а также определены его особенности.

Исходя из этого, а также принятых в соответствии с нейтральным статусом обязательств, Туркменистан начинает присоединение к основным соответствующим международно-правовым документам, которые способны обеспечить гарантии мира и безопасности, а также консолидации международной солидарности. Нейтралитет является для Туркменистана правовой ценностью и имеет очень важное политическое значение.

Основные международные инициативы Туркменистана как нейтрального государства

Роль Туркменистана в урегулировании межтаджикского кризиса в 1995–1996 годах, участие страны в миротворческих усилиях ООН по мирному, политическому решению гражданского противостояния в Афганистане в 1999 году подтвердили активное позитивное воздействие Туркменистана на региональные дела [**7**]. Можно напомнить и о недавних инициативах Туркменистана, направленных на предупреждение региональных кризисов и совместную выработку новых, нон-конфронтационных политических моделей сотрудничества для Центральной Азии и Каспийского бассейна, предложениях относительно урегулирования ситуации в Афганистане.

Обеспечение преемственности политики нейтралитета сопровождается насыщением ее новым содержанием, нацеленным на использование статусных характеристик страны для активизации регионального и межрегионального сотрудничества. Сегодня Туркменистан в своей международной деятельности ставит особый акцент на геоэкономическом аспекте нейтралитета, в частности раскрытии связанных с этим возможностей для придания нового смысла всей системе международных связей в таком важнейшем ее компоненте, как поставки

энергоносителей. В этом контексте безусловно новаторской выступает получившая признание и поддержку ООН инициатива Президента Туркменистана о начале процесса выработки универсального и системного подхода к этой проблеме, подхода, основанного на учете интересов всех вовлеченных сторон, сочетаемости и совместимости их взглядов и представлений о конфигурации маршрутов поставок энергоресурсов.

Сегодня этот процесс обретает предметные очертания. Генеральная Ассамблея ООН дважды единогласно принимала туркменский проект резолюции «Надежный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества», соавторами которого стали десятки государств. В тексте этого документа содержатся практические и предельно конкретные рекомендации по инициированию глобального сотрудничества в энергетической сфере. Тот факт, что именно нейтральный Туркменистан выступил с идеей проведения широкого международного диалога по данной проблематике, инициатором начала скоординированных действий государств, представляется закономерным. Последовательно осуществляемая им политика мира, добрососедства и сотрудничества на основе взаимного учета интересов, в том числе и в энергетической сфере, готовность не на словах, а на деле использовать свой богатый ресурсный потенциал, выгоды географического положения для содействия как целям внутреннего развития, так и в интересах широкого международного партнерства – всё это органично вписывается в логику действий Туркменистана на мировой арене [**2**].

Следует оценивать и приверженность Туркменистана принципу диверсификации своих энергетических потоков, в частности, при строительстве экспортных трубопроводов. И здесь именно нейтралитет выступает дополнительным весомым условием, гарантирующим географическую направленность поставок туркменских энергоносителей от политизации и блоковых обязательств. При этом ресурсные возможности и преимущества

географического положения страны рассматриваются Туркменистаном в качестве факторов позитивного влияния на развитие регионального и межрегионального экономического сотрудничества, а также важного условия сохранения баланса интересов на евразийском энергетическом пространстве на основе равноправного доступа партнеров к источникам туркменских углеводородов и средствам их доставки. Это принципиальная позиция.

Следуя ей, наряду с использованием традиционных маршрутов, Туркменистан реализовал ряд крупных проектов по выводу своих энергоносителей на мировые рынки: газопровод Туркменистан – Китай и вторая ветка газопровода Туркменистан – Иран. Сегодня в стадии реализации находится еще один крупный энергетический проект – строительство газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ). Он пользуется поддержкой всех стран-участниц, крупных международных финансовых институтов, в том числе Азиатского банка развития. Проект ТАПИ является логическим продолжением долгосрочной энергетической стратегии, предполагающей строительство новых международных газопроводов в различных направлениях.

Особую актуальность сегодня приобретают сформулированные президентом страны инициативы о создании международных транспортных коридоров регионального и континентального уровней. В их рамках Туркменистан осуществляет крупные международные транспортные проекты по линиям Север – Юг и Восток – Запад. Поставить создание транспортной инфраструктуры на службу развития и прогресса государств и народов, стабилизации мировых и региональных процессов Туркменистан считает императивом дня, необходимым условием успешного осуществления Целей устойчивого развития в глобальном измерении.

Все эти достижения, успешная реализация международных проектов во многом обусловлены именно нейтралитетом Туркменистана, который никогда не политизировал и не политизирует экономическое сотрудничество. И этот факт

находит должное понимание и высоко ценится партнерами Туркменистана, позволяет развивать равноправные, взаимовыгодные связи с различными странами и компаниями.

Сегодня можно говорить об очевидных позитивных результатах нейтрального статуса Туркменистана и его практического воплощения.

На глобальном уровне Туркменистану удалось выстроить ровные партнерские отношения с великими державами и основными мировыми центрами силы – Россией, США, Евросоюзом, Китаем. Фактически стала реальностью провозглашенная линия на «равноприближенность» Туркменистана к ним (этим центрам), если речь идет о сочетаемости их интересов в регионе на основе честной и здоровой конкуренции. На региональном уровне Туркменистан установил добрососедские и равноправные отношения с сопредельными странами, крупными региональными державами, такими как Иран и Турция, Пакистан и Индия. На туркменской геополитической «площадке» интересы этих государств никогда не входили в противоречия. В этом смысле можно было бы определить суть философии нейтралитета еще и так: «Равно дружить и поддерживать добрые отношения со всеми, но не дружить ни с кем против кого-то».

Нейтральный статус Туркменистана, обуславливающий минимальный уровень внешнеполитических рисков, наряду с богатейшим ресурсным потенциалом и внутренней стабильностью, предопределил большой интерес к стране со стороны ведущих зарубежных компаний и обеспечил серьезный приток в национальную экономику иностранного капитала.

В сотрудничестве с ООН

Особую роль в содействии стабильному и поступательному развитию региональных процессов Туркменистан традиционно отводит Организации Объединенных Наций, ее специализированным структурам. Сегодня в стране на постоянной основе работают представительства ряда специализированных агентств ООН: Программы развития ООН, Управления Верховного комиссара

по делам беженцев, Детского фонда, Всемирной организации здравоохранения, Управления по наркотикам и преступности, Фонда народонаселения и др. Это сотрудничество осуществляется на системной основе. Туркменистан приветствует такое взаимодействие, с благодарностью принимает поддержку, которую оказывает ООН посредством реализации в стране различных проектов и программ [**3**].

С учреждением в декабре 2007 года по инициативе Туркменистана и при поддержке стран-соседей и всего мирового сообщества Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии получила новый импульс миротворческая повестка, значительно расширились возможности для выработки и реализации конструктивных моделей взаимодействия государств на основе общепризнанных норм международного права с опорой на огромный моральный авторитет ООН, ее бесценный опыт в урегулировании кризисных ситуаций [**8**]. Важным в этой связи видится налаживание в рамках работы Регионального центра многостороннего консультативного и переговорного механизма с участием дипломатов и экспертов, призванного содействовать согласованию подходов государств в вопросах социально-экономического развития региона, создание и задействование в режиме опережения комплекса политико-правовых, дипломатических и экономических инструментов предупреждения и нейтрализации общерегиональных вызовов и угроз. Именно под эгидой ООН, как показывает практика, рычаги превентивной дипломатии могут эффективно работать и приносить реальные результаты.

За прошедший тридцатилетний период эволюция нейтралитета Туркменистана доказала свое соответствие базовым ценностям и целям ООН, получила признание как общее достояние мирового сообщества. Это было подтверждено в том числе консенсусным принятием двух последующих резолюций Генеральной Ассамблеи в поддержку нейтралитета Туркменистана, а также провозглашением Генеральной Ассамблеей по инициативе Туркменистана 12 декабря Международным днем нейтралитета [**9**].

Исходя из этого Туркменистан считает, что нейтралитет, его принципы, практический инструментарий должны гораздо шире, нежели сейчас, использоваться международным сообществом. Потенциал нейтралитета огромен, он является не только национальной моделью внешней политики для целого ряда государств, принесшей им мир, добрососедство и благополучие, но и эффективной платформой для решения возникающих противоречий мирными средствами.

Действуя в данной логике, на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Туркменистан вышел с инициативой придания нейтральным странам статуса приоритетного партнерства с ООН в миротворческих усилиях Организации. Ожидается, что это станет действенным и вдохновляющим стимулом для более активного и предметного использования мировым сообществом арсенала нейтралитета и превентивной дипломатии.

Туркменистан рассчитывает на поддержку нейтральных, неприсоединившихся и внеблоковых стран, всех государств, разделяющих принципы невмешательства и неучастия в конфликтах, в деле объединения своих потенциалов, опыта и авторитета для создания условий перехода к мирным, политико-дипломатическим методам разрешения существующих и потенциальных конфликтов. В этом смысле объявление Генеральной Ассамблеей ООН по инициативе Туркменистана 2025 года Международным годом мира и доверия дает возможность для перевода нейтралитета в практическую плоскость в качестве платформы консолидации тех здоровых и ответственных сил, государств или групп стран, которые в принципе отвергают конфронтационный подход, убеждены в реалистичности решения возникающих противоречий за столом переговоров, как бы ни трудны и продолжительны они не казались, и настроены на действенные миротворческие шаги, в первую очередь под эгидой ООН [**6**].

Заключение

Туркменистан осуществляет свой внешнеполитический курс в обстановке мира и созидания, добрососедства, уважения и взаимопонимания с друзьями и партнерами по мировому сообществу. Многолетняя история туркменского нейтралитета наглядно продемонстрировала миру его высокую значимость. Накопленный опыт показывает, что понятие туркменского нейтралитета имеет множество аспектов и из сугубо статусного понятия он стал универсальным и действенным способом реализации возможностей международного сотрудничества по обширному спектру политических, торгово-экономических, социальных, гуманитарных направлений. Туркменистан ясно видит свои перспективы, уверенно формирует планы развития государства и общества, ответственно проводит курс на широкое, многоплановое международное сотрудничество. Нейтральный, миролюбивый Туркменистан сегодня вносит важный вклад в дело укрепления мира и доверия, успешного претворения в жизнь повестки ООН по устойчивому развитию и прогрессу.

Список литературы

1. Аманжолов Ж.М. Туркменистан и его постоянный нейтралитет: международно-правовой статус современного государства//Государство и право. 2012. №6. С. 90-98.;

2. Бердымухамедов, Г. М. К новым высотам прогресса. Избранные произведения : т. 1-9. Ашгабат, 2008–2016.;

3. Выступление Президента Туркменистана Бердымухамедова Г. М. на 75-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 22 сен. 2020 г.;

4. Декларации о международных обязательствах нейтрального Туркменистана в области прав человека» : [принята Халк Маслахаты Туркменистана 27 дек. 1995 г.];

5. Конституционный закон Туркменистана о постоянном нейтралитете Туркменистана : офиц. текст. – Ашхабад, №99-1 от 27 дек. 1995 г.;

6. Международный год мира и доверия и 30-летие нейтралитета: в Туркменистане определены ключевые направления подготовки к национальным и международным мероприятиям. [Электронный ресурс]. 2025. Режим доступа: https://www.newscentralasia.net/2025/01/10/mezhdunarodnyy-god-mira-i-doveriya-

i-30-letiye-neytraliteta-v-turkmenistane-opredeleny-klyuchevyye-napravleniya-podgotovki-k-natsionalnym-i-mezhdunarodnym-meropriyatiyam/;

7. Нейтралитет Туркменистана: политика мира и развития. Речи, выступления и интервью Президент Туркменистана Бердымухамедова Г. М. Ашхабад, 2015;

8. Пять лет Региональному центру ООН по превентивной дипломатии // Материалы международной конференции «Нейтралитет и превентивная дипломатия: основы мира и безопасности». Ашхабад, 11 дек. 2012 г.;

9. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Международный день нейтралитета» A/RES/71/275 : офиц. текст. – Нью-Йорк, 2 фев. 2017 г.;

10. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Постоянный нейтралитет Туркменистана» A/RES/50/80 : офиц. текст. – Нью-Йорк, 12 дек. 1995 г.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Саргина Людмила Васильевна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры политической экономии
и истории экономической науки РЭУ им. Г.В. Плеханова,
e-mail: Lsargina@yandex.ru
Lyudmila V. Sargina
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Political Economy
and History of Economics of Plekhanov Russian University of Economics,
e-mail: Lsargina@yandex.ru

Амирова Найля Рифатовна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры политической экономии
и истории экономической науки РЭУ им. Г.В. Плеханова,
e-mail: naylya-amirova@mail.ru
Naylya R. Amirova,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Political Economy
and History of Economics of Plekhanov Russian University of Economics,
e-mail: naylya-amirova@mail.ru

Мальцева Елена Васильевна,
магистрант Высшей школы финансов
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
e-mail: Lena-maltseva-2016@mail.ru
Elena V. Maltseva,
Master of the Higher School of Finance of
Plekhanov Russian University of Economics,
e-mail: Lena-maltseva-2016@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВИНОДЕЛЬЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE WINE INDUSTRY OF KRASNODAR REGION AND THE REPUBLIC OF CRIMEA

Аннотация: Россию отличают благоприятные природно-климатические условия, предоставляющие большие возможности для развития винодельческой

отрасли на высоком уровне. В статье анализируются факторы, влияющие на текущее состояние и перспективы совершенствования рынка виноделия. Исследование основных показателей сектора на примере Краснодарского края и Республики Крым позволило изучить динамику изменения индикаторов развития виноделия, а следовательно, выявить тенденции дальнейшего его развития. Проведение SWOT-анализа отрасли позволило сформировать представление о современном состоянии хозяйства, выявить сильные и слабые стороны винодельческой промышленности регионов, а также наиболее значимые угрозы и возможности сектора, что сделало возможным сформулировать дальнейшую траекторию его развития и модернизации.

Ключевые слова: виноградарство, урожайность, площадь виноградных насаждений, валовой сбор, производство вина, винный туризм.

Abstract: Russia is distinguished by favorable natural and climatic conditions, which provide great opportunities for the development of the wine industry at a high level. The article analyzes the factors influencing the current state and prospects for improving the winemaking market. The study of the main indicators of the sector on the example of the Krasnodar Territory and the Republic of Crimea made it possible to study the dynamics of changes in the indicators of the development of winemaking, and, consequently, to identify trends in its further development. Conducting a SWOT-analysis of the sector allowed us to form an idea of the current state of the economy, identify the strengths and weaknesses of the wine industry in the regions, as well as the most significant threats and opportunities of the sector, which allowed us to formulate the further trajectory of its development and modernization.

Keywords: viticulture, yield, area of vine plantations, gross harvest, wine production, wine tourism.

Введение

Южные регионы России исторически славятся развитием винодельческой отрасли, которая с каждым годом выходит на новый уровень. Совершенствование и модернизация производства вина играют большую роль как для экономики стратегических регионов, так и для страны в целом. Расширение и укрепление винодельческой отрасли в России связаны с повышением интереса к ней. Одной из причин такого оживления на рынке виноделия является повышение потребительского спроса на отечественную продукцию, произошедшее преимущественно под влиянием геополитических и

экономических факторов. Так, потребность в оценке состояния рассматриваемого сектора, а также определении перспектив его развития очевидна, поскольку с течением времени проведение данного анализа становится насущной необходимостью.

За последние годы российское виноделие получило ряд существенных стимулов для развития. Так, власти утвердили профильный закон о виноградарстве (ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации» от 27.12.2019 N 468-ФЗ), за счет чего в стране начали стремительно расти площади виноградников. Еще одним важным драйвером стало повышение таможенных пошлин на импортное вино, что привело к его удорожанию и изменению ассортимента торговых площадок в пользу российской продукции [**2**].

Анализ динамики основных индикаторов развития отрасли виноделия

Динамика изменения общей площади виноградных насаждений, представленная в таблице 1, дает возможность подробно изучить текущее состояние винодельческой отрасли, а также определить степень важности развития данного хозяйства как для регионов-лидеров, так и для страны в целом.

Таблица 1

Общая площадь виноградных насаждений за 2019–2023 гг., тыс. гектаров [**11**]

	2019	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024***	**Темп прироста с 2019 г. по 2023 г., %**
РФ	95,9	96,8	99,4	101,2	105,3	107	9,8
Краснодарский край	27,5	27,2	29,0	29,8	31,5	33,7	14,55
Республика Крым	19,9	20,2	20,8	20,6	20,8	22,0	4,52

*предварительная оценка

Приведенная статистика показывает прослеживание уверенной тенденции к увеличению площади виноградных насаждений в России с 2019 года. Общий прирост показателя в РФ за 5 лет составляет 9,8%. Что касается ежегодного прироста, то в среднем по стране он составил 2%.

Стоит отметить, что на сегодняшний день официальная статистика за 2024 год отсутствует, однако в рамках российского винодельческого форума было отмечено, что суммарная площадь виноградников в России в 2024 году составит 106–107 тыс. га [**7**]. Это на 1,6% больше, чем в 2023 году, а также на почти 12% превышает данные 2019 года. Это позволяет предположить, что производители сохранят высокий тренд по закладке новых объемов виноградников.

Виноградарство и виноделие на территории Краснодарского края существует и развивается благодаря высокому качеству кубанских вин, обусловленному благоприятными почвенно-климатическими условиями, технологией виноделия, а также степенью совершенствования сырьевой базы. Регион славится своими основными производителями вина. Чтобы подтвердить факт отнесения его к лидерам в виноделии, рассмотрим Краснодарский край в сравнении с республикой Крым, которая занимает вторую позицию по развитости виноделия в нашей стране [**6**].

Краснодарский край лидирует по площади виноградных насаждений уже на протяжении 5 лет, достигнув к 2023 году значений, равных почти 32 тыс. гектарам (табл.1). По предварительной оценке, к 2024 году территория виноградников в регионе приблизится к 34 тыс. га, что на 7% больше результатов предыдущего года. Учитывая благоприятные условия для развития винодельческой отрасли и продолжительный производственный процесс, связанный с длительным созреванием и плодоношением новых виноградных лоз, Краснодарский край стремится ежегодно расширять площади под насаждения. Так, проведя расчеты на основании вышеприведенных данных, можно отметить, что с 2019 по 2023 год регион продемонстрировал увеличение данной территории почти на 15%, а за период 2019–2024 годов – на 22,5%. Это позволяет ему укрепить свои позиции в рейтинге зон с высоким экономическим потенциалом для развития виноделия.

Республика Крым по сравнению с Краснодарским краем характеризуется медленным процессом расширения винодельческих территорий. Так, общая

площадь под виноградники в Крыму в период 2019–2024 годов варьируется в пределах 20–22 тыс. га. Ежегодный прирост показателя составляет в среднем 2%. По данным 2024 года, площадь виноградных насаждений Крыма почти на 35% меньше результатов Краснодарского края. В то время как в 2019 году разница между ними достигла 27,6%. Данные результаты были получены исходя из значений, представленных в таблице 1. Тем не менее Республика Крым остается перспективным и ценным регионом для винодельческой отрасли.

Важным моментом является государственная программа развития виноградарства и виноделия, в рамках которой планируется расширить площадь отечественных виноградников к 2025 году до 125,7 тыс. га [**1**]. Следовательно, чтобы достичь поставленной государством цели, ожидается увеличение показателя за год на 17%. Однако, учитывая, что с 2019 года ежегодный прирост площади составлял от 1 до 4%, вероятность достижения целевого показателя в размере 125,7 тыс. га очень мала.

Роль региона в развитии винодельческой отрасли страны становится еще более очевидной при анализе долей. Так, рассмотрим результаты, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Доля площади виноградных насаждений региона в общей площади РФ, 2019–2023 гг., %

	2019	2020	2021	2022	2023	2024*
Краснодарский край	28,68	28,10	29,18	29,46	29,91	31,5
Республика Крым	20,75	20,87	20,93	20,36	19,75	20,56

*предварительная оценка
Источник: составлено автором на основе данных, представленных в таблице 1.

Краснодарский край и Республика Крым являются ключевыми винодельческими зонами, где суммарно расположено около 50% общей площади виноградников страны. На Краснодарский край на протяжении 2019–2024 годов приходится в среднем 29% всех виноградных насаждений РФ. Важно отметить прослеживающуюся тенденцию к стабильному наращиванию доли

винодельческих территорий в Краснодарском крае, которая в 2024 году почти на 3% превзошла данные 2019 года.

Что касается Республики Крым, отметим, что доля площади виноградных насаждений данного региона в общей площади РФ в период 2019–2024 годов не превышает 21%. По сравнению с Краснодарским краем показатель по Крыму отстает в среднем на 9%.

Проанализировав показатель общей площади виноградников ведущих регионов – производителей винодельческой продукции, очень важно понять, сколько составляет общий урожай винограда. Ведь для изучения ситуации в отрасли стоит обратить особое внимание на сырье, динамика сбора которого изображена на рисунке 1.

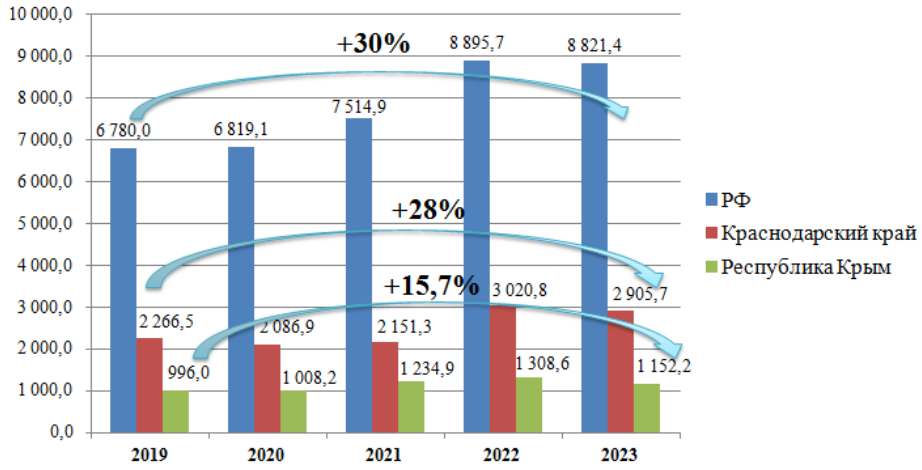

Рис. 1. **Валовой сбор винограда, 2019–2023 гг., тыс. центнеров** [**11**]

На протяжении 2019–2022 годов показатель валового сбора винограда демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. В РФ максимальный прирост урожайности пришелся на 2022 год, что составило +18%. Однако к 2023 году сбор винограда несколько снизился. Такое падение урожая связано с неблагоприятными погодными условиями, такими как засуха и переувлажнение. Изменения погоды сильно осложнили ситуацию, так как во время созревания ягод прошли сильные дожди [**2**]. Вопреки этому Россия показала отличные результаты в 2019–2023 годах. Так, за 5 лет сбор винограда в стране увеличился на 30%. Успешные итоги за рассматриваемый период зафиксированы также в

Краснодарском крае и Республике Крым, где к 2023 году сбор сырья вырос на 28% и 15,7% соответственно. Среди регионов по этому показателю лидирует Краснодарский край, который на протяжении 5 лет поддерживает сбор сырья на уровне не ниже 2 000 тыс. центнеров.

Конечно, индикатор сбора винограда показывает масштаб и степень развития отрасли. Однако данной информации недостаточно для понимания перспектив увеличения производства вина. Важно учитывать соотношение урожайности винограда на единицу площади виноградников. Чем больше винограда можно собрать с 1 га земли, тем больше заметен эффект от наращивания площадей. Рассмотрим данные, представленные в таблице 3.

Таблица 3

Урожайность виноградных насаждений, 2019–2023 гг., ц с 1 га убранной площади [11]

	2019	2020	2021	2022	2023
Краснодарский край	92,6	96,5	92,6	135,8	118,1
Республика Крым	73,5	63,6	73,5	82,7	71,1

В период 2019–2023 годов урожайность винограда в Краснодарском крае значительно превышает данные по Республике Крым (табл. 3). Если в 2019 году с единицы убранной площади урожайность винограда в Краснодарском крае была на 19 ц/га больше по сравнению с Республикой Крым, то к 2023 году отставание Крыма от лидирующего региона составило 47 ц/га, что позволяет Краснодарскому краю уверенно сохранять свое доминирование на рынке виноделия. В целом стоит заметить, что показатель по двум регионам демонстрировал не очень устойчивые значения, то снижаясь, то увеличиваясь под влиянием погодных факторов.

Изучение динамики индикаторов сбора винограда, а также урожайности с 2019 по 2023 год дает представление о потенциальном объеме производства вина, который, безусловно, зависит от количества имеющегося сырья. Так,

производство данной продукции в РФ имеет нестабильную динамику, что заметно на рисунке 2.

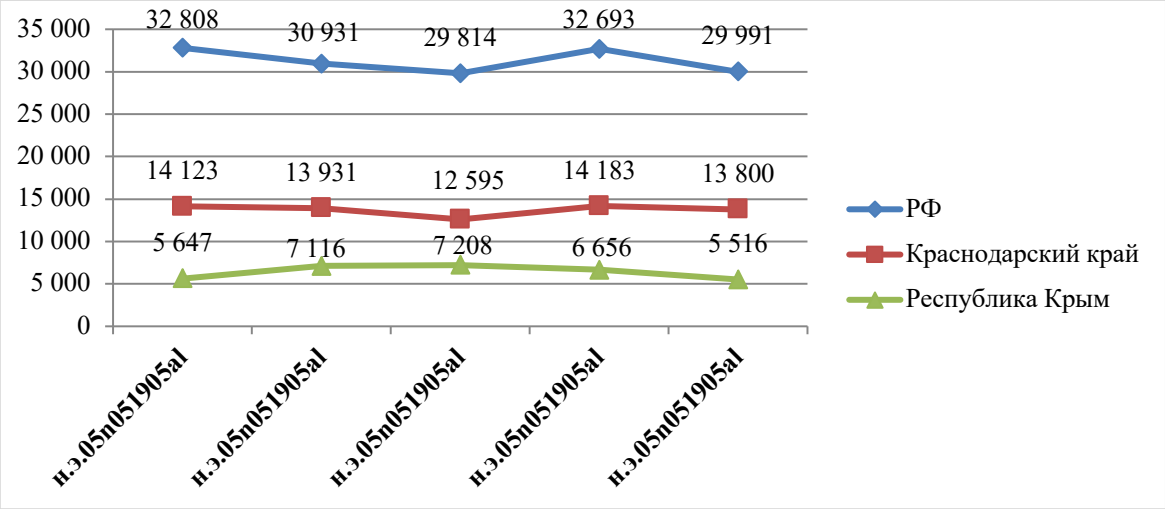

Рис. 2. **Объем производства вина в регионах и их доля в общем объеме производства вина в РФ, 2019–2023 гг., тыс. дал [10].**

Абсолютным лидером по производству вина на протяжении 2019–2023 годов являлся Краснодарский край (рис. 2). Несмотря на прослеживающуюся тенденцию к сокращению его выпуска в период 2019–2021 годов почти на 11%, доля производства вина Краснодарского края в общем объеме РФ максимальна, что составило 46% в 2023 году. Что касается Республики Крым, являющейся вторым по значимости регионом виноделия, то с 2019 по 2021 год здесь отмечается ежегодное наращивание выпуска продукции. Однако в 2022–2023 годах в республике уже прослеживается отрицательная динамика показателей производства вина, что объясняется снижением урожайности винограда. Если доля краснодарского вина в общем объеме производства в РФ в 2022–2023 годах увеличилась на 2,63%, то крымского вина за тот же период снизилась на 1,97%.

Изучив особенности развития винодельческой отрасли, перейдем к анализу ведущих виноделен Краснодарского края (табл. 4).

Таблица 4

Ведущие производители вина Краснодарского края по объему выручки, 2022–2023 гг. млн. руб. [9]

	2022	2023	Темп прироста, %

ООО «Кубань-Вино»	11 424	13 429	17,55
ЗАО «Абрау-Дюрсо»	6 223	5 955	-4,31
ОАО «Агропромышленная фирма "Фанагория"»	5 737	5 929	3,35
ООО «Союз-Вино»	3 973	4 201	5,74
ООО «Таманская винная компания – Кубань»	3 280	3 337	1,74

Большинство компаний расположено в Краснодарском крае, что доказывает ведущую роль региона в российском виноделии. Согласно данным, представленным в таблице 4, первое место, демонстрируя не только максимальный результат по выручке, но и по приросту показателя в размере 17,55%, занимает компания «Кубань-Вино». Значительно уступая по выручке на 5–7 млн руб., вторую ведущую позицию занимает предприятие «Абрау-Дюрсо». Несмотря на снижение выручки за год на 4%, предприятию удается сохранить свое место в рейтинге ведущих компаний Краснодарского края. Кроме того, активный процесс прироста показателя прослеживается у таких виноделен, как «Фанагория» и «Союз-Вино», который за 2023 год характеризуется 3% и 6% соответственно. Что касается ООО «Таманская винная компания – Кубань», выручка колеблется в пределах 3 млрд руб., что примерно в 3–4 раза меньше, чем у рассмотренной ранее компании-лидера.

Перспективы развития винодельческой отрасли на основе SWOT-анализа

Понимание текущего состояния и будущих перспектив российской винодельческой отрасли имеет большое значение, особенно в связи со значительным сокращением импорта и давления экономических санкций. Для оценки возможных перспектив развития анализируемого сектора Краснодарского края и разработки стратегии его совершенствования проведем SWOT-анализ (табл. 5).

Для того чтобы адаптировать методологию SWOT-анализа к винодельческим предприятиям Краснодарского края, необходимо учитывать

факторы внешнего и внутреннего влияния, исходя из специфики отрасли. Анализируемый регион выделяется существенными площадями виноградных насаждений, а также наличием известных винодельческих брендов, выпускающих высококачественные вина в широком ассортименте. Всё это привело к увеличению спроса на продукцию местного производства, который в 2023 году характеризовался повышением на 20%. В результате доля Краснодарского края в изготовлении российского вина максимальна по сравнению с конкурирующими регионами. Большим успехом сегодня пользуется развитие винного туризма, который способствует популяризации отечественных вин, повышению конкурентоспособности винодельческой продукции [**3**].

Таблица 5

SWOT-анализ винодельческой отрасли Краснодарского края

Сильные стороны	**Слабые стороны**
1. Благоприятные природно-климатические условия региона. 2. Высокий уровень экономического развития Краснодарского края. 3. Наибольшая площадь виноградных насаждений среди других регионов. 4. Наибольшее число зарегистрированных виноделен в РФ. 5. Максимальная доля региона в производстве вина в стране. 6. Поддержка и продвижение винодельческой отрасли региональными властями (в 2023 г. господдержка увеличилась в 1,7 раза — до 1,2 млрд руб.) [**6**]. 7. Преобладание крупных и хорошо известных брендов. 8. Высокое качество продукции. 9. Увеличение спроса на краснодарское вино (+20% в 2023 г. [**10**]). 10. Увеличение объема производства вин в регионе (+2,5% в 2024 г. в сравнении с 2023 г. [**5**]). 11. Развитый винный туризм.	1. Высокая зависимость от поставок импортного сырья (бутылки, пробки и т.д.). 2. Зависимость от импорта технологий, оборудования и материалов. 3. Высокая зависимость урожая от погодных условий. 4. Затрудненный выход на новые зарубежные рынки. 5. Ограниченный рынок сбыта продукции.
Возможности	**Угрозы**
1. Привлечение инвестиций. 2. Внедрение инновационных методов переработки вторичных ресурсов виноделия. 3. Обмен опытом с ведущими мировыми производителями вина. 4. Географическая диверсификация. 5. Продвижение винного туризма и повышение узнаваемости российских брендов. 6. Расширение государственной поддержки	1. Увеличение разрыва в технологическом развитии винодельческих компаний по сравнению с мировыми лидерами отрасли. 2. Рост конкуренции между крупными игроками отрасли. 3. Падение спроса на вино в связи с изменением предпочтений потребителей. 4. Снижение платежеспособности населения. 5. Ухудшение экологической ситуации в регионе.

отрасли, включая программы развития виноградарства. 7. Организация фестивалей, ярмарок с дегустацией.	6. Расширение теневого рынка. 7. Ужесточение законодательства в сфере производства алкогольной продукции.

Источник: составлено автором

Однако высокая зависимость от импортных материалов, оборудования, с/х техники привела производителей в замешательство. Ведь поиск новых поставщиков и налаживание собственного производства требуют значительных временных и финансовых ресурсов.

Заключение

Несомненно, Краснодарский край обладает определенным потенциалом развития. Винодельческие предприятия региона могут укрепить свои позиции на рынке за счет разработки и внедрения инновационных решений и привлечения инвестиций. Кроме того, сотрудничество с другими странами, например с Турцией или Бразилией, может положительно сказаться на повышении качества продукции, а также на улучшении маркетинговой составляющей.

Безусловно, внешние факторы, такие как климатические катаклизмы и экономические кризисы, негативно влияющие на платежеспособность населения, представляют значительную угрозу для развития сферы виноделия региона. Вместе с тем стоит отметить, что большой ущерб винному хозяйству Краснодарского края может причинить усиление конкуренции в отрасли за счет появления новых, перспективных игроков на рынках других регионов России.

Таким образом, несмотря на высокорискованность винного производства, Краснодарскому краю удается сохранять лидирующие позиции в винодельческом секторе и эффективность производственных процессов. Так, комплексная оценка состояния винодельческой отрасли рассматриваемого региона помогла определить ключевые направления развития и стратегического планирования, чтобы максимально использовать возможности и смягчить потенциальные проблемы. Развитие виноделия в Краснодарском крае – это не только перспективная сфера бизнеса, но и сектор, который при должной

государственной поддержке может стать одним из драйверов экономического роста региона.

Список литературы

1. Бебекова С. В., Полетаева Ю.А., Курило А.В. «Анализ рынка виноделия в Российской Федерации» // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2023. №3. С. 567-577.

2. В России выросли пошлины на алкоголь из недружественных стран // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/wine/news/66b231f69a7947d6b796ec87 (дата обращения: 20.02.2025).

3. Леонович А. М. Анализ современного состояния винодельческой отрасли Краснодарского края: проблемы и пути их преодоления / А. М. Леонович, А. П. Соколова // Эпомен. – 2018. – № 15. – С. 143-151. – EDN XVEUVV.

4. На Кубани на 2,5% увеличился объем винного производства. // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/wine/news/67bdcd6e9a7947361db77357?from=wine_newsfeed (дата обращения: 20.02.2025).

5. На поддержку винодельческой отрасли на Кубани выделили 1,2 млрд рублей. //Коммерсант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6253844 (дата обращения: 20.02.2025).

6. Официальный сайт компании LUDING GROUP. Библиотека сомелье. «Чем интересно виноделие Крыма?» // LUDING GROUP [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://luding.ru/academy/sommlib/chem-interesno-vinodelie-kryma/ (дата обращения: 20.02.2025).

7. Площадь виноградников в России в 2024 году достигнет 107 тыс. га // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/wine/news/672c9aa49a794735cd73c355 (дата обращения: 20.02.2025).

8. Ресурс БФО. Отчеты о финансовых результатах компаний «Кубань-Вино», «Абрау-Дюрсо», «Агропромышленная фирма «Фанагория», «Союз-Вино», «Таманская винная компания – Кубань». Ресурс БФО [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://bo.nalog.ru (дата обращения: 19.12.2024).

9. Спрос на вино в Краснодарском крае вырос в 2023 году на 20%. // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/658049949a7947e8969dede2 (дата обращения: 20.02.2025).

10. Статистический сборник «Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции в 2021-2023 годах» //Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка. Сведения об объемах производства и отгрузки этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (по субъектам Российской Федерации) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://fsrar.gov.ru/industry/1261678438828/statisticheskij_sbornik_osnovnye_pokazateli_harakterizujushhie_rynok_alkogolnoj_produkcii_v_2018_2020_godah (дата обращения: 19.12.2024).

11. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Бюллетень «Площади, валовой сбор и урожайность многолетних насаждений в Российской Федерации в 2023 году», Площадь виноградных насаждений, валовой сбор винограда: Росстат [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13277 (дата обращения: 19.12.2024).

12. Шокурова Е. В 2023 году Кубань планирует на треть нарастить объем производства вина и шампанского// «Агроинвестор», 22 ноября 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.agroinvestor.ru/regions/news/41416-v-2023-godu-kuban-planiruet-na-tret-narastit-obem-proizvodstva-vina-i-shampanskogo/ (дата обращения: 20.02.2025).

Шавина Евгения Викторовна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры политической экономии
и истории экономической науки
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
e-mail: Shavina.EV@rea.ru
Evgeniya V. Shavina,
PhD in Economics, Docent,
Associate Professor Department of Political Economy
and History of Economic Science
Plekhanov Russian University of Economics,
e-mail: Shavina.EV@rea.ru

Губарев Артем Евгеньевич,
студент РЭУ им. Г.В. Плеханова,
e-mail: gubarev139@gmail.com
Artem E. Gubarev,
Student of Plekhanov Russian
University of Economics,
e-mail: gubarev139@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС

PROBLEMS AND IMPROVEMENT OF RUSSIA'S HUMANITARIAN POLICY IN THE EAEU AREA

Аннотация: в статье представлены результаты научной работы, посвященной исследованию имеющихся практик гуманитарной политики России на пространстве ЕАЭС. Представлены предложения по повышению эффективности гуманитарной политики России на пространстве ЕЭАС, которые могут быть использованы соответствующими организациями при реализации или поддержке проведения гуманитарной политики России в странах ЕАЭС.

Ключевые слова: гуманитарная политика, «мягкая сила», ЕАЭС, евразийская интеграция, гуманитарное сотрудничество.

Abstract: the article presents the results of scientific work devoted to the study of existing practices of Russia's humanitarian policy in the EAEU space. The author presents proposals to improve the effectiveness of Russia's humanitarian policy in the EAEU space, which can be used by relevant organizations in implementing or supporting Russia's humanitarian policy in the EAEU countries.

Keywords: humanitarian policy, «soft power», EAEU, Eurasian integration, humanitarian cooperation.

Введение

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» неотъемлемой частью внешней политики Российской Федерации является гуманитарная политика [**5**]. Приоритетное направление гуманитарной политики России – развитие многостороннего гуманитарного сотрудничества на пространстве СНГ, где особую значимость для России в настоящее время приобретает взаимодействие со странами ЕАЭС, поскольку тесные экономические связи между странами – членами Союза создают базис для реализации более тесного сотрудничества именно в гуманитарной сфере.

Понятие «гуманитарная политика» напрямую связано с появившейся в конце XX века концепцией «мягкой силы», которая представляет собой совокупность внешних инструментов влияния, основанных на политическом, культурном, ценностно-идеологическом и социальном взаимодействии. На сегодняшний день использование «мягкой силы» присуще многим глобальным и региональным игрокам.

Нормативно-правовая основа гуманитарной политики России

Возможность использования элементов гуманитарной политики во внешней политике Российской Федерации закрепляется в нормативно-правовых актах государства и соответствующих государственных органов. На текущий момент наиболее актуальным из таковых документов является Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции

гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» [**5**]. Правовую основу данной Концепции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» [**6**], другие нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность федеральных органов государственной власти в сфере гуманитарной политики.

Гуманитарное сотрудничество в рамках ЕАЭС упоминается лишь косвенно в «Договоре о Евразийском экономическом союзе» от 29.05.2014 г. [**1**]. В разделе XXVI «Трудовая миграция», а именно в ст. 97 и 98, говорится о социальной защите, медицинской помощи, возможностях трудоустройства и других аспектах трудовых отношений, а также о взаимном признании документов об образовании. Таким образом, на сегодняшний день нет ни одного документа ЕАЭС, регулирующего гуманитарное сотрудничество или называющего его в числе направлений деятельности ЕАЭС. То, что гуманитарное сотрудничество в рамках Союза не является направлением его деятельности и не имеет под собой прописанную правовую основу, представляет существенное препятствие для проведения эффективной гуманитарной политики на пространстве ЕАЭС. Это значит, что взаимодействие между странами – членами ЕАЭС и Россией в вышеназванной сфере преимущественно строится на двусторонних соглашениях, а также соглашениях, действующих в рамках других международных союзов, например СНГ.

Проблемы гуманитарной политики России на пространстве ЕАЭС

Практический аспект гуманитарной политики России на пространстве ЕАЭС включает в себя следующие инструменты взаимодействия:

1. В образовании: программы обмена студентами, признание дипломов, совместные образовательные проекты, поддержка русских школ.

2. В научной и инновационной сферах: совместные научные исследования, развитие инновационной инфраструктуры.

3. В культуре: проведение совместных культурных мероприятий, поддержка русского языка и культуры в странах ЕАЭС.

4. В информационной политике: развитие информационного обмена и представленности российских СМИ, противодействие информационным угрозам.

По результатам анализа имеющихся практик реализации гуманитарной политики России на пространстве ЕАЭС было выявлено несколько проблемных составляющих, которые можно разбить на несколько блоков.

1. Недостаточная координация и отсутствие единой стратегии:

— разрозненные инициативы (российские гуманитарные проекты часто реализуются разрозненно, без должной координации между различными ведомствами и организациями);

— отсутствие комплексного подхода (отмечается недостаток стратегического видения и комплексного подхода к гуманитарной политике, что приводит к фрагментарности и неэффективности проектов);

— чрезмерная бюрократизация грантовой поддержки частных инициатив (отчеты по проводимым мероприятиям зачастую требуют бóльших сил, чем само мероприятие);

— несистемность гуманитарной политики, развивающейся хаотично за счет небольших образовательных и культурно-просветительских проектов и инициатив, поддержанных государством; отсутствие профильного органа по гуманитарной политике в ЕАЭС.

2. Слабая вовлеченность гражданского общества, доминирование государственного сектора. Российская гуманитарная политика в ЕАЭС часто реализуется сверху вниз без достаточного участия гражданского общества и местных сообществ. Негативным аспектом также является ставка

преимущественно на государственные СМИ в информационной политике при стремительном росте популярности интернет-СМИ и социальных сетей.

3. Неэффективность инструментов «мягкой силы»:

— использование нарратива «пропаганды» вместо «диалога» и «сотрудничества». Российские медиа и культурные проекты в ЕАЭС часто фокусируются на пропаганде, а не на построении диалога и взаимопонимания;

— формирование медийного образа российской гуманитарной политики как «мягкой силы», а не «гуманитарного сотрудничества». Отсюда в том числе вытекает недоверие как населения, так и самих государств – членов ЕАЭС ко многим гуманитарным проектам, предлагаемым Россией;

— отсутствие положительной динамики в уровне восприятия России за рубежом, снижение численности русскоговорящего населения, русских школ, а также иностранных студентов, обучающихся в России.

4. Противоречия с политическими целями:

— политизация гуманитарной сферы (российская гуманитарная политика в ЕАЭС часто используется как инструмент политического влияния, что подрывает доверие и ограничивает эффективность проектов);

— несоответствие декларируемых целей и реальных действий (наблюдается разрыв между заявленными Россией целями гуманитарного сотрудничества и ее реальными действиями, что вызывает разочарование и критику со стороны партнеров по ЕАЭС);

— отсутствие нормативно-правовой основы для реализации гуманитарного сотрудничества. При этом гуманитарные проекты под руководством ЕАЭС реализуются преимущественно ЕЭК в рамках непрофильной деятельности.

Меры совершенствования гуманитарной политики

На основании исследования были сформулированы меры повышения эффективности гуманитарной политики России на пространстве ЕАЭС в сферах образования, культуры, науки, медиа, общественной дипломатии и т.д.

Рассмотрим эти меры на примере двух сфер: образования и общественной дипломатии. В качестве мер повышения эффективности гуманитарной политики в сферах образования и науки могут выступать:

1. Развитие научной мобильности и академический обмен, создание единой базы данных научных учреждений и образовательных программ стран ЕАЭС, привлечение зарубежных специалистов для чтения лекций и проведения мастер-классов в крупнейших вузах. В том числе содействие взаимному признанию научных публикаций, создание единого реестра научных журналов стран ЕАЭС (журналы, соответствующие определенным критериям качества и прозрачности); разработка единых стандартов оценки научных публикаций (стандарты должны учитывать разные научные дисциплины и быть сопоставимы с международными критериями). В рамках этого пункта также стоит создать евразийский рейтинг цитируемости.
2. Создание специальной премии ученым Евразии. В качестве номинаций премии должны выступать наиболее актуальные направления для исследований ЕАЭС: точные науки, информатика, химия, биотехнологии, медицина, сельскохозяйственные науки.
3. Создание новых совместных программ в рамках Сетевого университета ЕАЭС – Евразийского сетевого университета (ЕСУ). В результате работы университета будет осуществляться текущая и опережающая подготовка необходимых специалистов в соответствии с потребностями рынка труда государств ЕАЭС и перспективами развития экономик Союза. Также стоит отметить идею создания Фонда евразийских исследований.

Пожалуй, наиболее важным фактором эффективности гуманитарной политики на пространстве ЕАЭС является развитие общественной дипломатии и институтов гражданского общества в странах. К мерам поддержки общественной дипломатии можно отнести:

— Формирование государственного заказа для НКО в целях создания правовых возможностей для реализации ими крупных и долгосрочных проектов. В рамках предложения могут рассматриваться такие меры, как разработка и внедрение механизмов формирования и размещения госзаказа для НКО на уровне ЕАЭС, создание единой информационной платформы для взаимодействия государственных органов и НКО стран – участниц ЕАЭС, а также разработка методических рекомендаций по участию НКО в госзаказе, в том числе проведение обучающих семинаров и консультаций для НКО.

— Содействие развитию системы филиалов и представительств организаций, занимающихся публичной дипломатией, в странах евразийского пространства с функцией оперативного проведения мероприятий, отбора активных кадров, реализации проектов на местах и их поддержки. Кадры необходимо выращивать изнутри и оставлять их работать в своих государствах.

— Развитие системы коллективных грантов на проекты в сфере публичной дипломатии, предполагающие их реализацию не одной организацией, а несколькими, в т.ч. из разных стран (стимулирование кооперации НКО), а также осуществление проектов секторальной, «специализированной дипломатии» (молодежный парламентаризм, экологическая дипломатия, энергетическая дипломатия и т.д.).

В качестве общих мер, способствующих укреплению гуманитарной интеграции, предлагается создать на базе ЕАЭС единый наднациональный международный орган, который бы занимался вопросами гуманитарной политики на евразийском пространстве. Подобные органы уже существуют в рамках различных международных союзов. Например, Европейская комиссия, которая в том числе занимается и гуманитарной интеграцией. В рамках нынешних связей в ЕАЭС возможно создание лишь органа, который бы проводил независимую политику, направленную на укрепление гуманитарной

интеграции и евразийского просвещения. Важно отметить, что деятельность подобного органа предусматривает всестороннее гуманитарное сотрудничество в рамках ЕАЭС и не является прямым инструментом непосредственно российской гуманитарной политики. Вовлеченность всех стран – членов ЕАЭС в его функционирование позволило бы согласованно проводить гуманитарные мероприятия в Союзе, а наднациональный статус придал бы органу должный уровень доверия, не позиционируя его в форме «внешнего влияния» или российской «мягкой силы».

Важно понимать, что существование данного органа и гуманитарного сотрудничества в целом возможно лишь при условии внесений существенных изменений в договор о ЕАЭС. Общие изменения в нормативно-правовой основе деятельности должны включать:

— признание гуманитарного сотрудничества одним из приоритетных направлений деятельности ЕАЭС – это подчеркнет важность развития образовательных, научных и культурных связей для укрепления интеграции;

— определение основных целей и задач гуманитарного сотрудничества: например, развитие единого образовательного пространства, стимулирование научной кооперации, сохранение и продвижение культурного наследия, укрепление межнационального взаимопонимания;

— закрепление таких принципов гуманитарного сотрудничества, как взаимное уважение, равноправие, взаимная выгода, транспарентность, учет национальных особенностей стран участниц;

— создание механизмов реализации гуманитарного сотрудничества: создание специального органа по гуманитарному сотрудничеству, разработка совместных программ и проектов, формирование фондов для финансирования гуманитарных инициатив.

В случае успешного внесения вышеперечисленных изменений возможности гуманитарного сотрудничества существенно расширятся, что даст толчок к интеграции в целом. Перейдем непосредственно к предложению по

созданию специального органа по гуманитарному сотрудничеству. К основным функциям предлагаемой организации евразийского гуманитарного сотрудничества (далее ЕАОГС) относились бы:

— разработка и реализация стратегии гуманитарного сотрудничества ЕАЭС: определение приоритетных направлений работы, разработка конкретных программ и проектов;

— координация деятельности стран-участниц в сфере образования, науки и культуры: создание платформы для обмена опытом, практиками, реализации совместных проектов;

— финансовая поддержка гуманитарных проектов: распределение средств на осуществление программ по обмену студентами и преподавателями, проведению совместных научных исследований, организации культурных мероприятий;

— создание единой информационной платформы по гуманитарным проектам ЕАЭС: обеспечение доступности информации о программах и проектах, возможностях участия, достигнутых результатах.

Заключение

Реализация данных рекомендаций позволит повысить эффективность гуманитарной политики России на пространстве ЕАЭС, укрепить взаимопонимание и доверие между народами, а также будет способствовать формированию общего культурного и образовательного пространства. В заключение важно подчеркнуть, что гуманитарное сотрудничество является одним из ключевых направлений интеграции на пространстве ЕАЭС. Успешная реализация гуманитарной политики позволит создать благоприятные условия для развития экономического и политического взаимодействия, укрепления стабильности и безопасности в регионе.

Список литературы

1. "Договор о Евразийском экономическом союзе" (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 09.12.2022)

2. Косякина Анна Сергеевна РОССИЙСКИЙ ПОДХОД К КОНЦЕПЦИИ “МЯГКОЙ СИЛЫ” // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-podhod-k-kontseptsii-myagkoy-sily (дата обращения: 22.04.2025).

3. Леонова Ольга Георгиевна Джозеф Най и "мягкая сила": попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dzhozef-nay-i-myagkaya-sila-popytka-novogo-prochteniya (дата обращения: 22.04.2025).

4. Неймарк М.А. Гуманитарная политика России за рубежом: концептуальная перезагрузка. Проблемы постсоветского пространства. 2022;9(3):279-288. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-279-288

5. Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 "Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом"

6. Указ Президента РФ от 8 ноября 2011 г. N 1478 "О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации"

7. Ушурелу О. "мягкая сила" России: проблемы понимания // Постсоветский материк. 2019. №2 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-rossii-problemy-ponimaniya (дата обращения: 22.04.2025).

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRomanCyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).
2. **Название статьи на русском и английском языках**
3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).
4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.
5. **Основной текст статьи,** желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).
6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «…», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш **«Ctrl» + «Alt» + «-»**, а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подрисуночные подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подрисуночные подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys **«Ctrl» + «Shift» + «space»**. Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys **«Ctrl» + «Alt» + «-»**, and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2025. № 1 (31)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес редакции журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска журнала:
1. http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/
2. http://www.vestnikum.ru/

Научный редактор выпуска журнала: Сидорова Г.М. (д.п.н., профессор), Козюлин В.Б. (к.п.н.),

Редакционная коллегия выпуска журнала: Шангараев Р.Н. (д.п.н., к.э.н.), Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина А.А. (к.п.н.), Мартиросян А.Ж. (к.ю.н.), Мартынова Д.О. (к.п.н.), Захаров А.Н. (мл.редактор), Гончаров С.В. (мл.редактор)

Выпускающий и ответственный редактор выпуска журнала: Тимакова О.А. (к.п.н.)

Верстка: С.В. Гончаров

Оформление: С.В. Гончаров

Опубликовано: